23-1-14

На международном конкурсе в Чехословакии новая порода гусей «кубанская», выведенная на опытно-показательной птицефабрике «Краснодарская» агропромышленного комбината «Кубань», заняла первое место, потому что:

— гусыня дает в год до 140 яиц, то есть в два-три раза больше, чем традиционные породы;

— за 62 дня откорма гусь набирает рекордный вес — до 3,8 килограмма;

— за два цикла яйцекладки гусыня может дать до 300 килограммов дешевого мяса в год;

— и, наконец, воспроизводительные качества породы «кубанская» — лучшие в стране и в мире.

Поэтому: колхозы и совхозы, крестьянские хозяйства и фермы! У вас есть шанс заключить с птицефабрикой договоры.

Деловым партнерам из зарубежных стран предприятие предлагает за СКВ или по бартерной сделке яйца, молодняк и гусиный пух.

Адрес: 350060, г. Краснодар-60, птицефабрика «Краснодарская»;
телефоны: 36-98-52 — директор Васильченко Виктор Тарасович;
36-84-43 — отдел сбыта.

70 коп.
Индекс 70798

РОДИНА

12-1990

ISSN 0235—7089

НЕТ МИРА В НАШЕМ ДОМЕ

фото Владимира Лагранжа

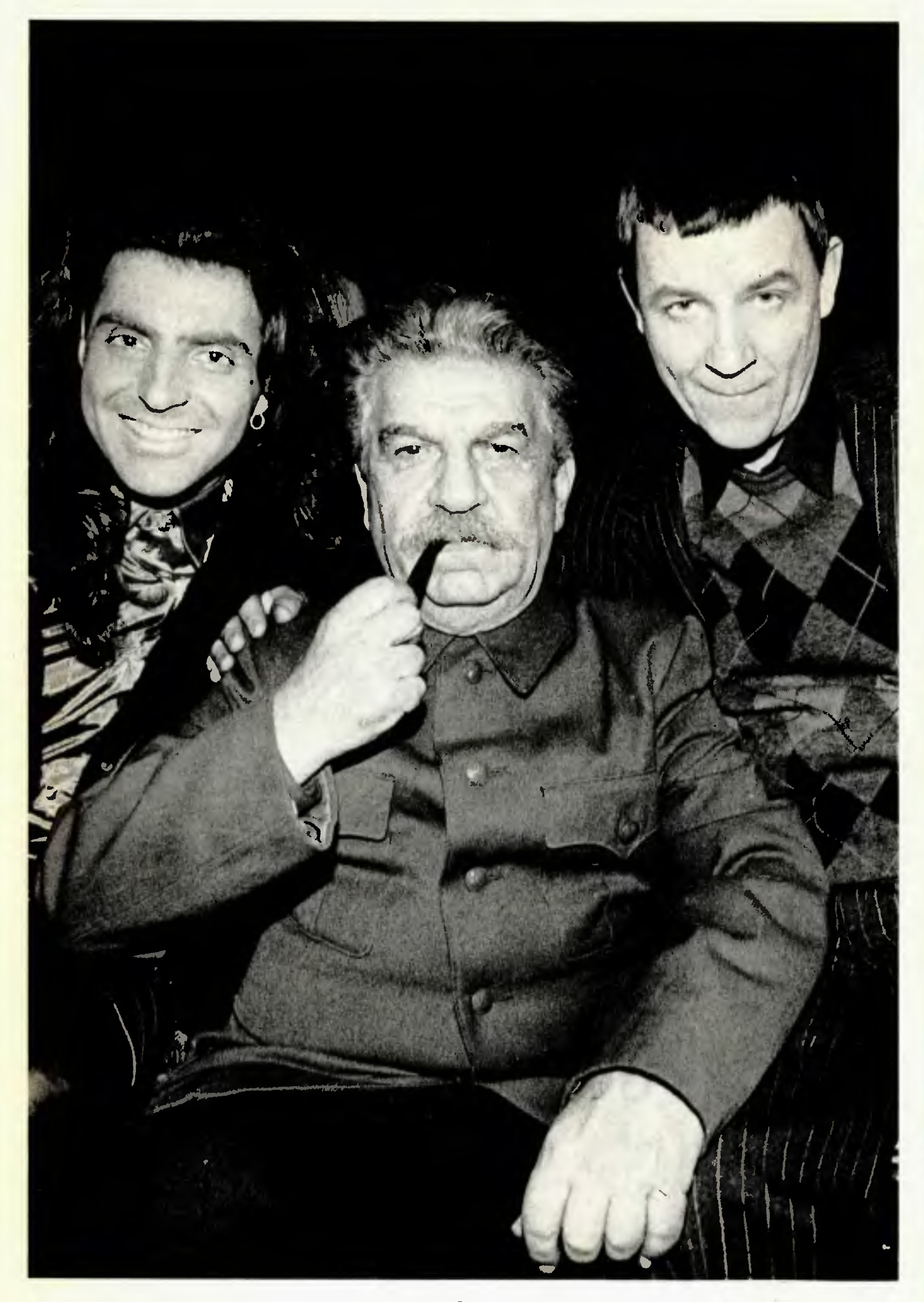
ДВОЙНИКИ

фотографии Юрия Козырева

РОДИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР

12-1990

Выходит с января 1989 г.

Главный редактор
В. П. ДОЛМАТОВ

Редакционная коллегия:
А. К. АВЕЛИЧЕВ
С. С. АВЕРИНЦЕВ
В. С. АРУТЮНОВ
(главный художник)
Н. И. БАСОВСКАЯ
О. И. БОРИСОВ
В. В. БЫКОВ
П. В. ВОЛОБУЕВ
Т. А. КРАВЧЕНКО
(редактор отдела истории)
Б. А. МОЖАЕВ
В. А. ПАНКОВ
(ответственный секретарь)
В. М. ПЕСКОВ
Н. Я. ПЕТРАКОВ
А. С. ЦИПКО

СТАРОЕ

14

Имя Энвера Ходжи долгое время было у нас под запретом: албанский лидер, как и позиция всей его партии, был для послесталинской эпохи одиозным. Предлагаемые вашему вниманию мемуары — субъективный взгляд очевидца многих исторических событий.

42

Очень важной и актуальной теме истории межнациональных отношений посвящены отрывки из опубликованной на Западе книги А. Авторханова «Империя Кремля».

62

Постоянная рубрика журнала «Историки об историках» посвящена сегодня А. П. Щапову.

НОВОЕ

32

О бедах российского леса размышляет министр лесного хозяйства республики В. А. Шубин.

47

Крымские татары... Их трудная судьба волнует сегодня многих. Есть ли решение у этой сложной проблемы? Об этом репортаж номера под заголовком «Самовозврат».

ВЕЧНОЕ

37

Вас ждет встреча с самобытным художником Михаилом Сажаевым. Все его творчество — это волшебный сон о России.

66

«Мои дни с К. А. Коровиным» — так названы воспоминания известного русского философа Б. П. Вышеславцева. С этим материалом едва ли знакомы многие из вас...

СОДЕРЖАНИЕ

Номер оформили:
В. С. Арутюнов
при участии
Т. П. Яковлевой
и С. А. Артемьева

Рукописи объемом менее двух авторских листов не возвращаются.

Издательство «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

ФЕЛИКС МЕДВЕДЕВ,
специальный корреспондент

РИМСКИЙ МИР

Если честно, надежды было мало. Разве можно примирить непримиримых? Гонимого с гонителем? Разве может ближний простить ближнего своего? И неужели враг способен понять врага своего? Если бы мы выполняли хоть одну из заповедей Христовых!

Но когда человек встречается с человеком, они протягивают друг другу руки. Произносят слова. И я не верю, что при этом мысль изреченная есть непременная ложь.

Два дня работы римской конференции «Национальные вопросы в СССР: обновление или гражданская война?» в зале заседаний Итальянского парламента были беспрецедентны. Сегодня, когда уже прошло какое-то время и на события можно взглянуть со стороны, еще сильнее крепнет убеждение, что римская встреча не была случайной. Это были дни размышлений о том, как найти компромисс, как общими усилиями спасти Россию и примирить русских между собой и всеми ближними и дальними братьями. Высокие и, хочется верить, откровенные слова произносили далеко не рядовые наши сограждане и соплеменники. В римском вече участвовали виднейшие деятели культуры нашей страны, русского зарубежья, Италии: Владимир Максимов и Чингиз Айтматов, Василь Быков и Мстислав Ростропович, Леонид Плющ и Дмитрий Лихачев, Наталья Горбаневская и Григорий Бакланов, Эдуард Лозанский и Владимир Солоухин, Витторио Страда и Александр Блох, Иосиф Бродский и Сергей Залыгин, Владимир Буковский и Виктор Астафьев, Марек Хальтер и Паоло Унгари, Михаил Шемякин и Игорь Виноградов, Андрей Дементьев, Владислав Фронин, Александр Афанасьев, Юлиу Эдлис, Евгений Аверин, Игорь Золотусский, Анатолий Стреляный...

Устраивали и финансировали встречу газета «Комсомольская правда», журналы «Юность» и «Континент», независимый университет Вашингтон — Париж — Москва, Хельсинкский комитет Италии, культурный центр «Рабочий мир» (Италия). Конференцию приветствовали: Президент СССР, Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР, Президент Итальянской Республики, министр иностранных дел Итальянской Республики, мэр города Рима.

Поначалу мне думалось, что разговор пойдет только в русле одной-двух проблем. Но на пришедших гостей, журналистов обрушился шквал самых разнообразных, порой взаимоисключающих друг друга тем, предложений, полемических выпадов.

Участники римского форума считали, что у них нет никаких исключительных оснований присваивать себе звания патриотов своего Отечества. Такое отношение к понятию патриотизма стало одной из объединяющих платформ в выступлениях и докладах и, думаю, явилось причиной успеха конференции.

Перед лицом угрозы обострения конфликтов, сознавая необходимость преодолеть и поправить те исторические ошибки и насильственные действия, которые лежат у истоков нынешнего Союза (на самом деле более чем когда-либо разъединенного и раздираемого ненавистью, взрывами нетерпимости и сепаратизма), группа советских и зарубежных интеллигентов решила встретиться и начать диалог о путях обновления.

Вот лишь беглые заметки на полях моего журналистского блокнота — отражение прошедших дискуссий.

* * *

Активным участником римских встреч был Леонид Плющ. Он довольно долго верил в коммунизм. Вчерашний диссидент, отсидевший срок, приехав на Запад, он объявил себя марксистом. Объявил честно, мужественно. Но как только Леонид пообщался с французскими коммунистами, он окончательно разочаровался в марксизме и понял наконец, что во многом глубоко заблуждался.

На встрече украинец Плющ повел разговор о национальных проблемах. Он сомневался, есть ли смысл вообще сохранять какую-либо федерацию, конфедерацию или союз. Удержание силой в узде только затягивает агонию, делает политические разводы более мучительными. Вот и сам Александр Солженицын, считает Плющ, недостаточно последователен: он за сохранение формы какого-то российского союза. Но при этом по отношению к украинцам допускает оскорбительные выпады. С мнением Солженицына о сепаратизме Плющ решительно не согласен. Никто не «распалял» сепаратизма, считает он, сепаратизм распаляла сама история. И призывы к единению, к сохранению Союза — это добрые намерения, но только вот легко ли их сегодня реализовать? А впереди, считал оратор, маячит самое страшное, что может случиться,— гражданская война. И сейчас, когда упущено время, главное — дело, а не идеи, какими бы красивыми эпитетами они ни обкладывались: русская идея, украинская идея, западная идея. Необходимо остановить страну, народы от сползания к братоубийственной войне.

* * *

Главная цель римской встречи — попытка примирения враждующих, противостоящих: консерваторов и демократов, левых и правых. Слишком тяжело положение Отечества, слишком чревата наша жизнь новой гражданской войной. Но чтобы добиться мира в дне сегодняшнем, надо примирить с настоящим и наше прошлое. Разве многие из нас еще и сегодня не сомневаются, что и впрямь белым надо было бить красных, а красным откликаться таким же кровавым террором? Разве не важно сейчас понять общую причину наших национальных несчастий, прийти к мысли, что гражданская война была общим бедствием вне зависимости от того, на чьей стороне было больше «правды»? Символом такого примирения в истории мог бы стать общий памятник жертвам гражданской войны, какой, к примеру, воздвигнут в Испании — в Долине павших.

Моя миссия в Риме заключалась и в том, чтобы от имени редколлегии, читателей журнала «Родина» передать в президиум обращение ко всем соотечественникам перешагнуть через ненависть, классовые предрассудки и всем вместе склонить голову перед памятью павших — белых и красных. Эту акцию мы назвали «Примирение». Она, на наш взгляд, помогла бы быстрее установить и сегодняшний гражданский мир, избежать новой братоубийственной войны.

Обращение было с вниманием принято участниками римской встречи, занесено в официальный протокол. Так что и ваши голоса, уважаемые читатели, вплелись в общий призыв к примирению и согласию...

* * *

Заключительный документ встречи — «Римское обращение» — рождался, можно сказать, в муках. Заготовку привез из Парижа Владимир Максимов, но она показалась излишне резкой, напористой, поэтому было решено на основе этого отправного варианта создать новый. Участники встречи буквально обкатывали каждую фразу. Любой мог встать и дополнить текст воззвания, уточнить, предложить что-то свое. Говорили взволнованно и жарко, но конкретно. Дело доходило до резких противостояний и споров. У меня, к примеру, вызвала сомнение фраза, где говорится о том, что «распадается одна из величайших империй в истории человечества». Как это так, думал я, «величайшая империя»? Ведь понятие это воспринимается явно в положительном контексте, а значит, и как бы образцово. Если так, зачем же желать разрушения этой самой замечательной империи? По-моему, здесь более подходящими были бы такие сравнения, как «одна из жесточайших империй», на худой конец «одна из последних империй».

Меня удивило, что никто не заметил этого противоречия. Обсуждение текста обращения ушло дальше, а я все не решался поднять руку. Оно почти заканчивалось, когда на сцену вышел Владимир Крупин и слово в слово высказал свои сомнения по этому же поводу. Из зала стали предлагать иные варианты: «жесточайшая», «кровавая»... Но я так и не понял, приняла ли редакционная коллегия замечания Крупина, до тех пор, пока в «Комсомольской правде» не прочел, я бы сказал, намного усеченный и резко изменившийся в сторону отягчения формулировок вариант максимовского воззвания. «Величайшая империя» в тексте почему-то осталась...

* * *

«Посол Союза Советских Социалистических Республик в Итальянской Республике Анатолий Адамишин приглашает...»

Я обрадовался этому визиту. Бокал вина, непринужденная обстановка сближают людей. Можно скорее выяснить позиции, прийти к общему знаменателю, разобраться в сложном и запутанном. Но я обрадовался еще и потому, что знал: интерьер нашего посольства увешан замечательными полотнами русских мастеров живописи. Как они там оказались? Четырнадцатый год. В особняке посла Его Императорского Величества в Риме — вернисаж картин русских художников. Начинается война, и устроителям выставки не до искусства. Так и остаются на стенах посольства прекрасные образцы отечественной живописи.

Посол Анатолий Адамишин (кстати, для многих стало сюрпризом, что только что пребывавший в должности зам. министра иностранных дел в одночасье оказался послом в Риме. Перестройка тасует кадры, не успеваешь следить за колодой). Посол встречает гостей, каждому пожимает руку. Уверен, что он не знает всех в лицо, хотя почти все его гости — знаменитости. Он не знает, кто есть кто, а в его доме сейчас не только паспортные советские люди, но и вчерашние «враги режима» — диссиденты, те, с которыми он, работая в МИДе, был уж точно по разные стороны баррикад. Все смешалось в доме Адамишина. Недаром шедший рядом Владимир Максимов, пропуская меня вперед, заметил нечто вроде того, что скорее я здесь хозяин, а он — гость. Хотя на самом деле я прилетел в Рим как корреспондент «Родины» по приглашению Владимира Максимова и организаций, причастных к проведению конференции.

В одной из групп гостей, рассматривавших картины, возник нешуточный спор: «Какой русский город изображен на полотне?» Не сойдясь во мнениях, послали за Владимиром Солоухиным. Он и впрямь рассудил. А рядом в окружении большой группы посольских работников было шумное «примирение» Виктора Астафьева и Владимира Максимова. Быть может, именно этот момент стал одним из самых сокровенных во имя исполнения задач и замыслов римской встречи. Правда, два известнейших писателя собственно не враждовали. Но был между ними какой-то холодок, вроде бы не обязаны были ничем друг другу, но именно тут, в Риме, в советском посольстве, они как бы заново породнились.

* * *

Для меня, журналиста, римская конференция была вдвойне интересна. Рядом находились «столпы» диссидентского движения: Наталья Горбаневская, Владимир Буковский, Леонид Плющ, Эдуард Лозанский... И уж, кажется, бери у них интервью, расспрашивай... А мне, казалось, все мало. Я выискивал в Риме других осевших там в разные годы русских людей.

Виделся с Никитой Романовым (он, правда, прибыл в Рим ненадолго из Америки), общался с красавицей Еленой Щаповой (ныне графиней де Карли), поэтессой, прозаиком, автором нашумевшей на Западе книги мемуаров «Это я, Елена...». Она покинула родину в конце 70-х годов вместе со своим тогдашним мужем Эдуардом Лимоновым. Но о встрече с Евгением Вагиным, сотрудником радио Ватикана, я хочу рассказать особо. Мы сидели с ним в холле гостиницы Санта-Клара и в свободное от конференции время беседовали о его судьбе. Судьбе, во многом обычной для диссидента, но и отличной от жизненных стежек-дорожек его соотечественников. Он тоже приходил к нам в зал заседаний Итальянского парламента, общался с русскими, участвовал в полемике.

— Эта римская встреча,— поделился он со мной,— все, что происходит сейчас в России, так для меня неожиданно, что кажется почти невероятным. Я, к примеру, не могу понять, как это так: книги, которые еще недавно хранились только в спецхранах и в архивах КГБ, сейчас не только свободно выдаются на руки, читаются, но и издаются советскими издательствами. Тот же Бердяев, Франк. Список огромен... Ведь мы за чтение этих книг страдали, многие отбыли срок в лагерях и тюрьмах. И теперь, когда я вспоминаю о пережитом, мне кажется, что я нахожусь очень-очень далеко, в прошлом...

А путь Евгения Вагина к тому далекому прошлому был долгим и нелегким. Путь из советского детства, советской школы в советский университет. Путь в диссиденты. Как это произошло? Нет, он не был сталинистом, он был типичным «продуктом» советской школы, да еще и золотым медалистом. Без труда стал студентом, и первые два года учебы, совпавшие с 56-м годом и XX съездом партии, стали для него решающими. Как будто повязка спала с глаз. И события в Венгрии были для него венгерской народной революцией. Но главным для перерождения Евгения Вагина уже в то время было начавшееся духовное пробуждение. Сильное впечатление в душах молодых людей, окружавших Вагина, осталось после прочтения «Писем из Русского музея» В. Солоухина. Группа энтузиастов создает проект христианской реконструкции России. По тем временам, как считали молодые реформаторы, этот проект был гораздо важнее многих утопических социальных программ 60-х годов. Это была идея национально-религиозного возрождения своей родины. Во главе движения стоял Игорь Огурцов, и движение это было либеральным, построенным по образцам европейской демократии. Идеи национального возрождения не имели никакой шовинистической ограниченности или сугубой замкнутости на русском имперском прошлом.

— Я, правда, считал себя «революционером» русского монархиз-

ма,— говорит Вагин,— но это был мой путь. Наша организация называлась «Русский сон», просуществовала она три года. Естественно, подпольно. Но конец был классическим: провокатор, обыски, аресты... Всех, квк цыплят, взяли в одну ночь. Как это все грустно, банально и... понятно! Два судебных процесса... Нас, четырех руководителей, судили ни много ни мало за подготовку заговора с целью свержения власти, остальных человек двадцать — по 70-й и 72-й статьям — антисоветская агитация и пропаганда. Огурцов отсидел от звонка до звонка двадцать лет.

— Вы стали, наверное, иными, многое поняли?

— Лагерный период был для всех нас самым решающим в окончательном духовном становлении. Не в смысле идей, не в политическом смысле, а именно в приближении к Богу. Если уж говорить высоким слогом, это был путь возвращения к истокам...

После приезда в Ленинград Евгений Вагин работал кочегаром, грузчиком, прошел многое из того, что прошли и его друзья. С его биографией в ту эпоху, а это было в 1976 году, выехать за границу с женой и дочкой было довольно легко. От таких освобождались с радостью.

Сегодня Е. Вагин работает старшим редактором на радио Ватикана, материалы, им подготовленные, мы слышим на русском языке. Программы, жалуется он, довольно сухие: новости, культура, никакой инициативы, но времени уходит много. Намеревается уйти с этой работы. Куда? Он уже преподавал в университетах, знает литературу, историю религии, сотрудник журнала «Вече». Без работы не останется.

На прощание подарил мне только что вышедший 37-й выпуск «независимого русского альманаха» «Вече». В самолете я успел перелистать журнал. Читал его и раньше. Далеко не все могу принять в этом журнале. Во всяком случае, его антисемитизм мне претит. Я хочу лишь верить в искренние устремления его авторов к открытому диалогу со всеми, кто думает о будущем России. Я тоже верю, что Россия БУДЕТ. И мне было бы также любопытно познакомиться с диалогом главного редактора «Вече» О. Красовского и главного редактора «Континента» Вл. Максимова, который предполагаем поместить на страницах нашего журнала.

* * *

Одну из дискуссий, разгоревшихся в конференц-зале культурного центра Мондоперайо, можно назвать так: «Была ли Россия под наркозом?» Начал ее писатель Владимир Солоухин, заявивший, что долгие годы Россия находилась под наркозом сталинизма, народ молчал и покорно сносил унижения. Именно в этом видит писатель корень многих наших нынешних бед. Владимир Алексеевич говорил горячо, конкретно, обстоятельно и, главное, как мне показалось, убедительно. Но сразу же после его речи он нашел резкого оппонента в лице академика Лихачева.

— Я утверждаю,— возразил он,— как человек, которому 84 года, что не было в России никакого наркоза, ни в семнадцатом, ни в двадцать восьмом годах, ни позднее. Подтверждением этому — крестьянские восстания, лагерные бунты. Народ сопротивлялся террору, объявленному в восемнадцатом — девятнадцатом годах, как мог. Нет, ни русский, ни советский народ не был народом рабов и не испытывал никакого наркоза. Время такое выпало. Я сам хорошо помню, как на Соловки в полном обмундировании — только без оружия — доставили Полтавскую кавалерийскую курсантскую школу. Будущих офицеров арестовали и судили за то, что они отказались стрелять в восставших полтавских крестьян. Этот исторический факт делает честь украинскому народу. И анекдоты, бытовавшие в народе, были гласом народа, своеобразным протестом, насмешкой. Сопротивлялась и печать. Скажем, вопрос об авторстве «Тихого Дона» в двадцать восьмом году стоял не менее остро, чем стоит ои сейчас. Так что утверждаю: наркоза не было, а был террор против народа.

Игорь Золотусский, писатель, литературный критик, поддержал точку зрения Д. Лихачева и заявил, что лично он ни под каким наркозом не был, потому что его отец, вернувшийся из лагеря в 1956 году, объяснил ему, в какой стрвне мы живем.

— Я уверен,— продолжал И. Золотусский,— что под наркозом не были и те, кто воевал на фронте, к примеру, присутствующие на конференции Виктор Астафьев и Василь Быков. Именно они стали теми воспитателями, которые помогли нашему поколению очнуться и прозреть.

Владимир Алексеевич снова ринулся в бой.

— Я не имею в виду отдельных людей, к примеру, моего однокурсника Григория Бакланова, которые понимали, что происходит. Правильно, прозревали и те, кто сидел в лагерях. Я имею в виду всю страну целиком. Как же не было наркоза? А первомайские демонстрации? А седьмое ноября? С красными флагами, всеобщим поклонением Ленину. А тысячи памятников вождю по всей стране? Всеобщее поклонение Сталину, слезы на его похоронах. Я их видел, видел, как люди рыдали. Что же это такое, как это все назвать? Разве это не всеобщий массовый наркоз, от которого мы только что проснулись? Утверждаю: вся страна находилась под чудовищным общим наркозом!

Зал вибрировал, наливался как сочувствием к тезису В. Солоухина, так и резким неприятием его. Несколько человек сразу подняли руки, прося слова. Дмитрий Сергеевич, молча слушавший выступление Солоухина, пытался возразить новыми доводами. Разгоряченный возникшей полемикой, Владимир Алексеевич в сердцах бросил:

— Да как же так, Дмитрий Сергеевич, вы, ученый человек, начали свое выступление с фразы «советский народ»! Эти слова показывают, что вы и сами были под наркозом, потому что советского народа как такового не существовало, как нет его и сейчас. Нынешняя многонациональная рознь прекрасно это доказывает.

Спор продолжался долго...

* * *

В древности существовало понятие «римский мир», что означало мир под властью Рима. Так называлась система распространения Древним Римом своего владычества, своего влияния на завоеванные страны при помощи договоров, соглашений. Все, что касается понятия «завоеванное владычество», нам не подходит, но если иметь в виду символическое значение понятия «римский мир» и миротворческую акцию конференции, то мне видится высокий смысл этой формулы — «римский мир». Пусть отныне все те, кто разделен границами, взглядами, позициями, уровнем жизни, социальным и идеологическим различием, кто способен на диалог, на духовное примирение, объединяются под «римским миром». Как оказалось, все проблемы можно решать по-человечески, без крови, с надеждой глядя в завтрашний день. Во имя спасения жизни, цивилизации, будущего...

* * *

Мы публикуем четыре документа римской конференции: выступления писателя, члена редколлегии журнала Василя Быкова и академика Дмитрия Лихачева, приветствие лауреата Нобелевской премии Иосифа Бродского, а также первоначальный вариант римского воззвания, составленный писателем Вл. Максимовым (Париж). Окончательный вариант опубликован в средствах массовой информвции в Советском Союзе и за рубежом.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ РИМСКОЙ ВСТРЕЧИ

«ПОПЫТАТЬСЯ РАЗБУДИТЬ В СЕБЕ СОВЕСТЬ...»

Василь Быков

Мы живем в то великое время, когда исчезает страх как могучее и организующее, всеподавляющее чувство нации. Но ненависть остается. Она разобщает народы, национальности, классы, лишает людей нравственного гаранта, вселяет смятение в умы интеллигенции. И все это из-за нашей затянувшейся несвободы, нашего застарелого рабства, которым мы жестоко придавлены на протяжении веков и не можем избавиться даже к концу XX столетия. И, кажется, не очень торопимся это сделать. Ибо где есть свобода, там много не говорят о ней. Вся наша история есть стремление к свободе — это верно, но в таком случае чего мы стóим как народ и как нация со своим бесплодным многовековым стремлением? Страх и неумение оставаться одним... Между прочим, это тоже есть свидетельство нашей несвободы.

А может быть, подневольное положение нам нравится, потому что иное нам просто неведомо? Или потому, что у нас якобы особый путь, где все перевернуто с ног на голову? Лишенные морали и творческой свободы, мы утратили вкус к труду и, кажется, утрачиваем вкус к самой жизни. Наше сознание, освобожденное от древнекрестьянских догматов, восьмое десятилетие порабощено античеловеческими догмами, в основе которых все та же едва прикрытая рабская ненависть. Именно наша ненависть — классовая, идеологическая, государственная давно и обильно питает мировое зло во всех его разнообразных видах и формах.

Наша история и наше повседневное существование непрестанно генерируют питательную среду для всеразъедающей ненависти, все новые поколения и народы втягиваются в ее орбиту. Понятно, что в таких условиях не может существовать добро, оно просто не в состоянии прижиться.

В годы перестройки обнаружились новые закономерности нашего существования. Когда одна общегосударственная ненависть распалась на множество других ненавистей: национальных, партийных, корпоративных, групповых, на ксенофобию, русофобство, антисемитизм. От того, что ненависть стала дробнее, она лучше не стала.

Ненавидят все и вся. Народ ненавидит партию и партруководство, заведшее страну в безысходный тупик. Утрачивая власть, партия готова возненавидеть переставший боготворить ее народ. Интеллигенция, оказавшись в известном выборе между истиной и расчетом, раскололась на два взаимоненавидящих лагеря. В условиях всевозрастающих материальных лишений страну охватила суетная борьба за привилегии — эти скудные крохи с обнищавшего «барского» стола. Ветераны войны полны неприязни к молодым, издерганным военной авантюрой афганцам, а те, в свою очередь,— к престарелым победителям немецкого фашизма. Всех вместе их тихо и глубоко презирает современная молодежь, которую и те, и другие тщатся воспитать в духе патриотизма. В отличие от давних времен, когда воспитанные люди старались скрыть это недостойное христианина чувство, поколение нынешнее им откровенно гордится. Как гордятся своей нетерпимостью ко всему, что не наше, что не так, как у нас. Потому, что у нас особый исторический путь, своя мораль и своя своеобразная стать. Чужой, даже самый положительный, опыт не пример, нам нужен свой.

Но уже были десятилетия неслыханных экспериментов с плачевными трагическими результатами. Удивительно, что, будучи не в состоянии изобрести что-либо стоящее, мы с упорством маньяков отрицаем не только западный быт, образ жизни, культуру, но заодно и здравый смысл, лежащий в основе всех экономическнх достижений Запада. Так что же мы, выходит, не созрели для разумной человеческой жизни в условиях демократии? Выходит, не созрели. По-видимому, нельзя сразу, когда это позволено, перескочить от тирании к свободе. Слишком велика пропасть, их разделяющая. Ее не преодолеть за один прыжок, и за два тоже не получится. В этом весь трагизм переживаемого страной момента.

Гласность и многострадальная перестройка дали возможность чуть-чуть приоткрыть глаза и впервые за много лет взглянуть на себя. Взглянуть и ужаснуться от нашего уродства. Испугавшись, некоторые вдруг решили: а зачем? Как было хорошо жить в созданном партийной пропагандой иллюзорном мире, не видя себя, других, и бесконечно гордиться своей национальностью, партией, армией и КГБ! Средства массовой информации разрушили эту безмятежность. Так что же теперь — отменить гласность? Сделать это проще простого. Цензура упразднена, но цензоры все на местах. Армия в постоянной боевой готовности. До поздней ночи горит свет во дворцах КГБ. Так что прежнее состояние можно восстановить в одно прекрасное утро. И многие из нынешних проблем исчезнут.

Что же делать нам, собравшимся здесь, а также творческой интеллигенции страны? Наши возможности в экономике равны нулю. Нравственность тоже неподвластна. Воспитать будущее поколение, как нам хотелось бы, мы не в состоянии, ибо давно обанкротились в роли воспитателей.

Очевидно, следует начинать с малого. Малые дела — тоже дела. Может быть, попытаться разбудить в себе совесть, элементы нравственности — бескорыстие без эгоизма, лукавства, пустить в душу какую-то толику доброты и терпимости. Хотя бы к ближнему, собрату-писателю. Даже если он думает и пишет иначе, чем ты. Если он умнее тебя или тем более глупее. Если он другой крови и не может гордиться принадлежностью к великому народу, а, допустим, принадлежит к малому или малочисленному. Уймем, наконец, воспитанную за десятилетия ненавистническую прыть, взглянем друг другу в глаза и, может быть, попытаемся устыдиться. Все-таки стыд достойнее ненависти.

Дмитрий Лихачев

Огромным несчастьем для страны было наше мировоззрение, тезис о том, что бытие определяет сознание. На самом деле сознание всегда определяет бытие.

Поэтому роль интеллигенции первостепенна в нашей сегодняшней ситуации. Ее не только никто не преувеличивает, ее все время преуменьшают.

Если говорить о русской истории, о якобы рабском характере русского народа, то у меня на этот счет прямо противоположное мнение. Русская история — это постоянное стремление к свободе, стремление уйти от государственной жизни, уйти в казачество, в Сибирь, искать беловодское царство. Парадокс заключается в том, что, уходя из России, свободные люди, свободные крестьяне становились провозвестниками империалистических идей, и казачество, основанное на идее свободы, стало в XIX веке подавлять эту свободу. Парадокс в том, что те стремления, которые были в русской истории, оборачивались в прямо противоположную сторону. Революционеры, стремившиеся к свободе, стали главными деспотами. Так же точно и с национальной свободой. Русская культура на протяжении тысячи лет стремилась к национальной свободе и равенству. Можно считать это действительностью, можно — легендой, но призвание варягов на Русь осуществлялось разными национальностями; финно-угорскими и восточнославянскими племенами, кривичами и полянами. В этом участвовали все разноязыкие народы, населявшие Русь. Русское государство с самого начала было многонациональным, многосвободным, и было равенство национальностей. Но равенство это обернулось опять-таки своей противоположностью, и Россия в какой-то мере была и впрямь тюрьмой народов, хотя интеллигенция всегда этому противилась. Русская академия в тысячу раз была менее современной, но во много раз авторитетней благодаря востоковедению.

Русская академия наук — императорская академия наук — создала монголоведение, индологию, ирановедение, угро-финноведение, то есть она была самой интернациональной академией в мире и одной из авторитетнейших. Она находилась в оппозиции к государству.

Россия сделала чрезвычайно много для тех народов, которых одновременно угнетала. Я уже не говорю об отношении к Украине, к Шевченко, о выкупе Шевченко русской интеллигенцией из крепостной зависимости... А Грузия, Армения? У нас всегда были с ними хорошие отношения.

Абсолютно не согласен с тем, что в России не было традиции парламентаризма. Я не говорю о вече, которое сейчас представляется вовсе не решением толпы, как это особенно ясно стало из исследований русского историка Александра Лаврентьевича Юрина. Дело в том, что день любого князя Древней Руси начинался с совещаний, советов. Солнце вставало, князь вставал, все приходили на совет каждый день. А затем шли земские соборы. Когда это было прекращено? Тогда, когда Россия обратилась к европейской культуре. То есть Петром были прекращены земские соборы. Затем они возобновились. Поэтому у России тысячелетняя традиция общественной жизни. Это очень сильная традиция.

То, что сейчас страна приходит и пришла уже к антиобщественным традициям, это опять-таки та же самая закономерность, приход к противоположности.

Русская история постоянно менялась. Приблизительно каждые сто лет, начиная со времен Владимира I, в русской истории происходили полные перевороты, иногда кровавые, иногда мирные. Но при этом не утрачивалась связь с предшествующими периодами. И Петровская эпоха была не просто переломом русской истории, она была разделением русской истории на две культуры. Одна культура — официальная, которая шла за Европой, другая — великая культура, на которой строилась вся промышленность и вся наша техника старообрядческая, которая продолжала существовать и которая начала соединяться с официальной лишь в начале XX века. Вспомним имена замечательных промышленников Морозовых, Бахрушиных. Отметим обращение авангарда к национальным и народным традициям. То есть к традициям Древней Руси. Так что перелома никогда не было. Это можно показать хотя бы на том, что Петр основал вопреки традициям всех государств новую столицу на берегу моря, на самой опасной границе. И это была традиция, потому что и Киев, и Новгород — они тоже были основаны на границах России, на великом пути из варяг в греки. И Иван Грозный пытался перенести из Москвы свою столицу поближе к английским торговым путям, в Вологду. Только случай не привел к тому, что Вологда не стала столицей России. Поэтому петровский перенос столицы в Петербург — это древнерусские традиции. И сам Петр — представитель древнерусской барочной культуры. Петр — это человек барокко XVII века России. Поэтому, с одной стороны, происходили перевороты, а с другой стороны, эти перевороты очень сильно сохраняли старые обычаи.

Что предстоит в будущем? В будущем надо стремиться к тому, чтобы интеллигенция снова заняла свою первенствующую роль в жизни страны. Чтобы Россия была не просто Евразией, а чтобы она была европейской державой. Дело в том, что понимание чужих культур, которое Достоевский приписывал только русской культуре, является свойством европейской культуры вообще. И отличием европейской культуры от всякой иной культуры, которая предшествовала или существовала рядом с ней. Европейская культура — это культура, в которой воссоединяются культуры всего мира, и Россия в этом отношении является страной европейской. В России не евразийская культура, а типично европейская. И нужно стремиться к продолжению этих традиций. Это будет великий перелом, это будет совершенно другая культура, действительно другая культура, которая наступит после нас, но она должна иметь связи с предшествующими культурами, с лучшими ее сторонами.

Петербург был интернациональным, космополитическим городом, городом многих национальностей, городом, которому могла быть отведена роль центра мировой культуры, потому что он построен русскими, французскими, итальянскими, голландскими, швейцарскими, шотландскими, финскими архитекторами. Особенно заметен финский модерн. Нам нужно вернуть культуру к ее петербургскому периоду, вернуть роль интеллигенции, вернуть России ее европейский характер, интернациональный по самой своей сути.

Необходимо поддержать тысячелетнее стремление к свободе, традициям русской общественной жизни, в том числе к возрождению земства. К этому надо призывать современный Советский Союз и, я бы сказал, Россию...

Из приветствия Иосифа Бродского

История учит, что политические события оттесняют литературу на задний план, оставляя ей роль в лучшем случае свидетельницы, а в худшем — плакальщицы. Мне думается, однако, что на сегодняшний день, когда в распоряжении литературы оказались весьма эффективные средства коммуникации, массовой информации, существует определенная возможность вывести литературу из подчиненного положения, следует попытаться навязать истории взгляды на жизнь и общественную организацию, присущие литературе. В частности я имею в виду свойственную литературе мысль об уникальности всякой человеческой жизни, бессмысленности любого идеала или принципа, требующего для своего осуществления кровопролития. Мне представляется, что следует использовать любую существующую возможность довести до сознания подданных распадающихся ныне империй идею о том, что зрелость общества, как и зрелость отдельного индивидуума, определяется не исторической, но этической необходимостью, провозглашаемой не с политической трибуны, а со страниц романа или книги стихотворений, что оружие и насилие объединяет людей гораздо менее надежным образом и на менее короткий отрезок времени, нежели книга и слово.

От распада к самоисцелению

(проект римского воззвания, предложенный В. Максимовым)

Срок настал: распадается одна из величайших империй в истории человечества. К худу это или к добру, покажет только отдаленное будущее, но процесс уже необратим. Речь идет не о предотвращении или временной консервации этого процесса, что лишь усугубило бы его негативные тенденции, а только о возможности правового, демократического разрешения наступившего кризиса.

Одним из самых разрушительных (если не самым разрушительным) последствий этого кризиса представляется воинствующий и все более набирающий смертоносную силу национализм.

Благотворное на первых порах стремление народов, населяющих нашу страну, к национальному возрождению начинает все более разъедать раковая опухоль шовинизма. Сегодня она принялась стремительно распространяться во все стороны, отыскивая и находя все новые и новые объекты для своей бессознательной агрессивности. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на карту возникающих повсюду конфликтов: Прибалтика и Закавказье, Северный Кавказ и Средняя Азия, грозовые признаки грядущих потрясений на территории самой Российской Федерации.

Если этот процесс будет развиваться в том же трагическом направлении, то (учтем почти беспрецедентную в истории этническую смешанность нашего общества) национальное разделение пройдет уже не только по областям и республикам, но по городам, улицам, домам и даже семьям. Вообразите себе, что делать, с кем оставаться, к кому апеллировать людям со смешанным происхождением? Такие люди фактически становятся изгоями для всех участников этого националистического безумия.

Самое печальное в происходящем, на наш взгляд, состоит в том, что мы, главным образом интеллигенция, судя по всему, не сделали никаких выводов из горчайшего, но в высшей степени поучительного исторического опыта собственной страны в минувшем столетии. Нами овладевает подобие духовного СПИДа, окончательно лишая естественного иммунитета перед смертельным поветрием расовых и религиозных фантомов. Мы снова, как и в прошлом, стараясь перекричать друг друга, не хотим слушать никого, кроме себя, мы снова апеллируем к социальным инстинктам улицы, мы снова уже в виде фарса делим общество на прогрессивный и реакционный лагери, на западников и славянофилов, на правых и виноватых. Отказавшись на первый взгляд от «образа врага», навязанного официальной пропагандой в лице злокозненных империалистов и идеологических диверсантов, мы тут же отыскали его в жидомасонах и инородцах, рабской русской психологии или сталинских кознях, снимая с себя всякую личную ответственность за все происшедшее и происходящее с нашей страной. Таким образом, мы снова попадаем в тот же заколдованный круг духовных и социальных соблазнов, который приведет нас только к окончательному самоуничтожению...

Неужели так трудно понять и вычислить, что в случае продолжения этого бессмысленного в нынешних условиях противоборства, способного привести общество к новой гражданской войне (да она уже, в сущности, началась!), победителем не выйдет никто. Предыдущая — лучшее тому свидетельство, но результаты ее повторения окажутся для нас более ужасающими.

Только ли для нас! Распад и гибель такой системы в условиях полного отсутствия или младенческой хрупкости общественной, государственной и экономической альтернативы — при наличии у противостоящих систем средств массового уничтожения — вызовет радикальное нарушение сложившегося политического и экономического равновесия в мире, чреватое самыми непредсказуемыми последствиями.

Надежды некоторой весьма влиятельной части нашего общества на заинтересованность Запада в дестабилизации СССР и экономической поддержки такому процессу иллюзорны. Поддерживать в нынешних обстоятельствах подобные тенденции внутри России было бы для Запада политическим безумием, ведущим к самоубийству, а в экономическом плане — просто непосильным. К сожалению, нет в мире материальной силы, способной одеть и прокормить четыреста миллионов людей соцлагеря, не желающих работать и давно потерявших надежду на что-либо. Наше больное общество, по нашему глубокому убеждению, нуждается в первую очередь не только в коренном изменении экономики, но и в еще более радикальном изменении психологии, моральном и нравственном обновлении, ибо любая самая совершенная экономическая модель окажется бессильной перед необратимыми деформациями человеческой души.

Ни в коей мере не ставя под сомнение принципа и права независимости, мы тем не менее убеждены, что в силу объективных экономических законов и сложившихся хозяйственных связей мы можем выбраться из экономической ямы только сообща. Подлинная независимость, на наш взгляд, это результат, а не средство социального возрождения. Это касается не только нашей страны, а и так называемого социалистического (теперь уже бывшего!) лагеря в целом. Нынешняя экономическая ситуация в странах этого лагеря лишний раз подтверждает эту очевидность.

Поэтому — мы в этом глубоко убеждены — у нас остается единственный выход из создавшегося положения: диалог на всех уровнях — национальном, политическом, культурном, религиозном. Мы прекрасно отдаем себе отчет, что путь этот мучителен и в ситуации, сложившейся сегодня в стране, почти нереален. Но иного, как теперь говорят, не дано.

И завязать такой диалог должны те, кто в конечном счете несет историческую (во всяком случае, нравственную!) ответственность за свою страну перед потомками. То есть интеллигенция. Если же мы не найдем в себе достаточной дальновидности и гражданского мужества начать такой диалог, это начало конца. Для всех, ибо любая самая совершенная экономическая модель окажется бессильной перед необратимыми деформациями.

Но, к сожалению, даже самый прекраснодушный диалог, не подкрепленный практическим действием, не решит столь судьбоносной проблемы. Поэтому уже сегодня мы предлагаем в качестве первого шага в этом направлении учреждение Комитета национального примирения, который, в свою очередь, возьмет на себя задачу организации совместных с западными единомышленниками инициативных групп по проблемам межэтнических отношений, связей со средствами массовой информации Запада и Востока и привлечению капиталовложений в рыночную экономику, прежде всего в сельское хозяйство.

Насколько эффективными окажутся наши усилия, покажет ближайшее будущее, но если мы сделаем максимум того, что можем сделать, то при всех обстоятельствах каждый из нас сможет сказать: в этой ситуации я сделал все, что мог, и совесть моя перед современниками и потомками чиста.

ХРУЩЕВЦЫ

Последние полтора десятилетия не только имя автора предлагаемых вашему вниманию мемуаров, но и упоминание о стране, которой он бессменно руководил почти сорок лет, практически исчезло из нашей прессы. Имя этого человека Энвер Ходжа, первый секретарь Албанской партии труда. Сложные взаимоотношения, сложившиеся между Албанией и СССР с начала 60-х годов, наложили свой особый отпечаток на наши представления об Э. Ходже и его окружении. Лишь после смерти лидера албанских коммунистов в 1985 году и недавних событий в Восточной Европе плотный политический занавес над Албанией — этим последним «непоколебимым коммунистическим островком» на нашем континенте — начинает подниматься.

Мемуары, с которыми вы познакомитесь,— это жизненный опыт человека, который до конца своих дней был убежденным сталинистом, ортодоксальным верующим «марксистского прихода». Отсюда и стиль повествования, и оценки всего происходящего. Но, несмотря на это, воспоминания Э. Ходжи — интересный исторический документ, который рисует нам, порой очень субъективно, картину партийных нравов послесталинской эпохи.

ЭНВЕР ХОДЖА

Несколько месяцев спустя после смерти Сталина, в июне 1953 г., я съездил в Москву во главе партийно-правительственной делегации, чтобы запросить кредит экономического и военного характера.

Это было время, когда казалось, что Маленков был главным руководителем. Он был Председателем Совета Министров Советского Союза. Хрущев, хотя с марта 1953 г. и фигурировал первым в списке секретарей Центрального Комитета партии, по-видимому, еще полностью не прибрал власть к своим рукам, еще не подготовил путча.

Как правило, свои запросы мы излагали сначала письменно, так что члены Президиума Центрального Комитета партии и Советского правительства заблаговременно были знакомы с ними; более того, как выяснилось впоследствии, они уже решили, что́ будут давать и чего нет. Они приняли нас в Кремле. Когда мы вошли в зал, советские руководители встали, и мы пожали друг другу руку. Обменялись приветствиями.

Я знал всех еще со времени Сталина. Маленков был тот же — полный, с желтоватым лицом безбородого. С ним я познакомился за несколько лет до этого в Москве во время встреч со Сталиным, и он произвел на меня хорошее впечатление. Он обожал Сталина, и, по всей видимости, Сталин тоже ценил его. На XIX съезде он выступил с докладом от имени Центрального Комитета партии. Он относился к числу сравнительно молодых, пришедших к руководству кадров; впоследствии был ликвидирован замаскированным ревизионистом Хрущевым и его компанией. Но теперь он сидел на главном месте, так как занимал пост Председателя Совета Министров СССР. Рядом с ним сидел Берия со сверкавшими за очками глазами и с постоянно движущимися руками. Возле Берия сидел Молотов — спокойный, симпатичный, один из самых серьезных и самых уважаемых, на наш взгляд, так как он был старым большевиком, большевиком времен Ленина и близким соратником Сталина. Таким мы считали Молотова и после смерти Сталина.

По соседству с Молотовым сидел Микоян со смуглым и нахмуренным лицом. Этот купец держал в руке полукрасный-полусиний толстый карандаш (который можно было видеть во всех канцеляриях в Советском Союзе) и занимался «подсчетами». Теперь он уже был облечен более широкими компетенциями. 6 марта, в день распределения постов, было решено объединить в одно министерство Министерство внешней торговли и Министерство внутренней торговли, а портфель министра-купца захватил армянин.

У края стола, в конце, словно растерявшись, сидел белоголовый бородач с расплывчатыми синими глазами — маршал Булганин.

— Мы вас слушаем! — степенно сказал Маленков. Это было отнюдь не товарищеское начало. У новых советских руководителей потом вошло в привычку так начинать переговоры, и, безо всякого сомнения, такое поведение должно было напомнить о великодержавной гордости.— «Ну, выкладывай, мы тебя послушаем, а потом скажем наше окончательное мнение».

Я хорошо не знал русского языка, не мог говорить по-русски, но понимать-то понимал. Беседа проходила через переводчика.

Я начал говорить о заботивших нас проблемах, особенно о военных и хозяйственных вопросах. Сначала я сделал вступление о занимавшем нас внутреннем и внешнем положении страны. Мне обязательно надо было обосновать наши нужды и запросы как в экономической, так и в военной области. В связи с этой последней областью их помощь нашей армии была всегда недостаточной и минимальной, хотя и ту незначительную помощь, которую они нам предоставляли, мы высоко ценили и публично. Заодно с обоснованием наших скромных запросов я остановился также на отношениях нашей страны с югославскими, греческими и итальянскими соседями. Со всех сторон враги развертывали против нашей страны усиленную диверсионную, шпионскую и саботажническую деятельность — с моря, воздуха и суши. Мы находились в постоянных схватках с бандами диверсантов, так что нам необходима была помощь военными материалами.

Я старался быть возможно более точным и конкретным в изложении своих соображений, не распространяться и уже говорил не более двадцати минут, как змеиноглазый Берия сказал Маленкову, сидевшему, как мумия, и слушавшему меня:

— Не сказать ли ему то, что надо, и закончить это дело?

Маленков, не пошевельнув лицом и не отрывая глаз от меня (конечно, ему надо было сохранять авторитет перед своими заместителями!), ответил Берия:

— Подожди!

Мне стало очень тяжело, во мне все кипело, но я сохранил хладнокровие и, чтобы дать им понять, что я слышал и понял, что они сказали, сократил свое изложение и сказал Маленкову:

— У меня все.

— Правильно! — сказал Маленков и передал слово Микояну.

Довольный тем, что я закончил свое изложение, Берия сунул руки в карманы и стал изучать меня, желая угадать, какое впечатление произвели на меня их ответы. Я, конечно, остался недоволен тем, что они решили дать нам в ответ на наши весьма скромные запросы. Я снова взял слово и сказал, что они слишком урезали наши запросы. И тут же заговорил Микоян, который «разъяснил» нам, что Советский Союз и сам беден, что он вышел из войны, что ему приходится помогать и другим и т. п.

— Составляя данные запросы,— ответил я Микояну,— мы всегда учитывали и только что изложенные вами соображения, причем делали мы расчеты очень сжато, свидетельство тому — работающие у нас ваши специалисты.

— Ваши специалисты не знают, какими возможностями располагает Советский Союз. Это знаем мы, и мы высказали вам свое мнение, говорили вам о наших возможностях,— сказал Микоян.

Молотов сидел с опущенной головой. Он сказал что-то об отношениях Албании с соседями, но ни разу не поднял глаза. Маленков и Берия были двумя «петухами курятника», а Микоян, холодный и язвительный, говорил вроде меньше, зато изрыгал одну лишь хулу и отраву. По тому, как они говорили, как прерывали друг друга, как напыживались, давая «советы», можно было заметить признаки расхождений между ними.

— Раз вы уже решили так,— сказал я им,— мне нечего больше говорить.

— Правильно! — снова сказал Маленков и спросил, повысив голос:

— Замечания есть?

— Есть,— сказал с конца стола Булганин.

— Говори,— сказал ему Маленков.

Булганин открыл какую-то папку и по сути дела сказал:

— Вы, товарищ Энвер, попросили помощь для армии. Мы согласны дать вам то, что уже установлено нами, но у меня к вам несколько критических замечаний. Армия должна быть мощным оружием диктатуры пролетариата, ее кадры должны быть верны партии, они должны быть пролетарского происхождения, партия должна прочно руководить армией...

Булганин сделал довольно длинную тираду, полную «советов» и «морали». Я внимательно слушал его и ждал найти в его словах критические замечания, ибо таких не было. Наконец он излился:

— Товарищ Энвер, мы располагаем сведениями о том, что многие кадры вашей армии являются сыновьями баев, богачей, людьми подозрительного происхождения и подозрительной деятельности. Мы должны быть уверены, в какие руки попадает оружие, которое мы вам даем,— сказал он далее,— поэтому советуем вам глубоко изучить эту проблему и произвести чистку...

Мне кинулась кровь в голову, ведь это была выдумка, клеветническое обвинение и оскорбление кадров нашей армии. Я повысил голос и спросил маршала:

— Откуда у вас такие сведения, которые вы приводите столь уверенно? Почему вы оскорбляете нашу армию?

Присутствующих обдало леденящим холодом. Все подняли голову и смотрели на меня, а я все ждал ответа от Булганина. Он оказался в неловком положении, ибо не ожидал столь колючего вопроса, и уставился глазами на Берия.

Слово взял Берия, который, раздраженно и нервно двигая глазами и руками, начал говорить, что, по имеющимся у них сведениям, неподходящие и подозрительные элементы у нас были, мол, не только в армии, но и в государственном и хозяйственном аппарате (!), он даже привел какую-то цифру в процентах. Булганин облегченно вздохнул и оглянулся, не скрывая своего удовольствия, но Берия прервал его улыбку. Он открыто противопоставился «совету» Булганина относительно чисток и отметил, что «элементы с плохим прошлым, вставшие впоследствии на правильный путь, не должны быть убраны, их надо простить». Злоба и глубокие противоречия между этими двумя лицами проявлялись совершенно открыто. Как впоследствии выяснилось, противоречия между Булганиным и Берия были не просто противоречиями между двумя лицами, а отображением глубоких противоречий, грызни и противопоставлений, кипевших между органами советской госбезопасности и органами разведки Советской Армии. Однако об этом мы узнали позже. В данном случае речь шла о возводимом на нас тяжком обвинении. Мы никак не могли взять на себя подобного обвинения, так что я встал и заявил:

— Те, кто дал вам такие сведения, клевещут, следовательно, они враги. Никакой правды нет в сказанном вами. Подавляющее большинство кадров нашей армии были бедными крестьянами, пастухами, рабочими, ремесленниками и революционно настроенными интеллигентами. Сыновей баев и богачей в нашей армии нет. Даже если имеется 10 или 20 таких, то они уже отреклись от своего класса и окровавились, а когда я говорю «окровавились», это значит, что в годы войны они не

только обратили оружие против внешних врагов, но и отрицали класс, которому они до этого принадлежали, и даже своих родителей и родственников, когда последние противопоставляли себя партии и народу. Все кадры нашей армии прошли через войну и были выдвинуты в процессе войны, так что я не только не могу принять этих обвинений, но и скажу вам, что осведомители обманывают вас, они клевещут. Я заверяю вас, что оружие, которое мы от вас получали и получим, находилось и будет находиться в надежных руках, что нашей Народной Армией руководила и руководит Партия труда и никто иной. У меня все! — и я сел.

После меня слово взял Маленков, чтобы закрыть дискуссию. Отметив, что он разделяет соображения предыдущих ораторов, дав нам уйму «советов и наказов», он также остановился на вопросе о «врагах» в рядах нашей армии, о котором завязался спор с Булганиным и Берия.

— Что касается проведения чисток в армии, я думаю, что вопрос не следует ставить так,— сказал Маленков, противопоставляясь «совету» Булганина о чистках.— Люди рождаются неподкованными, они делают и ошибки в жизни. Не следует бояться простить им ошибки. У нас есть люди, которые воевали против нас с оружием в руках, но мы теперь издаем особые указы о том, чтобы простить им прошлое и тем самым дать им возможность работать в армии и даже вступить в партию. Термин «чистка» армии,— повторил Маленков,— неподходящ,— и этим он закрыл обсуждение.

...В июне 1954 г., несколько месяцев спустя после вступления Хрущева на пост Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, мы с тов. Хюсни Капо поехали в Москву и попросили у советских руководителей встречи, чтобы обсудить с ними те наши экономические проблемы, которые они не решали. Нас приняли Хрущев и Маленков, который еще был премьер-министром; присутствовали Ворошилов, Микоян, Суслов и еще один или два других более низкого уровня.

...Зная по опыту прошлогодней встречи с Маленковым, что новые руководители Коммунистической партии и Советского государства не любили долго слушать других, я постарался изложить свои соображения возможно более сжато, делая упор в основном на экономические вопросы, о которых два месяца до этого мы направили советскому руководству подробное письмо.

...Вслед за мной слово взял Хрущев, который с самого начала показал себя фокусником в подходе к делам.

— Мы изучили ваш материал, так что в курсе вашего положения и ваших проблем,— начал он.— Сделанный товарищем Энвером доклад еще больше разъяснил нам вопросы, и я считаю его «совместным докладом» — вашим и нашим. Но я,— сказал он далее,— еще плохой албанец и теперь не буду говорить ни об экономических, ни о политических проблемах, выдвинутых товарищем Энвером, ибо мы с нашей стороны еще не обменялись мнениями и еще не пришли к единому мнению. Поэтому я коснусь другого вопроса.

И начал он пространную беседу о значении роли партии.

Говорил он громко, все время жестикулируя и махая головой, оглядывался вокруг, нигде не останавливая своего взгляда, временами прерывал свою беседу и задавал вопросы, затем, часто еще не получив ответа, продолжал свою беседу с пятого на десятое.

— Партия,— теоретизировал он,— руководит, организует, проверяет. Она — инициатор, вдохновитель. Но Берия стремился ликвидировать роль партии,— и, замолкнув на мгновение, спросил меня: — Получили ли вы резолюцию, в которой сообщается о приговоре против Берия?

— Да,— ответил я.

Он бросил говорить о партии и заговорил о деятельности Берия; какие только обвинения не возводил он на него, назвав его виновником многих бед. Это были первые шаги по пути атак против Сталина. Пока что Хрущеву нельзя было обрушиться на Сталина, на его дело и фигуру, он это понимал, так что начал с Берия, чтобы подготовить почву. К нашему удивлению, на этой встрече Хрущев сказал:

— В прошлом году, находясь здесь, вы содействовали раскрытию и изобличению Берия.

Я с удивлением уставился на него, чтобы угадать, к чему он клонит. Объяснение Хрущева было следующее:

— Вы помните ваш прошлогодний спор с Булганиным и Берия в связи с их обвинением в адрес вашей армии? Те сведения нам сообщил Берия, и ваше решительное возражение в присутствии товарищей из Президиума помогло нам еще лучше дополнить имевшиеся у нас подозрения и данные о вражеской деятельности Берия. Несколько дней спустя после вашего отъезда в Албанию мы осудили его.

Однако на этой первой встрече с нами Хрущев имел в виду не просто Берия. Дело Берия уже было закрыто, Хрущев рассчитался с ним. Теперь ему надо было дальше идти. Он долго остановился на значении и роли Первого секретаря или Генерального секретаря партии.

— Для меня не важно, как он будет называться,— «первым» или же «генеральным»,— сказал он, в сущности.— Важно избрать на этот пост самого умелого, самого способного, самого авторитетного в стране человека. У нас свой опыт,— продолжил он.— После смерти Сталина нас было четверо секретарей Центрального Комитета, но у нас не было старшего, так что некому было подписать протоколы заседаний!

Подробно изложив этот вопрос с «принципиальной» точки зрения, Хрущев стал явно подпускать шпильки, естественно, в адрес Маленкова, ни разу не назвав его по имени.

— Представьте себе, что случилось бы,— лукаво сказал он,— если бы самый способный и самый авторитетный товарищ был избран председателем Совета Министров. Все обращались бы к нему, а это содержит в себе опасность того, что могут не приниматься во внимание жалобы, поданные через партию, тем самым партия ставится на второй план, превращается в орган Совета Министров.

Во время его выступления я несколько раз взглянул на бледного, покрытого желтовато-бурой краской Маленкова, не шевелившего ни головой, ни телом, ни рукой.

Ворошилов, покрасневший, как мак, смотрел на меня, ожидая, когда Хрущев закончит свое «выступление». Затем начал он. Он указал мне на то (как будто я этого не знал), что пост премьер-министра также очень важен по такой-то и такой-то причине и т. д.

— Полагаю, что товарищ Хрущев,— сказал Ворошилов неуверенным тоном, так как не знал, кому угодить,— не хотел сказать, что и Совет Министров не имеет особого значения. Премьер-министр также...

Маленков стал бледным как полотно. Желая хоть сколько-нибудь сгладить дурное впечатление, произведенное словами Хрущева, особенно относительно Маленкова, своими словами Ворошилов еще больше подчеркнул существовавшее в Президиуме ЦК партии напряженное положение. Несколько минут длилась также лекция Клима Ворошилова о роли и значении поста премьер-министра.

Маленков был «козлом отпущения», которого преподносили мне «отведать». А я из этих двух лекций ясно понял, что в Президиуме ЦК КПСС углублялся раскол, что Маленков и его люди шли по наклонной плоскости. К чему привел этот процесс — это мы увидели позже.

На этой же встрече Хрущев сказал нам, что и другим братским партиям был предложен советский «опыт» того, кто должен быть первым секретарем партии, а кто премьер-министром в народно-демократических странах.

— Мы обсудили эти вопросы и с польскими товарищами накануне их партийного съезда,— сказал нам Хрущев.— Хорошенько взвесили дела и сочли целесообразным, чтобы товарищ Берут оставался председателем Совета Министров, а товарища Охаба назначить первым секретарем партии...

Итак, раз он настаивал на том, чтобы первым секретарем был избран Охаб, «замечательный польский товарищ», как он сам выразился нам, Хрущев с самого начала был за устранение от руководства партии (а затем и за его ликвидацию) Берута. Итак, давалась зеленая улица всем ревизионистским элементам, которые до вчерашнего дня скрывались и притулились в ожидании подходящего момента. Этот момент создавал теперь Хрущев, который своими действиями, своими позициями и своими «новыми идеями» становился вдохновителем и организатором «изменений» и «реорганизаций».

Однако съезд Польской объединенной рабочей партии не удовлетворил желания Хрущева. Берут, твердый товарищ, марксист-ленинец, о котором я храню очень хорошие воспоминания, был избран первым секретарем партии, а премьер-министром был избран Циранкевич.

* * *

...Если тщательно проанализировать политические, идеологические и организационные директивы Сталина в отношении руководства и организации партии, борьбы и труда, в целом нельзя найти в них принципиальных ошибок, но если учесть то, как они извращались врагами и как проводились в жизнь, то увидим опасные последствия этих извращений.

...И после смерти Сталина некоторое время «новые» советские руководители, и прежде всего Хрущев, продолжали не отзываться о нем дурно; более того, они ценили его и называли «великим человеком», «вождем, пользующимся неоспоримым авторитетом». Хрущеву надо было говорить так, чтобы завоевать себе доверие в Советском Союзе и за его пределами, создать впечатление, что он был «верен» социализму и революции, был «продолжателем» дела Ленина и Сталина.

...Прикрываясь победами, одержанными Советским Союзом и Коммунистической партией Советского Союза под руководством Ленина и Сталина, Хрущев все делал для того, чтобы народы Советского Союза и советские коммунисты думали, что ничего не изменилось, великий руководитель умер, но выдвигался «еще более великий» руководитель, да какой! «Столь же принципиальный и такой же ленинец, что и первый, и даже больше его, но зато либеральный, обходительный, веселый, полный юмора и шуток!»

...Я находился в Москве по случаю совещания партий всех социалистических стран. Кажется, это было в январе 1956 г., когда состоялось совещание по вопросам экономического развития стран — членов СЭВ. Это было время, когда Хрущев и хрущевцы усиливали свою вражескую деятельность. Мы с Хрущевым и Ворошиловым были на даче под Москвой, где должны были обедать все мы, представители братских партий. Остальные еще не пришли. Никогда до этого советские руководители открыто не говорили мне плохо о Сталине, и я, со своей стороны, продолжал по-прежнему с любовью и глубоким уважением отзываться о великом Сталине. По-видимому, эти мои слова плохо звучали в ушах Хрущева. В ожидании остальных товарищей Хрущев и Ворошилов сказали мне:

— Не выйти ли нам в парк подышать свежим воздухом?

Мы вышли и прошли по дорожкам парка. Хрущев говорит Климу Ворошилову:

— Ну, расскажи-ка Энверу об ошибках Сталина.

Я навострил уши, хотя давно подозревал их в злопыхательстве. И Ворошилов заговорил о том, что «Сталин допускал ошибки в партийной линии, был груб и до того жесток, что с ним нельзя было спорить».

— Он,— продолжал Ворошилов,— потворствовал даже преступлениям, за которые и несет ответственность. Ошибки допускал он и в области развития народного хозяйства, поэтому эпитет «зодчий социалистического строительства» ему не подходит. С другими партиями Сталин не поддерживал правильные отношения...

Ворошилов долго наговаривал на Сталина. Кое-что я понял, а кое-что нет, ибо я, как писал и выше, не хорошо знал русский язык, но тем не менее суть беседы и цель обоих я хорошо понял и был возмущен услышанным. Хрущев шел впереди и палкой касался посеянной в парке капусты. (Хрущев даже в парках сеял овощи, выдавая себя за большого знатока земледелия.)

Когда Ворошилов закончил свою болтовню и клеветнические измышления, я спросил его:

— Как это возможно, чтобы Сталин допускал такие ошибки?

Побагровевший Хрущев обернулся и ответил мне:

— Возможно, возможно, товарищ Энвер. Сталин такие ошибки допускал.

— Но ведь вы все это заметили еще при жизни Сталина. Как это вы не помогли ему избежать этих ошибок, которые, как вы утверждаете, он допускал? — спросил я Хрущева.

— Вопрос-то, товарищ Энвер, естественный, но видишь эту капусту? Сталин рубил голову с такой легкостью, с какой садовник может срубить эту капусту,— и Хрущев палкой тронул капусту.

— Все ясно! — сказал я Хрущеву и больше не вымолвил ни слова.

* * *

...Самым отрицательным, самым подозрительным элементом и самым заядлым интриганом среди членов Президиума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза был Микоян. Этот торговец, который все время жевал губами и скрежетал своими вставными зубами, как выяснилось впоследствии, так же жевал коварные антимарксистские, заговорщицкие, путчистские планы. Этот жестокосердный, антипатичный и по своей внешности человек показывал себя зловещим особенно с нами, албанцами. С этим перекупщиком и барышником мы поддерживали связи по экономической и торговой части. Все, что касалось Албании,— как предоставление кредитов, так и торговый обмен,— этот индивидуум рассматривал исключительно сквозь торговую призму. В нем уже исчезли интернационалистские, социалистические, дружественные чувства.

...Со всеми нашими экономическими делегациями Микоян обращался как перекупщик.

— Нам нечего давать вам, вы просите много кредитов. Мы не можем помочь вам строить рисоочистительный завод, цементный завод и др.,— говорил он нам, хотя мы просили самых минимальных кредитов, которых лишь можно просить.

...— Вы планируете строительство ненужных вам фабрик и заводов, таких, как сталепрокатный и деревообрабатывающий заводы, бумажная фабрика, стекольный завод, льнозавод, хлебозавод и др. На что Албании

все эти фабрики и заводы? На что вам нефтеперегонный завод [1]? Есть ли у вас достаточно нефти или же вы строите этот нефтеперегонный завод для того, чтобы он простаивал? Хорошенько рассмотрите эти вопросы и отмените лишние стройки. Сельское хозяйство у вас в очень критическом положении, так что вам надо уменьшить капиталовложения в промышленность и взять крен в сторону подъема сельского хозяйства!

Я слушал, как он говорил, и на миг мне показалось, что передо мною не член Президиума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и советский зампред, а Кидрич, посланец Тито, который 7—8 лет до этого вместе со своими друзьями из кожи вон лез, чтобы убедить нас отказаться от промышленности, не строить ни одного промышленного предприятия. «Сельское хозяйство, сельское хозяйство»,— настаивали люди в Белграде. «Сельское хозяйство, только сельское хозяйство»,— советовали мне теперь, в 1953 г., и в Москве...

...Вплоть до московского Совещания 81 партии ноября 1960 г. мы имели с советскими руководителями много двусторонних встреч.

Тот факт, как устраивались эти встречи и как обращались друзья с нами, как они относились к выдвигаемым нами проблемам, к нашим заботам, все более и более побуждал нас задавать себе вопрос: с марксистами-ленинцами имеем мы дело или же с купцами-перекупщиками? Грызлись друг с другом Ульбрихт, Новотный, Охаб, Деж, Кадар, Гомулка, Циранкевич, Живков и другие; каждый из них жаловался на то, что еле сводит концы с концами, и призывал друзей «увеличить помощь» ему, так как «на нас оказывают давление снизу»; подставляли ножку друг другу, выдвигали всякого рода «аргументы» и приводили всякого рода цифры; старались освободиться от обязательств и урвать побольше за счет других. Между тем вставали Хрущев или его посланцы, читали лекции о «социалистическом разделении труда», поддерживали того или иного в зависимости от интересов и ситуаций и призывали к «единству» и «взаимопониманию» в «социалистическом сотрудничестве». При всем этом Албания совершенно не упоминалась, будто она вовсе и не существовала.

...Из многих таких встреч стран СЭВ у меня врезалась в память встреча, состоявшаяся в июне 1956 г. в Москве. Хрущев уже галопом пустился по пути измены, что, впрочем, делали и другие. XX съезд КПСС, на котором я остановлюсь ниже, брал свое. Однако спутниками ревизионизма являются его естественные порождения — отсутствие единства, раскол, противоречия.

Все это заявило о себе еще на этой встрече, 3—4 месяца спустя после XX съезда.

Встал Охаб, ставший к тому времени первым секретарем Польской объединенной рабочей партии, и заявил:

— Мы не выполняли и не выполним возложенные на нас обязательства по углю. Мы не можем выполнить плана, он перегружен, надо сократить его. Углекопам живется плохо, они переутомляются.

Как только закончил он, слово один за другим взяли Герэ, Ульбрихт и Деж, которые чего только не наговорили на поляков. Атмосфера сильно накалилась.

— Если вы хотите кокса, производите капиталовложения в Польше,— возражал Охаб.— Мы должны улучшить жизнь. Дело дошло до того, что польские рабочие объявляют забастовки и покидают шахты...

— Куда же раньше вкладывать?! — отвечали другие.— В строительство сталелитейных заводов в Советском Союзе или же в строительство ваших каменноугольных шахт?!

— Надо будет рассмотреть эти вопросы,— пытался угомонить страсти Хрущев.— Что касается рабочей силы, то, если у вас, поляков, ее не хватает или же у вас убегают, мы можем присылать вам рабочих из других стран.

Эти слова заставили Охаба вздрогнуть.

— Это несправедливо,— кричал он.— Вы должны помочь нам, мы не уедем в Польшу, пока не будут улажены эти дела. Либо снизите план, либо увеличите инвестиции...

— Выполните уже принятые решения,— вскакивал Деж.

— Решения не выполняются,— подлил масла в огонь Герэ.— У нас несколько заводов, на которые возложены задания производить специальное оружие и оборудование, но нашу продукцию никто не берет.

— Нашу тоже не берут,— вновь вскочил с места Охаб.— Что с ней делать?!

— Нельзя же говорить здесь как директор фабрики,— сказал Хрущев Охабу.— Так нельзя ставить вопрос. Надо исходить из выгодности. Мы также изменили назначение многих заводов. Некоторые оружейные заводы, например,— продолжал Хрущев,— мы превратили в заводы по производству водяных насосов. У меня ряд соображений по этим проблемам,— добавил Хрущев и стал излагать «жемчужины», которые у него были на языке.

— Относительно некоторых особых видов промышленной продукции,— сказал он в частности,— мы должны поступить так, как поступал Гитлер. Германия тогда была одна, и он все-таки выпустил уйму вещей. Мы должны изучить этот опыт и также организовать совместные предприятия по особому производству, например, по производству оружия.

Мы своим ушам верить не могли! Неужели вправду первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза хотел учиться на опыте Гитлера и то же самое рекомендовал и другим?! А ведь дела оборачивались именно так. Остальные слушали и утвердительно кивали головой.

— Вы должны давать нам проекты,— ответил на это Охаб.

— Вы этого не заслуживаете,— разгневанно вскрикнул Хрущев,— так как у вас их похищает Запад. Мы дали вам патент на один самолет, а его похитили у вас капиталисты.

— Да, это было,— признался Охаб и чуть-чуть опустил голову.

— Мы передали вам секретный доклад XX съезда, вы отпечатали его и продали по 20 злотых экземпляр. Не умеете вы сохранять тайну.

— Это верно,— шепнул Охаб и еще больше опустил голову.

— Мы передали вам четыре других совершенно секретных документа, и они улетели от вас,— вставил Булганин, перечислив их ему в глаза.

— Да,— сказал Охаб окончательно сдавленным голосом.— Их похитил у нас один человек и убежал на Запад.

— Положение у вас в Польше нехорошее,— продолжал Хрущев.— Вы проводите оппортунистическую политику в отношении Советского Союза и народно-демократических стран, не говоря уже о том, какую политику проводите в своей стране.

— В рамках сотрудничества,— вмешался Ульбрихт,— надо сотрудничать со всеми, особенно с социал-демократами.

У Хрущева на мгновение пересохло в горле. «Сотрудничество со всеми», реабилитация, мягкая политика в отношении врагов — это были его идеи, это было продолжение оппортунистической и пацифистской политики, которую он проводил в самом Советском Союзе. Остальные не отставали от него, а некоторые даже старались перегнать его.

[1] Речь идет о нефтеперегонном заводе, который строился тогда в Церрике.

— Согласен, сотрудничество,— вскрикнул Хрущев,— но не так, чтобы они ополчились против Советского Союза и против нашего лагеря. А ведь в Польше происходит именно так. Вам,— обратился он к Охабу и Циранкевичу, который все время, не произнося ни слова, курил французские сигареты «галуаз»,— надо улучшить положение, укрепить уверенность в народе.

— Мы освободили всех заключенных социал-демократов,— сказал ему Охаб.

— Вам следовало бы задержать некоторых,— иронически заметил Сабуров,— а то за кого будем поднимать тост сегодня, за социал-демократов, что ли?!

Ответ ему дал Хрущев:

— Выпьем за сотрудничество!

* * *

...Совершенно в отличие от чехов, поляков, румын, не говоря уже о немцах, болгары были тесно связаны со Сталиным и с руководимой им Всесоюзной Коммунистической партией (б). Более того, болгарский народ еще раньше традиционно был связан с Россией. Именно в силу этих связей царь Борис не решился официально включить Болгарию в войну против Советского Союза, и советские армии вступили в Болгарию без единого выстрела.

Хрущеву надо было закрепить это влияние в своих шовинистических интересах и в целях распространения и закрепления ревизионистских взглядов. Поэтому он воспользовался этими обстоятельствами, доверием Болгарской коммунистической партии к Сталину, Советскому Союзу и Всесоюзной Коммунистической партии (б) и поставил во главе Болгарской коммунистической партии никчемного человека, кадр третьестепенной важности, но зато послушного малого, готового исполнять любое распоряжение Хрущева, его посла и КГБ. Это был Тодор Живков, которого накачали и надули и наконец сделали первым секретарем ЦК БКП.

...Вошли в колею Никиты, значит, и Польша, и Чехословакия, и Болгария. Не должна была остаться вне его стремлений и поползновений и Румыния, у партии которой имеются некоторые бесславные историйки.

...Несмотря на то, что румынские руководители рекламировали, в Румынии не действовала диктатура пролетариата, а у Румынской рабочей партии были непрочные позиции. Они заявляли, что стояли у власти, однако было очевидно, что де-факто у власти стояла буржуазия. Она держала в своих руках промышленность, сельское хозяйство, торговлю и продолжала драть шкуру с румынского народа и жить в роскошных домах и дачах. Сам Деж ездил в бронированном автомобиле в сопровождении вооруженной свиты, что доказывало, насколько «надежными» были у них позиции. Реакция в Румынии была сильна, и, не будь Красной Армии, неизвестно, что стало бы с этой страной.

Во время бесед с Дежем в те немногие дни моего пребывания в Бухаресте он не давал прохода нам своим самохвальством за те «подвиги», которые они совершили, заставив отречься от престола подкупленного короля Михая, которого они не только не наказали за его преступления против народа, но и дали ему выехать за пределы Румынии, на Запад, захватив с собой свое богатство и своих содержанок.

Странны были самовосхваления Деж, особенно когда он рассказывал мне о том, как он хаживал в кафе реакционеров и «бросал им вызов» с наганом за поясом.

Так что еще на первой встрече у меня сложилось нехорошее впечатление не только о Деж, но и о румынской партии, о ее линии, которая была оппортунистической линией. И то, что произошло впоследствии с Деж и его партией, не удивило меня. Ревизионистские лидеры этой партии были донельзя высокомерными, были фанфаронами, много хвастававшими войной, которую они вели.

...Итак, ревизионистский паук уже опутывал своей паутиной страны народной демократии. Старые руководители, такие, как Димитров, Готвальд, а позже и Берут, и другие, были замещены новыми, которые советским руководителям казались подходящими по крайней мере в тот период.

Относительно Германской Демократической Республики проблему они считали решенной, потому что Восточная Германия прочно была захвачена советскими войсками. Мы это считали нужным, потому что мирный договор не был заключен, к тому же Советская Армия в Германии служила делу защиты не только этой социалистической страны, но и социалистического лагеря в целом.

...Ульбрихт не выказывал какого-либо открытого признака вражды к нашей партии, покуда не испортились наши отношения с советскими и с ним. Он был самоуправный, высокомерный и грубый немец не только в отношении с малыми партиями, как наша, но и с другими. Об отношениях с советскими он думал так: «Вы захватили нашу страну, вы лишили нас промышленности, поэтому теперь вы должны предоставлять нам крупные кредиты и продовольствие в таком количестве, чтобы Демократическая Германия насытилась и достигла уровня Германской Федеративной Республики». Он грубо запрашивал подобных кредитов и получал их. Он заставил Хрущева заявить на одном совещании: «Мы должны помочь Германии стать нашей витриной напротив Запада». И Ульбрихт, не стесняясь, говорил советским на наших глазах:

— Вы должны поторопиться с помощью, ведь бюрократизм тут налицо.

— Где бюрократизм налицо, у вас? — спросил его Микоян.

— Нет, у нас ничуть,— ответил Ульбрихт,— у вас.

Но между тем как для себя получал большую помощь, он никогда не проявлял готовности помогать другим и нам предоставил смехотворный кредит.

В апреле 1957 г., когда еще не была ликвидирована «антипартийная группа» Маленкова, Молотова и др., я находился в Москве с нашей партийно-правительственной делегацией. Закончив неофициальный ужин в Екатерининском зале в Кремле, мы уселись в уголок пить кофе вместе с Хрущевым, Молотовым, Микояном, Булганиным и др. Как-то зашла речь, и Молотов, обращаясь ко мне, будто в шутку сказал:

— Завтра Микоян вылетает в Вену. Пусть пытается заварить и там кашу, как заварил ее в Будапеште.

Чтобы расширить беседу, я говорю ему:

— А что, разве Микоян заварил кашу там?

— А кто же? — ответил Молотов.

— В таком случае,— говорю я ему,— Микояну уже нельзя ездить в Будапешт.

— В случае, если Микоян вновь поедет туда,— отметил Молотов,— его повесят.

Хрущев сидел с опущенной головой и размешивал кофе ложечкой. Микоян весь чернел и чавкал; цинично улыбаясь, он сказал:

— Можно мне ездить в Будапешт, почему нельзя. Если повесят меня, то заодно повесят и Кадара, ведь мы вместе заварили кашу.

Роль хрущевцев в венгерской трагедии мне была ясна.

Попытки Хрущева и Тито ликвидировать в Венгрии все здоровое сходились, поэтому они согласовывали свои действия. После поездки Хрущева в Белград эти усилия были направлены на реабилитацию титовских заговорщиков — Кочи Дзодзе, Райка, Костова и других. В то время как наша партия ни на йоту не сдвинулась со своих правильных, принципиальных позиций, венгерская партия была сломлена, Тито и Хрущев одержали верх. С реабилитацией Райка была реабилитирована измена. Значительно ослабли позиции Ракоши.

Руководство Венгерской партии трудящихся во главе с Ракоши и Герэ, быть может, допускало и ошибки экономического характера, но ведь не они вызвали контрреволюцию. Главная ошибка Ракоши и его товарищей заключается в том, что они оказались нетвердыми, они поколебались перед давлением внешних и внутренних врагов. Они не мобилизовали партию и народ, рабочий класс, чтобы еще в зародыше пресечь попытки реакции, пошли ей на уступки, реабилитировали врагов вроде Райка и других и ухудшили положение до такой степени, что вспыхнула контрреволюция.

В июне 1956 г., когда я ехал в Москву на совещание СЭВ, в Будапеште имел беседу с товарищами из Политбюро Венгерской партии трудящихся. Я не застал там ни Ракоши, ни Хегедюша, который был премьер-министром, ни Герэ, так как они тоже уже отправились в Москву поездом. (В действительности я не встретил и не видел Ракоши в Москве ни на совещании, ни в каком-либо другом месте. Он наверняка «отдыхал» в какой-нибудь «клинике», где советские «убеждали его подать в отставку». Две-три недели спустя он действительно был освобожден от занимаемых постов.) Венгерские товарищи сказали мне, что у них есть некоторые трудности в партии и в ее Центральном Комитете.

...Венгерские товарищи рассказали мне в частности, что Имре Надь, который был исключен как контрреволюционер, устроил по случаю своего дня рождения большой ужин, на который пригласил человек 150, в том числе и отдельных членов Центрального Комитета и правительства. Многие из них приняли приглашение предателя и пошли на ужин. Когда один из членов Центрального Комитета спросил товарищей из руководства, следует пойти на ужин или нет, они ответили ему: «Решай сам по своей собственной инициативе». Такой ответ, естественно, мне показался странным, и я спросил венгерских товарищей:

— Почему же вы не сказали ему прямо, что он не должен пойти, ведь Имре Надь — враг?

— Ну вот, мы решили, что пусть он судит и решит сам, как ему подскажет совесть,— получил я ответ.

Во время этой беседы венгерские товарищи подтвердили мне, что у них в партии сложилась тяжелая обстановка. К этим хлопотам прибавились еще хлопоты, вызванные XX съездом.

— В партии имеются группы, например, писатели и другие,— сказали они мне,— которые выбились из колеи, стараются воспринять материалы XX съезда. Эти элементы говорят, что «XX съезд подтверждает наши тезисы, что в руководстве допущены ошибки. Поэтому мы правы».

...Вечером они устроили для нас ужин в здании Парламента, в зале, в котором бросался в глаза крупный портрет Атилы, вывешенный на стене. Опять мы заговорили о складывавшемся в Венгрии тяжелом положении. Но было ясно, что они уже сбились с толку.

— Что же это вы делаете, как же это вы сидите сложа руки перед лицом поднимающейся контрреволюции? Почему вы сидите наблюдателями, вместо того чтобы принять меры?

— Какие меры? — спросил один из них.

— Немедленно закрыть клуб «Петёфи», арестовать вожаков-смутьянов, вывести на бульвары вооруженный рабочий класс и окружить Эстергом. Допустим, вы не можете посадить в тюрьму Миндсенти, ну, а Имре Надя вы можете арестовать? Расстреляйте некоторых из вожаков этих контрреволюционеров, чтобы всем стало ясно, что такое диктатура пролетариата.

Венгерские товарищи вытаращивали глаза и с удивлением смотрели на меня, как будто хотели сказать: «Не сошел ли ты с ума?» Один из них сказал мне:

— Мы не можем поступать так, как вы говорите, товарищ Энвер, так как мы не находим положение столь тревожным. Мы хозяева положения. Выкрики в клубе «Петёфи» — это ребячьи дела, а если некоторые члены Центрального Комитета пошли и поздравили Имре Надя, то они поступили так потому, что были его старыми товарищами, а не потому, что они несогласны с Центральным Комитетом, исключившим Имре из своих рядов.

— Мне кажется, что вы подходите к делу упрощенчески,— сказал я им,— вы не оцениваете грозящую вам большую опасность.

...Утром я сел на самолет и вылетел в Москву. Встретился с Сусловым в его кабинете в Кремле. Он, как всегда, встретил меня своими манерами, ходя подобно балеринам Большого, и, когда мы уселись, он стал спрашивать меня об Албании. Обменявшись мнениями о наших проблемах, я заговорил о венгерском вопросе. Поделился с ним моими впечатлениями и мыслями в таком виде, в каком я открыто изложил их и венгерским товарищам. Суслов смотрел на меня своими зоркими глазами сквозь очки в серой костяной оправе, и я, говоря с ним, замечал, что в его глазах появились признаки недовольства, скуки, гнева. Несогласие и эти чувства сопровождались каракулями на белой бумаге, лежавшей перед ним на столе. Я продолжал говорить и закончил, ответив ему, что меня поразили спокойствие и «хладнокровие» венгерских товарищей.

Своим тонким, визгливым голосом Суслов начал говорить и, в сущности, сказал мне:

— Нам нельзя согласиться с вашими соображениями о венгерском вопросе. Вы изображаете положение тревожным, но оно не таково, как вы о нем думаете. Быть может, вы недостаточно осведомлены,— и Суслов продолжал пространно говорить, стараясь успокоить меня и убедить в том, что в положении в Венгрии не было ничего тревожного. Меня нисколько не убедили его «аргументы», а события последующих дней подтвердили, что наши мысли и замечания относительно тяжелого положения в Венгрии были совершенно правильными. Почти два месяца спустя, в конце августа 1956 г., я снова имел горячий спор с Сусловым по венгерскому вопросу. Когда мы ехали в Китай на его партийный съезд, проезжая через Будапешт, из беседы, которую мы имели в аэропорту с венгерскими руководителями того времени, мы еще больше убедились, что положение в Венгрии опрокидывалось, реакция орудовала, а венгерское руководство своими действиями потворствовало контрреволюции. Во время нашей остановки в Москве Мехмет, Рамиз и я встретились с Сусловым и сказали ему о наших треволнениях, чтобы он информировал о них советское руководство. Суслов отнесся к этому так же, как и на моей июньской встрече с ним.

— В том направлении, о каком вы говорите, то есть что там бурлит контрреволюция,— сказал нам Суслов,— у нас нет данных ни от разведки, ни из других источников. Правда, враги поднимают шумиху о Венгрии, но положение там нормализуется. Что там наблюдаются некоторые студенческие движения, это правда, но они неопасные, они под контролем. Югославы там не действуют, как вы об этом говорите. Вам следует знать, что не только Ракоши, но и Герэ допускал ошибки...

— Да, что они допускали ошибки, это правда, ведь они реабилитировали венгерских титовских предателей, замышлявших подорвать социализм,— перебил я Суслова. Он надул свои тонкие губки, а затем продолжал:

— Что же касается товарища Имре Надя, мы не можем согласиться с вами, товарищ Энвер.

— Вы,— говорю я ему,— очень меня удивляете, называя «товарищем» Имре Надя, которого Венгерская партия трудящихся выбросила прочь.

— Пусть она и выбросила его,— отвечает Суслов,— он раскаялся и выступил с самокритикой.

— Слова ветер уносит,— возразил я,— не верьте болтовне...

— Нет,— сказал побагровевший Суслов,— у нас его письменная самокритика.— И тем временем он выдвинул ящик, вынул оттуда какую-то бумажку за подписью Имре Надя, адресованную Коммунистической партии Советского Союза, в которой он писал, что ошибся «в мыслях и действиях», и просил поддержки у советских.

— И вы верите этому? — спросил я Суслова.

— Верим, почему нет! — ответил Суслов и продолжал: — Товарищи могут и ошибаться, но если они признают ошибки, им надо протянуть руку.

— Он изменник,— сказал я Суслову,— и мы считаем, что вы, протягивая руку изменнику, допускаете большую ошибку.

На этом и закончилась наша беседа с Сусловым, мы расстались с ним, не согласившись.

...Как рассказывал нам потом наш посол в Будапеште, Бато Карафили, разъяренные толпы контрреволюционеров вначале направились к медному памятнику Сталину, который еще оставался на одной из площадей Будапешта. Подобно тому как некогда штурмовые отряды Гитлера набрасывались на все передовое, хортисты и другие подонки венгерского общества яростно набросились на памятник Сталину, пытаясь опрокинуть его. Поскольку это им не удалось даже при помощи стальных тросов, которые тянул тяжелый трактор, разбойники сделали свое при помощи сварочной машины. Их первый акт был символичным: опрокидывая памятник Сталину, они хотели сказать, что опрокинуто все, что еще осталось в Венгрии от социализма, от диктатуры пролетариата, от марксизма-ленинизма. Во всем городе царили разрушения, убийства, беспорядки.

...Советским послом в Венгрии был некий Андропов, работник КГБ, который затем был выдвинут по чину и сыграл подлую роль также против нас. Этот агент с этикеткой посла оказался в водовороте разразившейся контрреволюции. Даже тогда, когда контрреволюционные события развертывались в открытую, когда Надь пришел во главе правительства, советские еще продолжали поддерживать его, надеясь, по-видимому, держать его под своим контролем. В те дни после первого половинчатого вмешательства Советской Армии Андропов говорил нашему послу в Будапеште:

— Повстанцев нельзя называть контрреволюционерами, так как среди них есть и честные люди. Новое правительство хорошее, и его необходимо поддерживать, чтобы восстановить положение.

— Как вы находите выступления Надя? — спросил его наш посол.

— Неплохие,— ответил Андропов, и, когда наш товарищ сказал, что ему кажется неправильным то, что говорили о Советском Союзе, он ответил:

— Антисоветчина есть, но последнее выступление Надя было неплохим, было не антисоветской направленности. Он старается поддерживать связи с массами. Политбюро хорошее и пользуется доверием.

...Советские войска, размещенные в Венгрии, вначале вмешались, но затем отступили по требованию Надя и Кадара, а Советское правительство заявило, что оно готово начать переговоры об их выводе из Венгрии. И в то время как контрреволюционеры неистовствовали, Москва боялась. Хрущев выступал королем положения и опорой Имре Надя и даже выстроил войска и готовился к вторжению. Тогда Москва направила в Будапешт подходящего человека, купца Микояна, вместе с петушком Сусловым.

...Реакция во главе с Кадаром и Имре Надем, которые сидели в парламенте и проводили время в дискуссиях, продолжала призывать западные капиталистические государства выступить своими вооруженными силами против русских. Наконец перепуганный Никита Хрущев был вынужден отдать приказ. Советские бронетанковые войска пошли на Будапешт, завязались уличные бои. Интриган Микоян посадил Андропова в танк и послал его в парламент забрать оттуда Кадара, чтобы манипулировать им. И так и произошло. Кадар снова переменил хозяина, снова переменил рубашку, перешел в объятия советских и под защитой их танков призвал народ прекратить беспорядки, а контрреволюционеров призвал сложить оружие и сдаться.

...После того как угомонились страсти и были похоронены жертвы венгерской контрреволюции, этого дела особенно рук Тито и Хрущева, Надь был казнен. Это тоже было неправильно, не потому, что Надь не заслуживал казни, нет, дело в том, что его надо было казнить не скрытно и без суда, без публичного изобличения его, как это было сделано. Его надо было судить и казнить публично, на основе законов страны, чьим гражданином он был. А ведь в судебном процессе, конечно, не были заинтересованы ни Хрущев, ни Кадар, ни Тито, так как Надь мог вывести на чистую воду всю подноготную тех, кто управлял нитями контрреволюционного заговора.

...Суслов относился к числу самых закоренелых демагогов в советском руководстве. Остроумный и хитрый, он умел выходить из трудного положения, и, быть может, именно поэтому он является одним из немногих деятелей, сохранивших свои посты после неоднократных чисток, проведенных в советском ревизионистском руководстве. Мне несколько раз приходилось беседовать с Сусловым, и всегда меня одолевало чувство скуки и неприятности при встрече с ним. У меня мало охоты было беседовать с Сусловым особенно теперь, после венгерских событий, после спора, который я имел с ним по вопросу о Наде, о положении в Венгрии и т.д., а также зная его роль в этих событиях, особенно в принятии решения о снятии Ракоши. Тем не менее это было в интересах дела, и я встретился с Сусловым.

В этой встрече принимал участие также Брежнев, но он фактически только присутствовал, ибо во время всей беседы говорил только Суслов. Леонид время от времени двигал своими толстыми бровями и сидел до того застывшим, что трудно было догадаться, что он думал о том, что мы говорили. Впервые я встретил его на XX съезде, во время перерыва между заседаниями (затем по случаю 40-й годовщины Октябрьской революции, в ноябре 1957 г.), причем еще на этой случайной встрече на ходу он произвел на меня впечатление высокомерного и самодовольного человека. Познакомившись с нами, он вскоре завел разговор о себе и «конфиденциально» сказал нам, что он занимался "специальным оружием". Своим тоном и выражением лица он дал нам понять, что он был в Центральном Комитете человеком, занимавшимся проблемами атомного оружия.

XX съезд избрал Брежнева кандидатом в члены Президиума Центрального Комитета, а год спустя июньский пленум 1957 г. ЦК КПСС, осудив и убрав «антипартийную группу Молотова — Маленкова», перевел Брежнева из кандидата в члены Президиума. По всей видимости, это была награда за его «заслуги» в деле ликвидации Молотова, Маленкова и других в партийном руководстве.

Еще много раз после этих событий, вплоть до 1960 г., мне приходилось ездить в Москву, где я встречался с главными руководителями Коммунистической партии, но Брежнева, как и до XX съезда, нигде не видел и не слыхал, чтобы он где-либо выступал. Стоял или держался он все время в тени, так сказать, «в запасе». Как раз этот угрюмый и степенный человек после бесславного конца Хрущева вышел из тени и сменил ренегата, чтобы дальше продвинуть грязное дело хрущевской мафии, но теперь уже без Хрущева.

ЕЛЕНА ЕВНИНА,
доктор филологических наук

ЧТОБЫ ДРУГИЕ БЫЛИ СВОБОДНЫ

фото Юрия Козырева

Хочу продолжить тему, поднятую в журнале «Родина» (1989, № 7) С. В. Калистратовой,— вспомнить о людях, которые не молчали в мутные времена брежневского застоя, о правозащитниках, бесстрашно вступавших в жестокое единоборство с тоталитарной государственной системой и даже отдававших за это жизнь. Прежде всего — об Анатолии Марченко, погибшем во время голодовки протеста в чистопольской тюрьме.

В маленьком вступлении к книге самого Марченко «Живи как все» Андрей Дмитриевич Сахаров говорит, что, «перебирая мысленно страницы жизни Толи», он «неизменно видит рядом с ним его жену Лару, не разделяя их ни в чем» *. Вот о том, как жила эта героическая пара — Лара и Толя, каковы были их будни, их окружение, я и собираюсь рассказать.

Я познакомилась с Ларисой Богораз в конце 1979 года, когда она пришла ко мне домой с предложением опубликовать мои воспоминания в нелегальном историческом сборнике «Память», который был задуман ею после ареста и высылки из страны А. И. Солженицына и в середине 70-х годов осуществлен с помощью группы деятельных молодых людей. По замыслу создателей, сборник должен был включать в себя прежде всего документы о репрессиях сталинских и послесталинских времен и — шире — разнообразные материалы, статьи, показания, свидетельства о жизни нашего общества начиная с 1917 года. Создаваемые в строго конспиративных условиях, под постоянной угрозой разгрома, тома «Памяти» (их было пять, шестой — уже готовый — был рассыпан после ареста историка Арсения Рогинского; впоследствии материалы этого выпуска легли в основу первых томов выходящего ныне в Париже альманаха «Минувшее») представляли собой уникальное явление в ту пору, когда мы еще и мечтать не могли о той богатой исторической литературе, которая открылась нам сегодня. Каждый том «Памяти», строго документированный, достоверный, впечатлял новыми фактами и событиями нашей многострадальной советской истории, раскрывал страшные преступления, множество забытых имен и трагических биографий. И я, филолог, гордилась своей относительно скромной работой в этом нелегальном издании не меньше, чем более солидными по объему литературоведческими трудами, которыми благополучно занималась на протяжении всей жизни.

Лариса держалась очень просто, открыто, душевно и уважительно по отношению ко мне — старому человеку, годившейся по возрасту ей в матери. Искренне полюбив ее, я действительно стала называть ее «доченькой», а она меня — «мамой Леной». Вскоре я уже знала и обоих ее сыновей, и мужа — Толю Марченко, и отца с мачехой, и несчетное количество друзей-единомышленников, и просто подопечных.

Это была та Лариса Богораз, которая в числе семерых мужественных людей в знак протеста против вторжения наших танков в Чехословакию вышла в августе 1968 года на Красную площадь. За это их всех судили, все получили разные сроки наказания, и Лариса отбыла свой срок ссылки в Сибири (в Чуне). Теперь же, хоть она и имела постоянную прописку на своей старой квартире в Москве, но жила фактически в маленьком городке Карабанове под Александровом (за 107 км от столицы), где нашел приют ее муж — Анатолий Марченко, начавший свою горькую эпопею «отсидки» в советских лагерях и тюрьмах 19-летним парнишкой. С ними был и их семилетний сын — черноглазый, живой, умный и впечатлительный мальчик Пашка.

Ларино активное вмешательство в общественную жизнь началось несколько ранее чешских событий. В 1964 году она, защитив кандидатскую диссертацию по своей специальности лингвиста, уехала в качестве научного сотрудника в Новосибирск. С Юлием Даниэлем — ее первым мужем — она была уже в разводе, но, узнав об аресте Синявского и Даниэля за печатание за границей их художественных произведений, сейчас же прилетела обратно в Москву, чтобы защищать и поддерживать своих друзей чем только могла. Она ходила по судам и прокуратурам, подавала прошения и протесты, обращалась за помощью к известным писателям, позже ездила на свидание к Юлию в лагерную зону. Одна из моих приятельниц, бывавшая в ту пору в Доме ученых, рассказывала мне, как на ее глазах на вечере встречи с каким-то крупным гебистским начальником молодая женщина с горящими глазами и пышной шевелюрой атаковала оратора вопросами и критическими замечаниями, обличавшими наши тюремные и лагерные беззакония. Администрация Дома ученых была напугана таким необычайным критическим пылом и недоумевала, кто эта смелая женщина и как она здесь очутилась.

Это была Лариса Богораз.

Сам Юлий Даниэль был так тронут усилиями Ларисы, что не сомневался, что после его лагерной отсидки она возвратится к нему, домой. Но Лара совсем этого не хотела. Она помогала ему просто как верный товарищ, единомышленник, который не может оставить друга в беде. Когда в 1966 году Анатолий Марченко, отбыв свой срок, уехал из лагеря, где он подружился с политическими заключенными, в том числе с Юлием Даниэлем, Юлий послал записку Ларе с просьбой встретить его в Москве и позаботиться об этом незаурядном человеке. Он явился совершенно больной, почти оглохший после менингита, от которого его не лечили, но по-прежнему неукротимый духом. Человек волевой, упорный, человек «моноидеи», как говорила о нем Лариса, он ехал в Москву с двойной целью: во-первых, ему рассказали, что там можно достать слуховой аппарат, а во-вторых, он задумал написать свои свидетельства о лагерях послесталинских времен и хотел, чтобы ему в этом помогли. С этого момента и началась Ларина безоглядная и самоотверженная борьба за Толю, с которым вскоре она связала свою судьбу.

Она познакомила Толю со своими друзьями. Никогда ранее не общавшийся с людьми интеллигентного труда и даже предубежденный против них (как он сам рассказал в книге «Живи как все»), он понял, что эти люди — настоящие товарищи, на которых можно полностью положиться, что они такие же гонимые и бесправные в своей стране, как он сам, и что в тесном содружестве с ними будет проходить отныне его жизнь.

В ноябре того же года, после упорного обивания порогов Министерства здравоохранения и других советских учреждений, Анатолия удалось положить в больницу и ему сделали трепанацию черепа. Затем настроили и слуховой аппарат, о котором он мечтал. Сложнее оказалось с пропиской (хотя бы временной), которая была необходима, чтобы закончить лечение и осуществить вторую Толину задачу: написание книги-свидетельства о жизни послесталинских лагерей. Прописаться в Москве после отбытия лагерного срока оказалось невозможным. А нет прописки — значит, нет и работы, и в качестве «тунеядца» снова можно попасть под суд. Послелагерная эпопея оказалась для молодого Марченко не менее горькой, чем сам лагерь.

В конце концов после многих скитаний и бесплодных попыток друзья помогли ему устроиться в городе Александрове, где он стал работать грузчиком на хлебозаводе и на ликеро-водочном заводе и где он начал — с трудом, не имея никакого опыта,— писать свою книгу. Лариса деятельно помогала ему. В своих воспоминаниях «Живи как все» Толя описал, как создавалась его первая книга, как помогали ему друзья и как один из них (это был его тезка — Толя Якобсон, которого

* «Знамя», 1989, № 12, стр. 8.

давно уже нет в живых), диктуя рукопись «Моих показаний» на машинку, воскликнул: «Старик, ты не знаешь, что ты написал. Если бы КГБ знал — тут была бы целая дивизия!»

* * *

68-й год, ознаменованный «Пражской весной», не мог оставить Толю безучастным. В противоположность многим из нас — более прекраснодушным — он почти с самого начала считал, что «Пражская весна» будет задавлена советскими войсками, и написал об этом письмо в чешскую газету «Руде право» и в западную прессу, бесстрашно опустив письма в почтовый ящик.

Через день-два Толю арестовали. После отправки книги «Мои показания» за ним уже была установлена усиленная слежка. Его схватили в Москве, в метро; это был третий арест в его жизни. Судили его формально за нарушение паспортного режима, как раз 21 августа 68-го года,— Толя еще не знал, что его мрачное пророчество осуществилось: советские танки ворвались в этот день в Прагу.

На процессе Толи — вход был свободным — присутствовало человек тридцать его друзей. Когда его увозили после объявления приговора, Лариса стучала в стену «воронка», крича ему: «Толя, читай сегодняшнюю «Правду», читай сегодняшнюю «Правду»!» Она знала, что сообщение о вводе советских войск в Прагу послужит ему не только информацией, оно объяснит ему его собственную и подскажет ее судьбу. Толю отправили в дальние лагеря; Ларису после демонстрации на Красной площади — в ссылку в Чуну.

Когда в декабре 1971 года Лара вернулась из ссылки, она уже не могла работать научным сотрудником и вообще была лишена возможности работать по специальности, потому что Институт русского языка Академии наук, который присуждал ей степень кандидата филологических наук, поспешил после суда над ней эту степень снять (может, это было сделано по указанию свыше, а может, по своему почину, из верноподданнических чувств,— неизвестно). Зато в результате тюрьмы и тяжелого этапа она заработала язву желудка, которая долгие годы причиняла (и еще причиняет) ей жестокие страдания.

* * *

В конце февраля 80-го года я увиделась с Ларой у меня дома. Живя в своем Карабанове с мужем и сыном, она приезжала раза два в месяц за продуктами в Москву. В этот раз она была усталой и печальной: до нее дошли слухи, что против Марченко затевается новое «дело», и она очень за него боялась. Со времени последнего освобождения из лагерей в 1978 году он работал в Карабанове кочегаром, они купили там старую крестьянскую избу и теперь своими руками и с помощью друзей начали строить новый дом на своем участке. Толя был очень увлечен этой постройкой, ему казалось, что в своем доме он не будет зависеть от властей. (Увы, это была совершенная иллюзия, как показало время. «Не зависеть» от властей у нас невозможно.)

Друзья — среди них были и молодые, и уже не очень молодые люди — снова пришли на помощь. С трудом доставали дефицитный строительный материал — кирпичи, доски и все прочее, вместе копали землю, клали фундамент. К дню рождения Толи Лариса и Пашка сделали и подарили ему прелестную модель их будущего дома. У Ларисы уже был опыт строительства. Еще в Чуне она собственными руками сложила печь. («И не одну!» — с гордостью говорила она мне.)

И надолго ли это относительно благополучное карабановское житье? Оставят ли Толю в покое? — думала я. Мы подсчитали с Ларисой: к 1981 году, за 23 года (начиная с первого ареста в 1958 году), Толя пережил 11 лет лагерей, 4 года ссылки, полтора года жизни под надзором, один год в побеге и пять судов. Не много ли для 42-летнего человека, который отнюдь не является насильником или убийцей, а всего лишь человек собственного, независимого мнения, которое он откровенно выражает?

Лариса рассказала мне, что написала письмо академику Капице по поводу А. Д. Сахарова. Приближалась очередная сессия Академии наук, на которую Сахаров, сосланный в Горький, не получил приглашения, и все опасались, что именно на этой сессии его, лишенного всех наград, попытаются еще лишить и звания академика. Неужели наши академики, в том числе Капица, когда-то, при Сталине, проявивший себя смелым, мужественным человеком, пойдут на эту позорную акцию и проголосуют за исключение Андрея Дмитриевича из членов Академии? «Если не вы, то кто же заступится за Андрея Дмитриевича, который столько сделал и делает для людей?» — писала в своем письме Лариса.

Через несколько дней я узнала, что Марченко тоже написал академику Капице аналогичное письмо. Речь в нем шла уже не только о возможности исключения Сахарова из Академии, а о всех действиях по отношению к нему наших властей. Письмо было сильное и резкое. Не знаю, сыграли ли эти письма Ларисы и Толи какую-нибудь роль в деле Сахарова. Скорее всего вопрос о лишении его звания академика даже не решились поставить на тайное голосование, боясь провала. Но в судьбе самого Марченко его письмо сыграло зловещую роль. Оно было в совершенно извращенном виде использовано в обвинительном приговоре на судебном процессе, который привел к 10-летнему заключению и трагическому концу.

В следующий приезд в Москву Лара пришла ко мне вместе с Толей, и он сам рассказал мне, как его в Александрове вызывали в КГБ с настоятельным предложением срочно всей семьей (так как приближалась Московская Олимпиада) выехать из СССР.

«Вам ведь здесь не нравится? — сказали ему.— Тогда уезжайте, очень советуем». «Мне здесь все нравится, мне **вы** здесь не нравитесь. Уезжайте сами»,— дерзко ответил Марченко. «У вас нет выбора. Или 70-я статья и 10 лет лагеря, который вы больше не вынесете, или отъезд. Выезжайте, пока добром предлагаем»,— настаивали гебисты. Однако Анатолий не захотел от них никакого «добра». Он хотел остаться в Карабанове и достраивать свой дом. На этом нашем первом свидании он очень обрадовался, узнав, что мои ребята (сын и невестка) — архитекторы и могут проконсультировать его. Я обещала, что мы приедем к ним в Карабаново в ближайшее воскресенье на машине.

Эта поездка в скором времени и состоялась. В один из выходных июньских дней мы всем семейством — сын с невесткой, внук Сережка и я — отправились в гости к Ларе и Толе на машине.

Удивительная получилась поездка!

Мы провели у Лары прекрасный день и все сразу подружились. Моя невестка Тоня очень понравилась Ларисе, и они вдвоем соорудили на всю компанию прекрасный обед. А сын Егор пошел помогать Толе копать яму для фундамента будущего дома, разговорился с ним и почувствовал к нему самую живую симпатию.

К вечеру пришли Ларин отец и мачеха, которых в это лето Лара устроила здесь, в Карабанове, в таком же деревенском домике, и очень нежно их опекала.

Я вспомнила, что как-то Лара рассказывала мне о своей талантливой мачехе, которая сочиняла стихи и музыку к ним и пела свои песни под гитару. Не очень надеясь на успех, я тихонько попросила ее спеть нам, и она как-то даже обрадовалась. Ей, видимо, не хватало аудитории, а в ней жила подлинная актриса. «Только что же, нужны гитара и мои тетрадки»,— заволновалась она. «Я сейчас же все принесу, Аллочка»,— мягко и как-то любовно предложил Толя.

Через десять минут Толя принес из дома стариков гитару и тетрадки с записями песен, и Алла Григорьевна запела.

Надо было видеть внимательные, умные, трагические еврейские глаза старого Богораза, который советовал жене, какие спеть песни (их несколько сотен!), листал страницы, потихоньку подпевал и всячески подбадривал ее, и надо было слышать этот старческий голос, прекрасный в своей удивительно верной интонации и проникновении в каждую исполняемую песню, то грустную, то юмористическую, то шутливо-ироничную, то снова трагически-скорбную. Еще бы! Ведь это были песни, за которыми стоял горький опыт лагерей и ссылки, 20-летний опыт Воркуты и Игарки...

Я тогда еще не знала биографий Лариных стариков, а немножко позже, познакомившись поближе и подружившись с ними, порасспросила их и хочу, хотя бы кратко, рассказать об этих людях.

Иосиф Аронович родился на Украине, в Житомирской области (по-тогдашнему Волынской губернии), в местечке Овруч. Предки его были лесными смолокурами. Это была очень способная еврейская семья. Из семьи брата его отца вышли Тан-Богораз — писатель, ученый-лингвист и этнограф и Николай Богораз — известный хирург. Сам Иосиф Аронович, окончивший двухклассное училище, почти самоучкой одолел многие науки и ремесла. В конце 19-го года он вступил в партию, в 20-м году — в Красную Армию и работал в политотделе армии Юго-Западного фронта в Харькове до 24-го года. Затем стал преподавателем на военных курсах, читал политэкономию в Харьковском институте народного образования, работал в Госплане Украины. После убийства Кирова он попал в поток репрессий, был объявлен троцкистом и посажен.

Получив в 1936 году свой пятилетний лагерный срок (потом, как известно, давали уже много больше, вплоть до 25 лет), Иосиф Аронович освободился в канун войны с волчьим билетом и, как водится, ограничениями в прописке. Тогда он решил остаться вольнонаемным в той же Воркуте, где и встретил Аллу Григорьевну, потомственную дворянку из аристократического семейства Олсуфьевых. Она получила воспитание в институте для детей московских дворян и была на редкость одаренной женщиной: с ранней юности сочиняла стихи, танцевала, выступала на сцене, снималась в кино. В 1936 году ее посадили и выслали как дворянку, по доносу ее первого мужа, и она попала в те же края и оказалась в том же положении, что и бывший местечковый еврей Богораз.

Это оказалась необыкновенно счастливая встреча. С тех пор они прожили вместе сорок лет. Он стал для нее надежной опорой в трудных испытаниях, которые уготовила им судьба, и, наверное, не случайно она посвятила ему многие из своих песен.

«Я каждый раз заново «открываю» своих стариков,— рассказывала мне как-то Лара.— Еще давно, когда я отважилась написать и передать в эфир «Обращение к международной общественности» по поводу суда над Гинзбургом и Галансковым и шла после этого к отцу, я про себя думала: «Ну и влепят они мне за эту безоглядную акцию!» А пришла — у обоих блестят глаза, и они с восторгом рассказывают мне, что только что слушали зарубежное радио и вполне одобряют мой поступок!»

* * *

Весна 1981 года оказалась трагической для семьи Ларисы и Толи.

В воскресенье, 15 марта, в московской квартире Лары праздновали день рождения Павлушки. Собралась уйма народу — не только родители с детьми, но и просто друзья, большинство которых я знаю и люблю. И как мы веселились!

Я запомнила, что во время этого милого детского праздника Лара говорила своим гостям: «Не поедем мы с Пашкой сегодня в Карабаново, Толя там не один, у нас гостит его отец, помогает нам строиться, в этом году мы ведь обязательно должны закончить дом! Поедем мы туда завтра, в понедельник. Ну, пропустит Пашка один школьный день, ничего страшного».

В понедельник они действительно уехали в Карабаново.

А во вторник...

Во вторник, 17 марта, рано утром, поменявшись со своим сменщиком на работе, Толя поехал провожать на московский аэродром своего отца, неожиданно вызванного домой телеграммой жены. А в дом Богоразов пожаловали незваные гости: обыск, Пашка был в школе, Лариса же так устала от организации детского праздника и от всех своих хозяйственных дел, что свалилась на постель и сказала: «Делайте все, что вам надо, я должна поспать». Когда через несколько часов ее разбудили и потребовали подписать протокол обыска и изъятий, она внезапно поняла: Толю арестовали. Конец... Конец карабановской передышке, конец их мирной семейной жизни втроем с сыном. Всему конец.

И точно. Проводив отца, Анатолий зашел навестить стариков Богоразов. И когда он выходил от них, его взяли на глазах потрясенного Иосифа Ароновича, спустившегося вниз проводить зятя. Последний жест Толи, когда он уже пошел было за кагэбэшниками, предъявившими ему документ на арест, был очень характерен: он вдруг повернулся, бегом возвратился к Иосифу Ароновичу, отдал ему сумку с продуктами, купленными в Москве, затем резким рывком сорвал свой слуховой аппарат. «Возьмите его, он мне не потребуется»,— только и сказал он тестю: это значило, что *там* разговаривать он не намерен.

Вот эти два дня — лучезарное воскресенье детского праздника и страшный вторник ареста Анатолия — удивительно символично отразили повседневную жизнь правозащитников. Ведь они веселились на краю пропасти. Ордер на Толин арест был уже подписан. («Мы забыли, забыли, что мы не имеем права веселиться в нашей жизни!» — в полном отчаянии кричал мне в телефонную трубку старый Богораз, когда на следующий день я позвонила ему домой.)

«В эти дни,— написал под свежим впечатлением А. Д. Сахаров,— я потрясен повторным (пятым!) арестом моего друга — Толи Марченко, рабочего и писателя, автора двух талантливых и очень важных, как мне кажется, книг — «Мои показания» и «От Тарусы до Чуны».

Вслед за этим последовало Обращение Сахарова и его жены — Елены Боннэр:

«Вновь арестован Толя Марченко. Это известие так ужасно, что с трудом укладывается в сознание. Жизнь Марченко знают читатели его великолепных книг — «Мои показания» и «От Тарусы до Чуны»,— они жгучее обвинение тупой жестокости репрессивной машины и одновременно свидетельство истинного наличия человеческого духа, гордости и честности живого страдающего человека, противостоящего этой машине. Рабочий и писатель Анатолий Марченко, рассказавший такую важную для всех нас правду о современных советских лагерях,— один из тех, кем может по праву гордиться породившая его страна и народ. Сейчас, когда на него вновь обрушилась мстительность его тюремщиков, мы всей душой с ним, с его семьей. Мы просим всех честных людей страны и Земли сделать все, что в их силах, для защиты и помощи. 22 марта 1981 г. Горький. Елена Боннэр, Андрей Сахаров».

Да, да, да, конечно, все это сущая правда, думала я,

прочитав это обращение. Но вот Сахаров и Боннэр обращаются ко «всем честным людям... сделать все, что в их силах». А мы... мы, так называемые честные, что же мы можем против этих тюремщиков, когда мы доведены до полной и абсолютной беспомощности нашим так называемым «социалистическим» государством? Да ведь ничего же. При всем желании. В этом весь ужас.

28 марта я была у стариков Богоразов. Иосифу Ароновичу исполнилось 85 лет, и Лара, несмотря на страшное горе, решила все же отметить день его рождения и приехала из Карабанова, захватив по дороге бутылочку вина и какое-то нехитрое угощение.

На старике просто не было лица. И то сказать, не хватит ли ему страданий за собственную нелегкую жизнь? Зачем понадобилась эта дополнительная жестокость — устроить арест Толи у него в доме?.. Понять невозможно. «Толя получит не менее 10 лет, отец понимает, что он его уже не увидит»,— тихонько говорила мне Лара.

Сам Иосиф Аронович рассуждал так: «Во время комедии XXVI съезда Толя своей кровью срывает эту идиллию всеобщего благоденствия, расплачиваясь жизнью за право протеста. Его упрекают в том, что он не согласился уехать за рубеж по предложению свыше. Но он не пожелал, он не мог пойти ни на какое соглашение, ни на какую сделку с властями, иначе это был бы уже не Толя».

* * *

Вскоре в дом Ларисы пожаловала комиссия из Карабановского горсовета во главе с самим предисполкома.

«На каком основании строите дом? — накинулся он на Лару.— У Марченко не было для этого формального разрешения! И где вы сами прописаны? Где работаете? Почему проживаете здесь, раз прописаны в Москве? Строительство дома приказываю немедленно прекратить!» После этого грозного окрика комиссия удалилась. Ее появление было предвестием новых преследований и новых бед в семье Ларисы и Толи. Не прошло и полугода, как новый дом Анатолия Марченко, в который было вложено столько сил не только семьи, но и многих друзей и который был почти полностью готов, светел, просторен, красив, превратили в груду безобразных развалин, заваливших весь участок. Соседи рассказывали — не знаю, точно ли,— что здесь поработали и бульдозер, и взрывчатка. А оставшиеся дефицитные стройматериалы, с трудом приобретенные Толей за два года жизни в Карабанове, попросту расхитили и распродали направо и налево. «Вандалы! Варвары! Хоть поселили бы туда людей, ведь и в Карабанове люди живут в страшной тесноте! Нет, пусть не достанется никому! Пусть будет уничтожено всякое воспоминание об этой независимой и потому ненавидимой семье!» — думала я.

Через несколько месяцев, со 2 по 4 марта 1981 года, в городе Владимире состоялся чисто формальный судебный процесс над Марченко, на котором примечательна была только его собственная заключительная речь. «Шесть раз я сижу на скамье подсудимых и впервые чувствую удовлетворение,— сказал Толя.— Меня судят не по фальшивому обвинению. В противоположность старшему поколению сталинских времен, которые не знали, за что их погнали в лагеря, меня судят не зазря: вот они, на столе, мои книги, мои письма и заявления, за которые меня судят. Нигде в мире, кроме как при тоталитарных режимах, то есть в фашистских и коммунистических государствах, не судят за книги, за мысль. Такое громадное и мощное государство не имеет других форм сосуществования с мыслящими людьми, кроме лагерей и тюрем, в которые их заключают. Советская власть за все время своего существования ведет гражданскую войну с собственным народом. Я не обязан любить строй, установленный в моей стране. И, если для Советской власти единственный способ сосуществования с такими людьми, как я,— это держать их за решеткой, значит, я буду ее вечным узником».

В результате этого шестого суда Марченко был приговорен к 10 годам лагерей строгого режима плюс 5 лет ссылки. А преследования его жены — Ларисы Богораз — стали после этого еще более жесткими и неумолимыми. Власти наши, в особенности органы госбезопасности, оказались на редкость изобретательными в способах воздействия на инакомыслящих. Мало того, что был разрушен новый дом, который Толя и Лара строили в Карабанове своими руками, и безобразные остатки его погребли большую часть участка и огорода, с любовью возделываемого Ларой. Ей пригрозили еще отобрать и старую халупу, купленную ею с Толей в тот год, когда они поселились в Карабанове. Это делалось якобы в счет судебных издержек на процесс Марченко: его засудили на огромный срок, и он же должен был платить за это. Лариса заняла денег и уплатила 700 рублей, которые с нее потребовали, но не отдала старого дома: ради Анатолия, вложившего в карабановское жилье столько сил и мечтаний, и ради маленького Пашки, который считал Карабаново лучшим местом на земле.

Затем началась эпопея с поисками работы. Поскольку интеллектуальный труд был для Ларисы, безусловно, исключен (ни один отдел кадров ни одного советского учреждения не принял бы ее на работу), она попробовала поступить ночным сторожем в какой-то технический институт. Нелегкая для женщины ночная работа устраивала ее: хотя у нее самой было совершенно расшатанное здоровье, она думала прежде всего о своем младшеньком, который ходил первый год в московскую школу и при этом беспрерывно болел то гриппом, то ангиной, то снова гриппом, требуя самого пристального материнского глаза. Но и работа ночного сторожа с ничтожным окладом в 80 рублей показалась властям слишком шикарной для Ларисы Богораз, и они вынудили ее уйти. При этом продолжались всякие каверзы, мешавшие ее общению с мужем. Его письма ей не доставлялись, свиданий с ним ее лишали. Однажды, захватив с собой Пашку, они отправились в назначенный срок на свидание в далекие пермские лагеря, где он отбывал свой срок; поехали веселые и оживленные, предвкушая встречу, а приехали обратно измученные дальней дорогой, промерзшие и страшно огорченные. Анатолия по каким-то причинам лишили свидания, ничего не сообщив жене, и они проездили напрасно. Пашка даже осунулся и заболел с горя.

В это же время ее лишили права пользоваться общеквартирным телефоном, пригрозив соседке: «Как услышим ее голос, немедленно снимем аппарат!» Тогда же Лару стали регулярно вызывать в КГБ и требовать, чтобы она уехала за рубеж. Она, конечно, не согласилась.

— Как же я уеду, оставив здесь мужа? — сказала Лариса.

Вслед за этим с требованием отъезда за рубеж начали приставать к ее старшему сыну — Александру Даниэлю, причем перед ним был поставлен недвусмысленный выбор: или отъезд, или арест и суд (при обыске у него были найдены редактируемые им статьи для самиздатских журналов). Лариса, таким образом, должна была лишиться не только мужа, но и сына. В КГБ ей прямо говорили: «Уговорите вашего сына уехать, иначе он будет посажен. Так ведь было и с Марченко: ему тоже вначале предлагали добром, а потом...» Для матери это была жестокая психологическая пытка.

Наконец, Ларисе предложили подписать бумагу с отказом от всякой «противоправной деятельности», то есть не писать никаких заявлений протеста, никаких писем в защиту репрессированных, не участвовать в самиздатских изданиях и так далее. На ее прямой

вопрос, зачем это нужно, ей ответили, что на нее заведено собственное дело, выделенное из дела Марченко, и теперь надо либо его закрыть, либо пускать в ход.

«Я не могу ничего обещать без совета с мужем».

«Ну что же, посоветуйтесь с мужем»,— сказали Ларисе. Таким образом, на этот раз ей не отказали в свидании с Марченко. А приехав со свидания, она рассказала, как он был зверски избит лагерной администрацией в декабре 1983 года: ему надели наручники, бросили на пол и стали бить головой об землю так, что он потерял сознание, а когда пришел в себя в карцере, на некоторое время лишился зрения, обоняния и вкуса. Он лежал в этом состоянии несколько часов и, вероятно, громко хрипел и стонал, потому что соседи по карцеру бешено стучали кулаками в дверь и кричали что есть силы: «Снимите наручники с Марченко! Марченко плохо!» Когда он очнулся и попробовал перевернуться на спину, то снова потерял сознание от боли.

После всего этого Лариса не только наотрез отказалась подписать какой бы то ни было отказ от правозащитной деятельности, но, напротив, послала большое письмо К. У. Черненко, Генеральному секретарю ЦК КПСС.

На это письмо, написанное кровью сердца, Лариса получила через несколько месяцев формальный ответ:

«Прокуратура Союза ССР

103793, Москва, К-9, Пушкинская, 15а.

Ваша жалоба, направленная в Президиум Верховного Совета СССР на нарушения законности в некоторых исправительно-трудовых учреждениях, проверена Прокуратурой Союза ССР. Доводы, указанные в жалобе, не подтвердились.

Прокурор отдела по надзору за соблюдением законов в ИТУ старший советник юстиции Ю. В. Щербаненко».

В октябре того же 84-го года Лариса узнала, что Анатолия в 35-м пермском лагере больше нет. Где же он? Жив ли? Что с ним сделали? Ведь в результате такого письма можно было ждать всего самого страшного, любого акта мести со стороны администрации лагеря. После длительных поисков и бесконечных запросов выяснилось, что Марченко переведен в чистопольскую тюрьму, что означает еще большее ужесточение режима по сравнению с пермскими лагерями. Хотя куда же дальше?

В ноябре и декабре 85-го года для Лары наступили еще более мучительные дни, так как тяжело болели и один за другим умерли ее старики: сначала отец, Иосиф Аронович Богораз, и затем — ровно через месяц — Алла Григорьевна. Я видела, как тяжело переживала Лара эти смерти, и опасалась, что она сама рухнет от непрерывных хлопот, связанных с ними. Может быть, это и случилось бы, если бы не неожиданная радость, которая ее как-то обнадежила и согрела. Как раз в эти дни стали приходить письма от Толи. И какие это были письма! Два огромных письма — в 15 и 19 страниц, исписанных мелким, убористым почерком, теплых, необычайно ласковых по отношению к жене, к сыну и к старикам, о смерти которых он еще не знал, но грустил, что он их, по всей вероятности, уже не увидит (ему оставалось еще 5 лет лагеря и 5 ссылки). Это был живой Толя, исстрадавшийся, но не сломленный, не потухший, с его философией, его юмором, мыслями о возвращении к семье, к дому, к нормальной человеческой жизни... Он писал о воспитании сына, о посадке яблонь, о том, чтобы Лара не занималась без него тяжелым ремонтом... Он собирался жить...

Я читала эти письма и радовалась вместе с Ларой. Однако радоваться пришлось недолго.

Вскоре Ларе стало известно, что 4 августа 1986 года Марченко объявил бессрочную голодовку, главным требованием которой было освобождение политических заключенных в СССР. Письма прекратились.

А через некоторое время — 9 декабря 1986 года — от начальника тюрьмы пришла телеграмма: «Ваш муж Марченко Анатолий Тихонович скончался в больнице...» Вся семья и близкие друзья Лары выехали в Чистополь попрощаться и похоронить Толю. Там, в Чистополе, он и был похоронен под простым деревянным крестом, который поставила ему Лара.

Этого безоглядно смелого и самоотверженного борца за права и жизни других людей убила тюрьма. «Анатолий мог жить на воле, но сознательно выбрал тюрьму — чтобы другие были свободны»,— справедливо написала в последнем документе о смерти Толи Марченко его жена и верный спутник — Лариса Богораз.

Фото Владимира Лагранжа

НЕИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ А. ОДОЕВСКОГО

Поистине трагична судьба литературного наследия декабриста Александра Ивановича Одоевского. По свидетельству друзей Одоевского, им написаны «многие тысячи» стихов. Чудом же сохранилось лишь три тысячи стихотворных строк (всего около 60 стихотворений). И почти все эти стихи записаны декабристами — друзьями поэта, находящимися вместе с ним на каторге и в ссылке.

Считаются утраченными стихотворения А. Одоевского «К товарищам» (1823), «К юности» (1824), «Безжизненный град», послания к Никите Муравьеву и М. Л. Огаревой, 3-я песнь поэмы «Василько», тюремная песня на мотив «Во саду ли, в огороде», 2-е стихотворение «Памяти Грибоедова», множество эпиграмм и большое количество писем.

Один из близких знакомых Одоевского, Пушкина, Жуковского, А. Тургенева, Вяземского и Карамзиных, чиновник особых поручений при министре народного просвещения К. С. Сербинович, сообщил в своем дневнике точные названия некоторых стихотворений Одоевского.

5 января 1823 года Сербинович пишет: «Пошел я на обед к князю А. И. Одоевскому. Говорили с ним о «Полярной звезде», беседовали подле камина о поэзии... о Байроне; князь читал мне стихи свои «К товарищам»».

2 февраля 1824 года: «Зашел к Дмитрию Николаевичу (Васькову.— И. Т.) и князю Одоевскому. Стихи его «К юности»».

Архивные материалы, и прежде всего неопубликованный полностью дневник К. С. Сербиновича, помогли раскрыть авторство Одоевского в отношении четырех ранее неизвестных стихотворений.

Недавно мне посчастливилось обнаружить стихотворения Одоевского «К юности», «К ландышу», «Романс» и «Вы».

Вот один из редких текстов Одоевского, написанных «во глубине сибирских руд». В нем поэт с болью в сердце говорит о своей трагической судьбе и нелегкой участи своих соузников, заживо погребенных на далекой каторге.

Иван Трофимов,
кандидат филологических наук

К ЛАНДЫШУ

Недолго, ландыш полевой,
Ты будешь гость весны прелестной!
Как прежде, утра в час златой,
Не будешь влагою небесной
Живить свой нежный стебелек!
Сорву тебя я, мой цветок.
Напрасно бабочка златая,
Твоя подруга молодая,
К тебе летит издалека.
Уж не найдет она цветка!
Ты будешь у Эльвиры нежной
Чело прекрасное венчать,
Прекрасной девы грудь младую
Собой ты будешь украшать,
И будешь участь золотую
В безмолвии благословлять,
И красотою белоснежной
Златые кудри оттенять.
Прекрасная тебя полюбит,
Ты будешь счастлив, мой цветок!
Но, что ж? Увы, завистный рок,
Мой друг, и там тебя погубит:
Завянешь ты! Но жребий твой
Сравнится ль с нашею судьбой?
Мы здесь — до сумрачной могилы
Влачим век горестный, унылый;
А ты, взлелеянный в тиши!
Тебе удел дан краткий, ясный:
Сегодня здесь цветешь в глуши,
А завтра на груди прекрасной,
Доверясь счастливой судьбе,
Завянешь ты, цветок долины!
Ах! Кто б из нас такой кончины
Не пожелал бы здесь себе?..

А. О.

1826.

«Политический сыск», «тайные осведомители», «перлюстрация переписки» — подобные выражения пока еще нельзя снабдить в словарях пометкой «устаревшее», они характеризуют нашу реальность вчерашнего, а во многом и сегодняшнего дня. Чтобы расстаться с ними, нужно наряду с обеспечением правовых гарантий свободы личности изучить и осмыслить социальные, политические и психологические причины, порождающие и стимулирующие деятельность политического сыска.

Для меня, например, всегда было загадкой: кто по собственной воле идет следить за своими соотечественниками? Можно понять (но не простить!) человека, предающего, когда смерть или тяжкие лишения угрожают ему или его близким. Он чувствует отвращение к себе и своему поступку, однако видит в этом единственный выход. Но добровольно наушничать за окружающими? Неужели только ради денег и благоволения властей предержащих?

Помочь ответить на эти вопросы могут различного рода мемуары, письма, другие документы и в том числе публикуемая ниже докладная записка. Ее автор выстраивает целую идеологию «осведомительства», мотивируя его социальной необходимостью. Оказывается, что в обществе, где есть абсолютный монарх (или другой правитель, власть которого не ограничена никакими законами), сами подданные не знают, что хорошо для них и что плохо, как сказано в публикуемой записке, «здесь надобно обходиться и с взрослыми, как с детьми». Оказывается, что там, где человек является не самоцелью, а лишь средством достижения некоторой цели (в данном случае — процветание страны и ее правителя), осведомительство морально оправдано. Именно доносчик считается здесь человеком «совестливым, испытанной честности».

Фаддей Венедиктович Булгарин (1789—1859), автор записки, у всех на слуху, так как имя его встречается в любой биографии Пушкина, Гоголя, Белинского. Видный прозаик и журналист, создатель и многолетний редактор «Северной пчелы», самой распространенной русской газеты второй четверти XIX века, он характеризуется в комментариях и популярных историко-литературных очерках как «шпион», «агент III отделения» и т.п. Нередко утверждается, что Булгарин доносил на Пушкина, Вяземского, Жуковского, Белинского и других литераторов. Однако осмелюсь утверждать, что это далеко от истины.

Он не был ни штатным сотрудником III отделения, ни платным агентом, и его записки не содержат доносов в подлинном смысле слова. Булгарин являлся скорее консультантом, «теоретиком» идеологического и политического контроля. Он «освещал» такие темы, как цензурная политика, положение литературы в русском обществе, взгляды выпускников Царскосельского лицея и членов «Арзамаса», распространение социалистических идей в России, идеологическое воздействие на крестьянство и т. д.[1].

Ярким образцом его «консультативной» деятельности является публикуемая записка, излагающая основы «философии» и технологии сыска в России и много дающая для понимания русской жизни как в пушкинскую эпоху, так и на более поздних этапах отечественной истории.

Предисловие и публикация
АБРАМА РЕЙТБЛАТА,
старшего научного сотрудника
Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина

[1] Более подробную характеристику Булгарина см. в статье: Рейтблат А. Видок Фиглярин // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 73—101.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПЛАНА НАБЛЮДЕНИЯ, ОСОБЕННО ЗА ВОЕННЫМИ ЛИЦАМИ*

Если хозяин принимает в услужение дворника, сторожа или какого-либо служителя, он непременно старается узнать его нравственность и образ мыслей, чтоб знать, можно ли ему *верить*. От офицеров гвардии часто зависит безопасность священных особ Императорского дома и спокойствие целой России, не только столицы: их знать должно непременно. Для этого надобно:

1. Не поручать *никогда* полковникам или вообще военным лицам, служащим en corps[1], наблюдение за другими. Из этого выходят следующие неудачи и промахи: а) Полковники для собственной чести стараются всегда выставлять полк свой верным и благомыслящим и чернят офицеров только по личным неудовольствиям. в) Другая крайность: полковники, чтобы *выслужиться*, дают ложные вести, fausse alarme[2], и компрометируют дело. с) Товарищи по молодости лет, по неопытности, по неуменью, по личностям, необходимым в любой офицерской жизни, портят дело ложными известиями, и весьма часто par esprit de corps, par epanchement ducoeur[3], за оказанную услугу, с дружбы, открывают то, чего открывать не должно, и людям, которые могут воспользоваться этим к величайшему вреду целого дела и даже к бедствию всеобщему. d) Всякое тайное и важное поручение не только молодому офицеру, но даже полковнику и капитану делает гордым с товарищами и даже грубым с начальниками. Из сего я извлекаю общее заключение, что наблюдать за духом полков и характерами и образом мыслей офицеров должны *не* военные, а люди, облеченные особенною высокою доверенностью. О них будет говорено ниже сего. La force militaire est un machine[4], движимая тем, что Наполеон называл «le moral de l'armée»[5], духом войска, его внушает правительство мерами моральными, действуя на душу.

2. Здесь не должно следовать вообще никакой системе уже употребленной, а составить *свою собственную систему*. Даже система Наполеоновская у нас не у места. В Наполеоновскую гвардию выбирали из армии не людей знатных фамилий, неучей, честолюбцев, но старых заслуженных солдат, les vriur routiers[6], привязанных лично к Наполеону, как к Богу, которому они обязаны были *всем*. Их знали прежде. Для маркизов у Наполеона был двор и штабы; места почетные, блестящие и ничтожные. Если в гвардии и было несколько знатных людей (хотя весьма немного), то это дети людей испытанной верности. В таком составе гвардии наблюдение было весьма легким делом. К тому же Франция не Россия. *Там*, после ужасной революции, когда все *отлично доброе* и *отлично злое* вышло наверх, как пена после кипенья, надлежало действовать *сильно* и *быстро*, как с взрослыми, т.е., открыв якобинца, тотчас истреблять или удалять. *Здесь*, напротив, гвардия иначе не может быть составлена, как из молодых людей хороших фамилий, которые упадают как с неба, или будучи неизвестны по поведению и нравственности, или по молодости лет и слабости рассудка вовсе не имея образа мыслей. Здесь надобно обходиться и с взрослыми, как с детьми. Следовательно, во Франции надлежало только строго наблюдать, замечать, узнавать образ мыслей, чтобы истреблять злых; в России, напротив того, должно удвоить наблюдение, замечание и старание знать образ мыслей, чтобы слабое юношество, не попавшее на истинный путь, так сказать, *воспитывать наново*, давать им мнение, заставлять думать как угодно, вести к известной цели всеми средствами, исправлять и только одних *неисправимых* или закоренелых якобинцев и развратников истреблять, изгонять из гвардии.

Все, что говорится здесь о молодых людях, относится и к пожилым, не имеющим твердого образа мыслей и жизненных правил. У нас вообще любят следовать чужому влиянию, хотят, чтобы кто-нибудь за нас думал, а мы повторяем только чужие блестящие вещи. C'est de l'esprit chez nous[7].

Итак, во Франции embauchage[8] была вещь позволительная для общей пользы, потому что там всегда была революционная ферментация, *пламя*, скрытое под пеплом, у нас могут быть только *искры*, и то рассеянные, и так для потушения нельзя и не нужно употреблять одинаковых средств. У нас embauchage вреден. Должно стараться *воспитывать*, а не *выгонять из школы* за то, что его приняли безграмотного и потому что его не хотят учить. Выгонять должно тех из них, которые окажутся вовсе не способны к улучшению.

3. Кого употреблять для этого дела. *Отвечаю решительно:* людей умных, *совестливых, испытанной честности*, привязанных к особе Государя, которые бы умом были выше предрассудков и не полагали делом постыдным действовать благородно, честно, добросовестно для личной безопасности своего Государя и блага Отечества. Это мое старинное мнение, что доверенными тайными агентами правительства должны быть *непременно люди умные* и честные. Иначе высшая полиция превратится в управу благочиния[9]. Пускай умные и честные люди употребляют разный сброд для мелочей, pour les affaires du basse cour[10] — это другое дело. Но человек, которому поручается наблюдение за характером другого, за открытием злоупотреблений, должен быть непременно человек *отлично честный*. Доказательством тому служит М. Я. фон Фок[11], который lui seul vaut bien un corps d'armée[12]. К нему все честные люди имеют доверенность, зная, что он не употребит ее во зло. Пишущий сии строки за миллионы не имел бы ни с кем дела по сему предмету, а с М. Я. фон Фоком он откровенен, единственно потому, что он честен и умен.

4. По всем делам Высшей полиции il ne faur pas brisquer; point de dragonades[13]. Если дело какое бы то ни было открыто Высшею полицею premierement il faut detournée l'attention du public et de l'individidu, de la haute police; sur un autre objet[14]. Высшая полиция — вещь невидимая; неосязаемая, dont le centre est partout et la circonference nul parm[15]. Например: открыто, что такой-то офицер *неисправим*, имеет дурной образ мыслей, якобинец. Но по службе он исправен, явного обвинения на него нет; исключить его из службы, запереть или изгнать без явного проступка — значит обнаружить свои причины, se rendre odieux, mettre l'opinion public du cote du persecute[16], и даже сделать ненавистным правительство. Не лучше ли отдалить его какою-нибудь откомандировкою, там, на месте, велеть удержать его под разными предлогами, дать публике и товарищам *забыть о нем* и после перевести куда угодно или велеть подать в отставку. Дело, сделанное исподволь, не бросается в глаза, а следствие то же. Так, например, Павла Бестужева[17] можно было бы услать в его бригаду, оттуда прикомандировать в Оренбург или куда-нибудь, там занять поручением обучения гарнизона, даже наградить чином, если б вел себя хорошо в отдалении от столицы. Дело было бы сделано, а публика не кричала бы и не плакала за молодым шалуном.

Высшая полиция не должна ни в каком случае, ни под каким предлогом делать доверенности в своих открытиях какому-нибудь правительственному месту или лицу, ибо в таком случае все дело будет испорчено et les hommes fidels seront rebutés[18]. Должно иметь правилом, что всякая власть есть ennemi naturelle du pouvoir occulte[19], будет делать все возможное, чтобы компрометировать ее. Les avis se donnent par des voies detournés[20], всегда обращая внимание лица или места на другую сторону, возбуждая подозрение на другие места или лица. Высшая полиция открывается всегда только, когда делает *добро*. М. Я. фон Фок совершенно постигнул это, когда призывал к себе в 1812—15-м годах иностранцев *неопасных*, болтунов, и предостерег их, чтобы были осторожнее il a gague pour lui l'opinion public[21], снискал доверенность, приобрел репутацию и был тем вдесятеро *полезнее для службы*. Le faut brusquer avec du bien, et agir par les voies detournés, si on est oblige de faire du mal même avec mechants[22].

5. Высшая полиция *должна иметь непременно* в своих руках *цензуру театральных пьес, театральную критику* в преданных ей журналах и, это более, иметь своего человека *вернейшего*, à la tete du repertoire francais[23]. Надобно непременно, чтоб актеры и актрисы зависели *непримětным образом* от Высшей полиции. Это значит иметь в своих руках l'opinion de toute la jennesse[24]. Писать об этом подробно было бы слишком длинно. Польза видна с первого взгляда.

6. Высшая полиция должна иметь несколько своих foyer[25]. О знатных домах не должно заботиться, один или два довольно. Там все ведут себя обдуманно, скромно и по известной схеме. Собрания у актрис, литературные беседы, дружеские вечеринки — вот где on se debontonue[26]! — Повторяю: Je ne faut d'émbauchage[27] — это бесполезно и бесчестно. О нем в России можно сказать то, что Фуше сказал о смерти дюка Энгиенского[28]: C'est plus qu'un crime, c'est une faute[29].

7. Из ордонанс-гауза должны присылаться к Начальнику главной квартиры[30] известия о всех вообще приезжающих и отъезжающих в столицу. Полиция подает рапорты о живущих в заездных домах, и вообще как называется: месячные рапорты sur les mutations survenûs dans les chaugements des domiciles[31] по кварталам и частям, всех чиновников и приезжих. Это не тяжело, когда раз заведено.— Впрочем, по военному положению, Начальник главной квартиры непременно это должен иметь.

8. Контора адресов для иностранцев подает во время навигации ежедневно, зимою еженедельно рапорт о требующих паспортов и приезжающих. Кронштадтская брандвахта также. Это весьма важно и делается для того, чтобы не переписываться с полициею или с кем бы ни было в случае нужды, но действовать прямо и скоро, а у нас известно, что значит переписка. Во-первых, медленна, и, во-вторых, все канцелярские секреты гуляют по городу.

Вот первые отдельные мысли об обширном плане действия, которое зависит более от *благоразумия* начальников. Главные правила. 1. Приобресть доверие и содействие умных и честных людей. 2. Point de brusquerie[32]. 3. Point de confiance[33] с особами и местами. 4. Point d'embauchage[34]. 5. Несправедливое правило возрождать страх ДОНОСОВ: тогда всё замолчит: пусть говорят как *можно более*, тогда только можно знать людей. Par fois quelques coup d'ecbat de condescendence, de l'humanite, reprimandes et corrections paternels[35], юношам добрым, болтунишкам, трусливым, которые сделают лучшее и доставят уважение власти.

* ЦГАОР, ф. 109, Секретный архив, оп. 3, д. 584.
Записка подана при жизни М. Я. фон Фока, и в тексте идет речь о «военном положении», следовательно, ее можно датировать 1828 или 1829 годом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В войсках (франц.).
2. Ложная тревога (франц.).
3. Из духа товарищества, по широте сердца (франц.).
4. Военная сила — это машина (франц.).
5. Состояние духа армии (франц.).
6. Старых служак (франц.).
7. Таков наш склад ума (франц.).
8. Провокация (франц.).
9. Управа благочиния — полицейское учреждение, которое по полицейскому уставу 1782 года охраняло порядок в городе, принуждало жителей к исполнению законов и постановлений, заведовало городским благоустройством и торговлей.
10. Для унизительных дел (франц.).
11. М. Я. фон Фок (1771—1831) — управляющий III отделением в 1826—1831 годах, хороший знакомый Булгарина.
12. Один стоит целой армии (франц.).
13. Не нужно резкостей, драгунских наскоков (франц.).
14. Прежде всего Высшей полиции необходимо перенести внимание общества и лица на другой предмет (франц.).
15. Центр которой — везде, а окружность — нигде (франц.). Булгарин перефразирует устойчивую словесную формулу, которую средневековые авторы применяли к Богу, Д. Бруно — к Вселенной, а Б. Паскаль — к природе (см. эссе «Сфера Паскаля» и комментарий Б. Дубина к нему в книге Х. Л. Борхеса «Проза разных лет». М., 1989).
16. Оттолкнуть от себя, привлечь общественное мнение на сторону преследуемого (франц.).
17. П. А. Бестужев (1808—1846) — брат Александра и Николая Бестужевых, после восстания декабристов был заключен в крепость, а потом отправлен на Кавказ.
18. И верные люди будут оттолкнуты (франц.).
19. Естественный враг тайной власти (франц.).
20. Отношение выражается косвенным путем (франц.).
21. Он обеспечил себе поддержку общественного мнения (франц.).
22. Если необходимо наказать злодеев, должно отказаться от благовоспитанности и действовать обходными путями (франц.).
23. Во главе репертуара французской сцены (франц.). Речь идет о французской труппе императорских театров.
24. Мнение всего юношества (франц.).
25. Очагов (т. е. мест общения) (франц.).
26. Держат себя вольно (франц.).
27. Не нужно провокации (франц.).
28. Луи Антуан Анри де Бурбон-Конде, герцог Энгиенский (1772—1804) — французский принц, последний представитель боковой ветви Бурбонов. Был обвинен в заговоре против Наполеона, невинно осужден и поспешно расстрелян.
29. Это больше чем преступление, это ошибка (франц.).
30. Главная квартира — совокупность всех управлений, учреждений и лиц, состоящих при главнокомандующем.
31. О переменах, внезапно случающихся при изменении места жительства (франц.).
32. Никаких резкостей (франц.).
33. Никакой доверительности (франц.).
34. Никакой провокации (франц.).
35. Снисходительность, человечность, отеческие укоры и наставления (франц.).

О ЧЕМ ШУМИТ РОССИЙСКИЙ ЛЕС?

Фото
ВАДИМА КИВРИНА

Как известно, министром лесного хозяйства республики Верховный Совет РСФСР утвердил сорокалетнего Валерия Александровича Шубина. Его карьеру можно назвать стремительной. Начав с должности помощника лесничего, уже через шесть лет он стал главным лесничим Челябинского управления лесного хозяйства, а вскоре — в возрасте 33 лет — Валерий Александрович был назначен генеральным директором областного лесохозяйственного и лесозаготовительного объединения.
Наш корреспондент беседует с новым министром о проблемах лесной отрасли, судьбе российских лесов.

Корреспондент. Наверняка больше всего в вашей программе членов Верховного Совета РСФСР привлекла ее природоохранная направленность. Мне показалось, она сформировалась под воздействием комиссий ВС и вы очень точно почувствовали настроения депутатского корпуса...

В. Шубин. Нет. Вопросы, заданные на Верховном Совете, и прозвучавшие там пожелания только подтвердили мою позицию и лишний раз убедили в том, что для нашего министерства основной, приоритетной деятельностью должна быть охрана и защита леса, а если более конкретно — его сохранение.

В последние десятилетия утвердилось совершенно хищническое отношение к лесным ресурсам России. Создалась поразительная ситуация: для того чтобы срубить и вывезти лес, у нас тратится более 5 миллиардов рублей, а на то, чтобы его восстановить, выделяется всего 77 миллионов! Многим республикам, в том числе и России, остро не хватает лесоматериалов, а мы «сплавляем» их на Запад буквально за копейки. Ежегодно в нашей республике вырубается около 360 миллионов кубометров древесины. Но вот парадокс. Например, доступные для эксплуатации лесные ресурсы Финляндии лишь ненамного превышают возможности Карелии. Между тем маленькая Финляндия зарабатывает на экспорте лесных товаров вдвое больше, чем весь СССР.

Мы готовимся к переходу на рыночные отношения, и в то же время чем меньше стоит товар, тем больше его доля в поставках Союза на мировой рынок. Например, по дешевым балансам, которые наши зарубежные покупатели оплачивают всего по 20 рублей за кубометр, удельный вес страны в мировой торговле составляет 40 процентов. А по фанере и целлюлозно-бумажным товарам, не говоря уже о мебели, во много раз более дорогостоящим,— только 3—5 процентов. Вот так по дешевке и разбазариваются российские леса, которые и без того находятся в критическом состоянии... Мы намерены решительно бороться с перерубами, не допускать их ни в одном регионе, начиная буквально с 91-го года.

Вообще для решения лесных проблем надо прежде всего исправить одну серьезную ошибку. Необходимо вернуть в ведение органов лесного хозяйства все земли гослесфонда, переданные Минлеспрому СССР при создании комплексных предприятий. Это около 200 миллионов гектаров. У нас есть данные, что структура государственной лесной охраны там утеряна, лесовосстановительные работы толком не проводятся и нет никакого контроля за лесозаготовителями. Если уж в правительстве России сочли необходимым оставить Минлесхоз, то кому, как не нашему ведомству, полностью отвечать за лес и жестко контролировать всех лесопользователей?

Корр. Любопытно, и как же вы собираетесь «отобрать» у Минлеспрома эти земли, если они были переданы ему в соответствии с постановлением Верховного Совета СССР? Кроме всего, не только Минлеспром у нас вырубает леса, но и заготовители подразделений МВД, Минобороны Союза и других ведомств. А сколько самозаготовителей орудует в лесах России? Они в отличие от лесопромышленников вообще варварски относятся к лесу, природе.

В. Ш. Мы возьмем под строгий контроль деятельность всех лесопользователей, проверим все организации самозаготовителей, как они занимаются пользованием леса. Если плохо — будем совместно с местными Советами закрывать рубки.

А насчет союзных постановлений: мало ли у нас было передано лесов благодаря им. И экономически опасные производства тоже строились в соответствии с постановлениями, а теперь местные Советы закрывают эти предприятия. Думаю, что в условиях суверенитета России мы обязаны заботиться о лесах и природе республики, ее благополучии.

Корр. А как вы представляете себе отношения вашего министерства с Госкомлесом СССР?

В. Ш. Считаю, что они должны измениться. На мой взгляд, в ведении этого союзного ведомства должны остаться вопросы: оценка и устройство лесов, общие контрольные функции, научное обеспечение по отдельным направлениям, выработка союзного лесного законодательства. И общая концепция развития лесного хозяйства страны. Кстати, нынешний Госкомитет разработал неплохую комплексную программу, в основу которой положен принцип главенствования экологических функций леса. Но, к сожалению, наши всемогущие ведомства напрочь игнорировали любые научные рекомендации. Причем при поддержке союзного правительства. Десятилетиями в России велась бессистемная и истощительная рубка лесов. Все будто забыли, что лес не только наше богатство, не только древесина, это тот экологический каркас любой территории, любого региона, на основе которого надо строить природоохранную и экологическую деятельность.

Хочу напомнить, что потребительское отношение к лесу началось не сегодня, а еще в тридцатые годы, когда интенсивное развитие лесозаготовок привело к серьезному нарушению лесного покрова страны, когда начисто был забыт развитый нашими русскими учеными принцип неистощимого лесопользования. С тех пор и по сей день продолжают делать упор на то, что в первую очередь надо обеспечить потребность в древесине, а экологические функции леса практически не учитывались. Это и привело к тому, что лесное хозяйство, которое отвечает за сохранение и приумножение лесов, оказалось бедной служанкой лесопромышленного комплекса. А так называемый «остаточный принцип финансирования» лесхозов поставил страну перед новой проблемой — «разлесничивания» наших работников. Это вполне объяснимо: в какой еще отрасли средняя зарплата составляет сейчас 160 рублей? Мы находимся в «последней тройке» вместе с культработниками и медиками.

Кстати, еще два года назад Госкомлес во главе с академиком А. С. Исаевым разработал нормативы лесопользования по всей стране и каждому лесохозяйственному предприятию. Но они не выполняются, их блокируют.

Мы считаем, что лесники должны заниматься только лесным хозяйством — выращивать, защищать и ухаживать за лесом. А пользователи — это около 40 тысяч предприятий — должны брать у нас лес в аренду и выполнять все предписания, которые им дают лесная наука и лесохозяйственники. Для этого в большинстве регионов страны надо существенно снизить лесопользование и прекратить перерубы.

Ведь только за последние два десятилетия переруб в лесах Северного и Уральского, частично Волго-Вятского районов составил 700 миллионов кубометров, истощив до крайности ресурсы этих регионов. За тот же период запасы спелой древесины в хвойных насаждениях сократились на 20—30 процентов.

Корр. И кто в этом виноват? Почему такое происходит?

В. Ш. Да потому, что у нас по-прежнему нет единой научно-технической политики в ведении лесного хозяйства и использовании лесосырьевых ресурсов. Сегодня леса государственного значения находятся в ведении ста союзных и республиканских министерств, ведомств и облисполкомов, которые используют их, так сказать, по своему усмотрению. Не лучше положение и с межхозяйственными лесами, принадлежащими колхозам и совхозам. Аграрники дошли до того, что прекрасную хвойную древесину начали обменивать на корма, забывая, что дерево растет сто лет. И их практически никто не контролирует: что хотят, то и воротят.

В итоге в некоторых регионах России леса вырубается больше, чем следует по норме. Только потери на каждом гектаре вырубки составляют от 24 до 32 кубометров древесины. А по стране это свыше 30 миллионов кубов!

Что мы предлагаем? Необходимо сосредоточить в ведении нашего министерства все российские леса, изъяв их из других ведомств. А то получается, что ни Госкомлес СССР, ни Минлесхоз РСФСР не могут распоряжаться лесами.

Корр. А если союзное правительство будет против этого переподчинения?

В. Ш. Госкомлес страны, я уверен, нас поддержит. А если возникнут противоречия по принципиальным позициям с Совмином СССР, то их будет разрешать непосредственно Верховный Совет или Совет Министров РСФСР. И они наверняка займут позицию, которая отражает прежде всего интересы республики.

Нет, мы не боимся пользователей в лесу, но нас беспокоят те лесозаготовители, которые рубят все, что под руку попадет, не считаясь ни с наукой, ни с лесохозяйственниками.

А в то же время, несмотря на многомиллионные вырубки, в стране хронически не хватает древесины. Из-за недостатка лесоматериалов страдают строительные организации и сельское хозяйство, предприятия угольной и горнорудной промышленности, железнодорожники. Срывается выполнение программ социальной сферы. Дело уже дошло до того, что без сырья простаивают лесопильные, целлюлозно-бумажные и деревообрабатывающие предприятия того же Минлеспрома СССР.

Корр. И как же получилось, что «сапожник остался без сапог», что крупнейшая лесная держава не имеет в достатке сырья и лесоматериалов?

В. Ш. Во-первых, мы страшно запентрализовали нашу лесную промышленность и все лесопользование. Гигантские заводы работают крайне неэкономично: на рубль затрат они дают всего десять — двадцать копеек прибыли. Поэтому, я считаю, мы должны перейти к созданию небольших, но очень емких предприятий, чтобы именно на них перерабатывать древесину, а не возить бревна по всей стране по перегруженным железным дорогам. Для этого нужно создавать комплексные механизированные линии, внедрять ресурсосберегающие технологии.

Корр. А может быть, в этой ситуации нам нужно сократить размеры экспортных поставок, тем более что продаем мы лес за границу по дешевке?

В. Ш. Это только часть проблемы. По сравнению с тем, сколько у нас гибнет и теряется древесины, экспорт составляет всего лишь небольшую часть. Другая сторона медали — сделать упор на экспорт лесных товаров и материалов, а не сырья.

Впрочем, винить во всех грехах Минлеспром тоже нельзя. Госплан Союза ему ежегодно устанавливает планы поставок круглых лесоматериалов со значительными превышениями над реальными производственными возможностями. Вот и вышло, что за три прошлых года это ведомство должно было поставить потребителям на 19 миллионов кубометров древесины больше, чем запланировано, и на 37 миллионов кубов больше, чем ее имелось в отведенном для рубок лесосечном фонде. И на бумаге сбалансированность «обеспечивалась» Госпланом «за счет установления дополнительных заданий и завышения ожидаемых остатков древесины, которые включались в покрытие потребностей народного хозяйства».

Корр. Это понятно, что Госплан, поднаторевший давать все новые директивные указания, не может разобраться в объемах рубок и реальных возможностях лесозаготовителей. Но что говорить о плановиках, если сами лесники не имеют точных данных о запасах древесины. Например, разница в отчетах Минлеспрома и Госкомлеса только по Пермской области составила почти 3 миллиона кубометров. Лесники говорят: рубить нечего. А заготовители утверждают, что «леса навалом». И обвиняют друг друга в некомпетентности.

В. Ш. Я считаю, что необеспеченность народного хозяйства древесиной во многом является результатом иждивенческого отношения к лесным отраслям правительства и Госплана страны, тех руководителей, кто отвечает за дела в лесном комплексе. До сих пор не приняты меры по рациональному использованию имеющихся лесных ресурсов, снижению «древесноемкости» национального продукта. А ведь еще 15 лет назад Совмин СССР специальным постановлением обязал Госплан и Госснаб Союза, министерства и ведомства организовать сбор древесных отходов и включать их в планы распределения по потребителям. А практически сделано и делается очень мало. Из общего объема древесных отходов перерабатывается всего одна пятая часть. Еще столько же продается в виде топлива населению и предприятиям. А остальные отходы, по самым скромным оценкам, это свыше 40—50 миллионов кубометров, вывозятся на свалки, бросаются на делянках и в местах переработки. В общем, богато живем, раз позволяем себе сорить миллиардами. Только в леспромхозах Братского лесопромышленного комплекса, по данным Гослесинспекции, теряется на каждом гектаре до 17 кубометров древесины.

Корр. А как относиться к тому, что на производство технологической щепы, идущей на изготовление целлюлозы, пускают добротный лес, причем ценных хвойных пород?

В. Ш. Да, это проблема из проблем. Для технологической щепы Минлеспром использует лишь четвертую часть отходов, остальное — кругляк. А другим ведомственным лесопользователям, включая лесные колонии МВД и совхозы с колхозами, вообще дела нет до отходов: из десятков миллионов кубометров они пускают на переработку — стыдно сказать — всего около двух процентов.

Мы единственная в мире страна, в которой доля лиственной древесины при варке целлюлозы остается крайне низкой.

Давно пора положить конец разбазариванию российских лесов, осуществляемому союзными ведомствами. Я думаю, что Верховный Совет и правительство РСФСР сумеют это сделать.

Корр. Валерий Александрович, а как вы представляете отношения с местными Советами? Сегодня они своими решениями начинают регламентировать лесохозяйственную деятельность: где-то запрещают рубить, а где-то, наоборот, дают «добро» на перерубы расчетной лесосеки.

В. Ш. Да, в последнее время в ряде регионов делаются попытки передать леса в распоряжение Советов. Этого допустить нельзя! Леса России (а это 95 процентов лесного фонда страны) должны оставаться в распоряжении правительства РСФСР. В большинстве стран мира леса рассматриваются как общенациональное богатство. И даже ведение лесного хозяйства в частных лесах осуществляют специальные лесные службы на основе лесного законодательства.

Наше министерство уже наделено функциями распоряжения лесами в границах России. Мы будем контролировать неукоснительное выполнение лесного кодекса республики во всех лесах независимо от форм собственности на землю. Иное дело — распределение древесины. Вот этим должны как раз заниматься местные органы власти. Пусть местные Советы сами решают, вывозить ли древесину со своей территории или завозить с других. Это во многом сократит так называемые «встречные перевозки», когда, например, вывозя большое количество леса из Архангельской области или Коми республики, туда завозят так называемые «технологические» дрова. Абсурд, согласитесь.

Корр. Кстати, о Коми. Закончился срок очередного соглашения по советско-болгарскому сотрудничеству в заготовке леса на территории Союза для нужд народного хозяйства Болгарии. Почти четверть века в здешней тайге велись совместные лесоразработки. За это время площадь вырубленных лесов составила почти полмиллиона гектаров, намного ухудшилась экологическая обстановка в регионе — почти совсем прекратились исконные для местного населения охотничьи и рыбные промыслы. Общественность республики, депутатский корпус выступили против заключения нового соглашения на старых принципах. А союзное правительство уже приняло соответствующее решение о продлении этого разорительного для региона и России сотрудничества. Ваше отношение к этому, Валерий Александрович?

В. Ш. Очень неоднозначное. Я вообще против таких нецивилизованных соглашений, когда в Россию завозится не капитал, а рабочие руки; когда мы расплачиваемся с иностранцами не товарами, а сырьем, нашим лесом. Тем более в районе, где работают болгарские заготовители, расчетная лесосека перерубается почти на 3 миллиона кубометров.

Корр. Но руководство Минлеспрома все-таки убедило правительство СССР в необходимости продолжить это «взаимовыгодное» сотрудничество. Я допускаю, что ему оно выгодно: за вывезенный кубометр болгары заготовляют для нас два куба. А для населения региона какая выгода? А для России?

В. Ш. Думаю, что этот вопрос обязательно будет рассмотрен правительством РСФСР, как и все те, которые касаются зарубежных заготовителей в наших лесах. Повторяю, я не против совместных предприятий, использующих хвою или отходы древесины. Думаю, что нужно пересмотреть деятельность и отечественных самозаготовителей из МВД, Минобороны, Агропрома и других ведомств. Тем более в условиях рыночной экономики. Почему мы должны за бесценок отдавать древесину? К тому же теперь, когда наша отрасль должна будет сама себя обеспечивать.

Корр. И как же вы представляете себе российское лесное ведомство в условиях рынка?

В. Ш. Нужно шире создавать финансовые ресурсы, образованные за счет оплаты древесины, отпускаемой с корня, штрафов, залоговых и арендных сумм, и направлять эти средства целевым назначением на лесовосстановление, охрану и защиту лесов, укрепление государственной лесной службы...

Конечно, при нынешних нормативах на это мы не проживем. Необходимо увеличить таксы за древесину, отпускаемую с корня, для начала примерно в два с половиной раза, а затем поднять их до мировых цен на древесину. Да и нормативы на штрафы надо пересмотреть: они сегодня не выполняют своей цели. Скажем, лесозаготовителям в несколько раз дешевле заплатить штраф за неочищенную лесосеку, чем произвести ее очистку.

И потом органы лесного хозяйства будут отдавать в аренду лесосеку, оговаривая в договорных условиях, что лес там должен быть восстановлен той же организацией, которая его рубит. А залоговая сумма нужна на тот случай, если эти работы не будут выполнены или будут сделаны некачественно, тогда эта сумма как раз и пойдет на лесовосстановление.

Я за то, чтобы арендные отношения развивались в любых формах. Мне они представляются промежуточным звеном, которое позволило бы развиваться малым предприятиям, а потом они могли бы стать самостоятельными.

Корр. Вы имеете в виду частные или государственные?

В. Ш. Частные, государственные, акционерные... Такое «отпочкование» — один из путей освобождения лесничего от промышленной деятельности. Я считаю, что лесохозяйственную и лесопромышленную деятельность в лесничествах надо разделить. А пока с лесхозов больше спрашивают за товарную продукцию, чем за лесовосстановление. Это ненормальная ситуация. Но она возникла не случайно. Причем длится уже семьдесят лет. Лесная отрасль, которая до 1917 года была в России приоритетной, со временем скатилась, судя по капвложениям и вниманию со стороны государства, на третьестепенные позиции. Хотя наш северный друг — Финляндия именно благодаря мудрому использованию своих скромных лесных богатств стала одной из самых благополучных стран на континенте. С высоким уровнем жизни и экологической культуры.

Корр. А мы давимся в очередях за теми же мебельными финскими гарнитурами. У нас не хватает бумаги даже для журнала «Новый мир». Дефицит обоев. Ежегодно пожары уничтожают десятки тысяч гектаров леса, но виновные лица к ответственности привлекаются редко.

В. Ш. Согласен. Давно пора Верховному Совету страны ввести в законодательство понятие «экологическое преступление». Я думаю, что российский парламент это сделает. И вообще надо пересмотреть наше несовершенное лесное законодательство... Словом, тут много чего надо! До сих пор наука и многочисленные НИИ не предложили работникам лесных отраслей даже эффективных проектов машин и оборудования для качественной, ресурсосберегающей переработки древесины. Лесной комплекс по-прежнему ходит в пасынках у большой науки. Остается надеяться, что новая Российская академия наконец-то займется российскими лесами. Что они будут защищены российскими законами. Что в лесном хозяйстве восторжествуют здравый смысл и дальновидный расчет. Что мы, наконец, начнем думать о детях и внуках наших: какое мы им оставим наследство, какие леса, какую природу...

У российских лесов должен быть один хозяин и распорядитель — Минлесхоз РСФСР. Верховный Совет республики нас наделил полномочиями, и мы будем их осуществлять. Уже началась разработка республиканской программы «Лес» (ее основа — проблемы экологии), новой структуры управления лесным хозяйством. Продолжается также работа над лесным кодексом РСФСР с учетом Декларации о суверенитете России. В общем, все наши планы и заботы связаны с решением наболевших проблем российских лесов — их сегодняшних бедах и дне завтрашнем.

Вел беседу
АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

о мерах по поддержанию и развитию русской иконописи

Высочайше учрежденный Комитет попечительства о русской иконописи, обозрев современное бедственное положение русского народного иконописания, установил:

Подробное исследование состояния русской народной иконописи и ее мастерства и промышленности, произведенное Комитетом в иконописных селах Владимирской и Курской губерний, в Москве и Киеве, привело Комитет к убеждению, что русская иконопись пришла в бедственное положение вследствие конкурентной борьбы с фабричным производством печатных икон на жести. Воспрещение продажи в монастырях и церквах печатных икон не достигает цели: торговцы этими изделиями расширяют производство, устраивают лавки у ворот монастырей ввиду повышенного спроса.

На всем русском юге, начиная от Харькова и Киева, с трудом можно приобрести за большие деньги рукописные иконы, а с жестяными изделиями конкурируют только фолежные иконы с бумажными картинами, наклеенными на досках. На юге России уже нет настоящих иконостасников, а их делом занимаются посторонние промышленники.

В иконописных селах Владимирской губернии большинство населения работает на фабриках, а своим родовым мастерством занимаются только в случаях отсутствия других заработков. Московские иконописные мастерские превращаются в подрядческие строительные конторы, только чтобы обеспечить себе заработок другими работами. Учреждаемые Комитетом иконописные мастерские, школы и артели поставлены в тяжелые условия, так как учение детей отнимает средства у родителей, занимающихся выработкой всякой дешевки, вроде фолежных и бумажных икон, и состязанием с печатными фабриками в способах быстрейшего производства икон.

Возможно поэтому, что русская иконопись пойдет к исчезновению, и тогда никакая сила не будет в состоянии удержать ее от гибели. Когда в защиту печатных икон приводят причину, что они нужны для народа по своей дешевизне, то это заблуждение и недоразумение. Жестяные иконы достаются дешево фабрикантам, а покупателю обходятся почти по ценам рукописных икон, разубранных ризами, разукрашенных эмалевыми коймами и полями, икон, которые исполняются для любителей. Разница та, что в жестянке осталась одна внешность, в ней все фальшиво. Понятно, что народ этих жестяных икон не покупает, как дорогих для него, и довольствуется более дешевыми и стоящими менее рубля, а из жестяных покупает только маленькие образки, аляповатые и грубо размалеванные. Жестяные же иконы идут в дома среднего достатка и по ценам рукописных икон и доставляют громадные барыши их сбытчикам.

Зло не в печатании икон как таковых, а в том, что они отличаются дурным, слащавым вкусом, который фирмы навязывают иконникам. Поэтому их производство должно находиться под строгим присмотром Святейшего Синода в трех русских Лаврах, в главных русских монастырях и учреждениях русского православного исповедания под наблюдением цензоров и знатоков.

...При этом порядке действительно можно было бы выработать доступные и достойные народа иконы. Нельзя допускать покрытие икон лаком или печатание их на бумаге или жести к употреблению их в церквах. Необходимо приложить особую заботу к тому, чтобы сохранить нашу народную иконопись и сберечь самую суть народную, в которой она еще живет, так как в этой среде сохранились бы устои русского народа и выработался религиозно-художественный стиль, который может дать России наше иконописное искусство.

Комитет пришел к заключению, что вследствие непосильной борьбы с фабричным производством печатных икон и в целях поддержания и развития русской иконописи необходимо теперь же принять следующие меры:

...2. Предоставить право производства православных икон и священных изображений исключительно Лаврам, монастырям и учреждениям православного исповедания.

3. Допускать в церквах употребление исключительно рукописных икон, чтобы имеющиеся еще в церквах печатные изделия постепенно заменить рукописными.

4. Установить при мастерских печатных икон в монастырях и учреждениях ведомства православного исповедания строгую технически, художественно и догматически осведомленную цензуру при участии членов Комитета попечительства о русской иконописи.

На первом же заседании Комитета было установлено правило: иконами храмовыми могут быть только рукописные иконы.

На подлинном собственной Его императорского величества рукою начертано: «Одобряю меры, выработанные Комитетом и желаю, чтобы они приводились в исполнение. Николай. 22 марта 1903 года». Председатель Комитета попечительства о русской иконописи граф С. Шереметев. Управляющий делами Комитета академик Н. Кондаков. 10 марта 1903 г.

Публикация кандидата исторических наук
М. Т. ЛИХАЧЕВА.

ОЛЬГА ЩЕРБИНИНА

БАНИ, КАЧЕЛИ, ДОЖДИ...

В начале мая зарядили дожди. В самый раз: только просохла земля после снега и пошедшая в рост трава и клейкие листочки просят пить. Свет мягко приглушен, солнце близко за кучевыми облаками, и из них сеет что из лейки. «Люблю такую погоду с детства»,— замечает мой попутчик Михаил Сажаев, художник. Он едет к матери в Глухово, а я — в окольные деревни: Ильинку, Волкову, Щипачи, из нее родом поэт Степан Щипачев.

Репродукции с картин художника Михаила Сажаева.

Характеры

Подумать только: всего-то два часа электричкой — и попадаешь в другой мир, в другой век. И люди здесь другие — те, кто еще застал «прежную жизнь». На них лежит отсвет иных понятий, мыслей и чувств.

Самобытные и яркие деревенские жители ничуть не походили на однообразные «винтики». Пантеон Ильинки читается как поэма, напоминая эпитафию крестьянам из «Мертвых душ». В большом этом селе с белокаменной церковью на горе насчитывалось несколько сот жителей. Несколько сотен характеров, биографий, судеб.

Василий Петрович Ушаков шил на продажу ботинки, сапоги.

Офимко плел ковры из камыша.

Василий Павлович ткал решета из конского волоса.

Федосья-крашельщица имела краскотерку, кисти, краски, ходила по домам, раскрашивала потолки, двери.

Мурушко и Арсёнушко ловили рыбу на болоте и продавали, деньги пропивали, жен не имели. Зимою чистили проруби и брали «пролубное». Проруби укрывали соломой, обставляли ветками от заносов, лед долбили наново каждое утро. На Крещение обводили прорубь краской и рисовали голубя. Отец Павел макал крест в прорубь, и бабы долго после этого не полоскали там белье.

Перфило, Перша,— у него собирались вечерами мужики играть в карты.

Ганя — у него всегда жили цыгане. У них со старухой была большая изба. Часто вечерами там собирались мужики и слушали цыган о всяких новостях.

Опрошка и Маришка были немного не в себе, отличались силой, не брезговали никакой работой, робили бескорыстно, как лошади. Опрошка убил Маришку «в худые годы».

Лушка-Бутышка — уродливая баба с деревянной ногой, руки без кистей. Руководила нищими у паперти. Антипка и Ванька — ее сыновья, ходили всегда ухоженные, чистенькие. Бутышка умела делать все, даже каким-то образом вышивать.

Дуня-Бородиха — старая баба с седой бородой, часто ходила в церковь.

Братьев Санушко и Данилушко звали «вдовятами»: оба рано овдовели. Жили на болоте, ходили всегда босиком. Увидят змею, ступят ей на голову: «У-у, гадина!» — и идут дальше.

Бабушка Фиёна знала наговоры, принимала роды.

Поп Павел Назарович был сыном богатого помещика, хорошо пел, рисовал красками, строгал из дерева...

Односельчан своих «ровно на блюде» видит Наталья Петровна Сажаева, а дочь Шура записала с ее слов тетрадку про материнскую деревню Ильинку, а еще про сажаевский род.

С мужика Мамона начался он, сосланного на Урал за убийство калужского воеводы. Неистовый, видно, был мужик и крепкий. Отсидев в железах 15 лет — жег уголь в Каменских железоделательных заводах,— выписал семью из России и восстановил в Пышме родовое ремесло: гончарное. От ремесла же и фамилию получил — «сажаль».

Родная изба, писанная маслом, вот она, висит над диваном, на котором лежит «неможахная» ныне мать художника, прежде бойкая, управная: шестерых воспитала. Натруженные крестьянские руки, интеллигентное лицо, проницательные глаза, очки: всю жизнь много читает. Любимые писатели — Толстой и Достоевский. И сама одарена, как многие зоркие, острые на язык жители здешних мест. Их рассказы о жизни и людях — часто емкие, сжатые до афоризмов новеллы. «Глухонемую родственницу привезли к попу на исповедь». «Дед Петро надевал к обедне визитку и брал в руки алмаз: пока идет в церковь, вставит где-нибудь стекло и заробит денег».

Ви́дение жизни — сюжетное, притчевое, склонное к драме, не всегда доброе и, уж во всяком случае, далекое от лубочного мужика и розово-улыбчивой старушки. Здесь особый — на Урале и в Сибири встречающийся — тип русского характера: склонный к подковырке, ехидце, курьезу, анекдоту. И какая же цепкость взгляда при этом! Войдешь в избу — ровно рентгеном тебя просветят...

Такое вот духовное наследство досталось уроженцу здешних мест художнику Сажаеву. Цикл его работ «Братья и сестры» — экспрессивные живописные портреты-новеллы, афористичные и емкие, как устные рассказы его односельчан (да и сам он мастер устного рассказа). В каждом портрете душевная биография человека с его неповторимыми чертами и в то же время биография народа. Это люди, «которых не замечали всю жизнь», по определению художника. «Леха из кочегарки», «Пришел из загранки», «Мы были счастливы, и он был поручик». Вглядитесь в лицо мужика на завалинке — лицо многострадальной России, горько любимой Родины. Неудивительно, что многие писатели, в том числе Виктор Петрович Астафьев, друг Михаила Петровича Сажаева, ценят эту его работу.

Тысячи живописных и графических листов, упорное и обширное самообразование. В сорок лет — признание, слава; по столицам мира Сажаев собирает награды на выставках.

Может быть, нарождается новый тип русского человека — без туманной мечтательности, выродившейся в обломовщину? Человека, который соединяет поэтичность взгляда с *делом?* Дай-то Бог! Это условие исцеления и возрождения Родины.

Как наговаривает деревенская ведунья: пособи, помоги усушить, утолить все боли, все скорби...

Апокалипсис

Обостренное восприятие своего «Я», своего рода и шире: народа — знамение времени. Пришла пора собирать по крупицам сохранившееся от прежнего «раззудись, плечо, размахнись, рука!», от широты, удали и щедрости молодого народа, у коего впереди виделись тысячелетия. Явилось сознание конечности бытия нации, необходимость с трепетностью скупого рыцаря беречь каждую былинку былого.

А былое еще щедро, звучно, настойчиво. Екатерина Меркурьевна Заложнова в Волковой живо обсуждает с нами визит Горбачева в Свердловск, а ей, между прочим, за восемьдесят. Наговаривает на магнитофон красочную новеллу «Про то, как инопланетяне брали к себе одного человека». Будто бы кто-то слышал по телевизору и рассказал ее племяннику. На самом-то деле это живой, на глазах рождающийся фольклор, современный вариант апокалипсиса. Луг с райскими цветами «на другой планете» соседствует с выжженной пустыней. Там под колючками разгуливают адские звери-ящеры, похожие на сказочного змея. А подале озеро кипящей смолы.

— Вот эта смола-то для нас. Всю землю мы изгадили, все прежнее порушили,— назидательно заключает рассказчица.

С Заложновой меня познакомила литературный краевед из райцентра Антонина Михайловна Хлыстикова. Втроем мы и обходим старушек: она, я и Александра Гурьева-Сажаева.

За полями виднеется крышами деревня Щипачи. Собственно, бывшая деревня: осталась там одна-единственная жительница, еще, правда, арендаторы. Анна Никитична Сукачева раньше жила там, хорошо знала поэта Степана Щипачева. Он был из бедной семьи, непрактичной, тихой, ласковой.

— В Волковой все как-то с подковыркой друг к другу, у нас не так. Невеличка деревня, соберемся, бывало, на вечерку все в одной избе, жили дружно...

Феномен Урала: рядом деревни, а характер жителей, взаимоотношения разнятся. И говор у Анны Никитичны напевный, взгляд синих глаз мягок и лиричен, разговор все больше о цветах, птицах да райских полянах, что окружали родную деревню. Каких только цветов там не росло!

— А что сталось с деревней?

— Школы не стало, магазина не стало, из-за этого деревня разъехалась. Стояла на берегу, с ее скатывалось, никогда не было никакой грязи, щистая была эта деревня, никаких размятин не было, трактора ниче не разминали. А после дожжа дак вообще не надышишься. А светов сколько?! Вот выйдешь на поляне — или голубо, или желто, и кругом лес, и кругом ягоды. И любые ведь, не подумайте, что одни какие-то: и земляника, и клубника. Пойди-ка под елань: смородина, черемуха, а по этой стороне и боярка, и шиповник, и все вообще. А, вы знаете, во время весны такой запах! Вот выйду утром — и с горей светами пахнет...

"Сказка" Александры Гурьевой-Сажаевой, сестры художника

Понятно, что из этой деревни вышел знаменитый поэт.

Бейте в жизнь без промаха

Чем полнее воплотил художник черты своей малой родины, тем результат вернее. Хочешь понять художника — поезжай туда, где он родился.

Ничего не понять без истоков. Вот после поездки на родину Миши Сажаева увидела я новым зрением и городской дом его в Свердловске — настоящий праздник для глаза, слуха и обоняния: тонкие чайные ароматы со всех концов земли, нездешние звоны колокольчиков, изысканные старинные вещи... Не это ли и был путь русских: утонченность, эстетизация быта?..

Если бы не случилось с нами то, что случилось...

Творчество Михаила Сажаева — ностальгия, волшебный сон о России, ее снегах, избах, облаках, бабах, банях, качелях. Это ведь у него выпелось: «Бани, качели, дожди». Так называется цикл новых живописных работ, пронзительно-поэтичных, тоскующе-страстных. «Сумасшедшинка» деревенских пейзажей вырывает их из повседневности, суетности, приподнимает над землей. И дело не в летающих предметах, остроконечных колпаках или распущенных волосах деревенских фей, а в символичности сажаевских деревенских пейзажей. Символичность роднит его теснее всего с народной культурой. «Нас мыли под Рождество» — вроде бы реальная жанровая сценка: вереница детей пробирается к баньке. И в то же время это сказка о бесконечных снегах, где крохотным жизням легко затеряться, если не идти вот так, цепочкой, соединенными нитью теплоты и родства, к одинокому огоньку... В чем волшебство деревенских сцен? И не скажешь точно, и сам художник не скажет, как получается, что сценка возносится из реальности в иной план: ирреальное пространство русской сказки и русской иконы. Двойное зрение. Головокружение, эйфория, как на качелях.

Деревенские качели — это расписная Пасха. Куличи и красные яйца, первая зелень, дурманящие звоны... И через весь праздник крутятся ярмарочные расписные кони — среди леденцов, пряников, орехов, петрушек, «боршиков», медведей, цыган. Веселье через край, прочь от будней! Морока, смех, фарс, балаган. Все это не давало «зациклиться» на плоской, однозначно трактуемой повседневности.

На Масленку мужик «засевал мост» в Ильинке. Приехал с боронами, хлебом, логуном с водой. Его мальчишка мост «боронил», а он «сеял» — мякину бросал. Все хохотали, а он был серьезен.

В Духов день водили хороводы, пели «луговские песни». Наряжали березки и ставили по улицам. После службы в церкви всем раздавались смородинные ветки, их бросали в реку: чья утонет, тот в этом году помрет.

К Ильину дню заканчивали сенокос. Звонили колокола. Нарядные бабы с кучами ребятишек высыпали на завалинки. В этот день варили травник с пахучим лабазником и донником, ели самодельный сладкий сыр, шаньги со сметаной, творогом, картошкой. Носили яркие «парочки» (юбку с кофтой), красиво выделяющиеся на фоне зелени. Минута жизни расцвечивалась всеми красками, ценилась как неповторимая.

Важное место в жизни занимала любовь. О любви много пелось народных баллад, романсов, передавалось историй. До сих пор щипачевцы с чувством рассказывают о любви поэта к соседской девушке Лине, красавице, которую отказались отдать замуж в бедную семью. Любимых здесь звали: духанька, милочкя, ягодинка, залетка, болячкя, матаня.

— Сколько лет вы прожили со стариком? — спрашиваю в одной избе.

— Тридцать.— И шепотом, чтобы не слыхал муж в горнице (обоим за 80), дополняя энергичной мимикой: — А до него мно-о-ого было. Оторвала я от жизни! Успевайте, девки, пока молоды. (У нас дети взрослые, но для нее мы девки, она за этого последнего выходила в 50 лет и стоит на карточке ровно моloденькая, без единой морщинки.) Жили, не скупились. Мне вот сейчас ниче не надо, никакого богатства!

Но душевных сил в хозяйке еще на удивление, современные молодухи покажутся квелыми перед этой энергией, жаром, с каким она поет народные песни, рассказывает свадебные обряды.

Выйдешь из такой избы и снова, и снова мысленно воскликнешь: да как же такой народ мог впасть в «сталинское баракко», свести жизнь к унылой униформе, убогости винтиков?! Слом. Роковая подмена...

Подменные дети

...Иван Купала. Полночь. В неверном свете месяца тонут избы, глухо ухает филин в ближнем лесу, во тьме неведомым цветом расцветает папоротник. В заброшенную баню на спор идет холостой парень. Там видение: огонек — и вокруг девушки в белых платьях с распущенными волосами. Последняя им минутка залучить жениха — манят открытыми жадными губами, блистают очами.

— Выбери одну из нас, тогда отпустим!

Храбрец наш — уж он дрожит, да деться некуда, дверь заперта, и не шевельнуться, как во сне,— тычет пальцем наугад. Расхохотались — и исчезли вмиг; темно, баня отперта, рог месяца застрял в притворе, поблескивает в предбаннике паутина. Щеки у парня полыхем, сердце хочет вон из груди... Дома новоявленный жених во всем признается матери, а та: «Делать нечего, коли слово дал. Скажем, что взяли невесту из дальней деревни». Невеста пред венцом явилась разряженная возле той же заброшенной бани. Тысяцким взяли соседа. Наутро после брачной ночи молодые наносят ему визит. А у него посередь избы в зыбке криком кричит младенец — урод осьмнадцати лет от роду. Знай орет, ни ходить, ни говорить не умеет, а они с женой на него работают. Молодая просит осиновое корыто и топор. Выхватывает урода, бросает в корыто, набрасывает платком и бьет обухом. Родители не успевают ахнуть: молодая сдергивает плат, а там — осиновое полено!

— Вы осиновое полено вместо своего родного дитя нянчили. Меня маленькую в бане оставили на минутку — некрещеную, бес-то и подменил. Я ваша родная дочь!

Роковая подмена... Чуяла ее народная душа. Не так ли и мы семьдесят лет лелеяли осиновую чурку, забросив родное дитя?

АБДУРАХМАН АВТОРХАНОВ

ИМПЕРИЯ КРЕМЛЯ

Книга Абдурахмана Авторханова «Империя Кремля. Советский тип колониализма» вышла в 1988 году в Федеративной Республике Германия. Автор этого исследования родился на Кавказе, в 1937 году окончил Институт красной профессуры в Москве и тогда же был арестован как «враг народа». Пять лет прошли в подвалах НКВД. В 1940-м он был освобожден по решению суда, но немедленно арестован вновь по тому же делу. Выйдя на волю в 1942-м, Авторханов через год эмигрировал на Запад.

В послевоенные годы он стал профессором истории России, выпустил книги «Народоубийство в СССР (Убийство чеченского народа)», «Технология власти», «Происхождение партократии», «От Андропова к Горбачеву» и другие.

«Империя Кремля», главы из которой мы публикуем в этом номере,— монография по национальному вопросу в СССР.

МУСУЛЬМАНСКИЕ НАРОДЫ В РОССИИ И СССР

Исламская революция в Иране и героическое сопротивление мусульманского Афганистана против советской сверхдержавы повысили интерес также и к мусульманским народам СССР. Происходящая сейчас схватка между исламом и коммунизмом в Афганистане, продолжающаяся политическая, стратегическая и энергетическая конфронтация великих держав в мусульманском регионе (Афганистан, Иран и Арабский Восток) могут привести в движение со временем и советский мусульманский Восток. Кремль старается, продолжая бороться против ислама в СССР, вводить советских мусульман в свою экспансионистскую игру на Среднем и Ближнем Востоке якобы для «защиты» тамошних мусульманских народов против американцев. Но это не только фальшивая и коварная игра, но и одновременно игра с огнем. В случае возникновения военной конфронтации в этом регионе между Америкой и Советским Союзом нынешняя ставка Кремля на «мусульманский патриотизм» его подданных может обернуться катастрофой для него же. В высокой степени ненадежными являются мусульманские народы СССР и в случае серьезного политического и революционного кризиса внутри страны, о чем свидетельствует живучесть идеологии басмачества в Туркестане и мюридизма на Кавказе, основанной на догмах ислама. Характерно также, что все диссиденты, репрессированные из среды мусульман, обвинялись в перепечатке и распространении Корана. Сказанное делает необходимым уделить специальное внимание догматам ислама, истории мусульманских народов СССР и настоящему положению ислама в СССР.

Ислам — религия великих завоевателей словом и мечом — превратился со временем в религию завоеванных и порабощенных колониальных народов Азии и Африки. Как раз на этих двух континентах, где европейский колонизатор шествовал по следам арабских завоевателей, он хотя физически и покорил мусульманские народы, но никогда не смог покорить их духовно. Попытки миссионеров из метрополий вернуть обратно в христианство хотя бы те народы, которые до их покорения арабами исповедовали христианство, оказались в основном тщетными. Один известный советский востоковед замечает в отношении стран Арабского Востока: «В этих ранее христианских странах в средние века большинство коренного населения перешло в ислам, но никогда не наблюдалось случаев принятия христианства мусульманами» (Е. А. Беляев. Мусульманское сектантство. Москва, 1957 г., стр. 152).

Неспециалисту трудно понять, а тем более правильно оценить тот величайший успех, который выпал на долю ислама, родившегося в средние века в том же регионе, где уже несколько веков господствовали такие мировые религии, как иудейство и христианство. Гораздо легче объяснить успех ислама в новое и новейшее время, когда он стал религией колониальных народов. Ислам в отличие от христианства воплощает в себе не только вероучение («Дин»), но и государственное учение («Шариат»). Здесь и Божье, и кесарево было сосредоточено в одном верховном суверене — сначала в Магомете, а потом в халифах. Отсюда ислам, будучи верой, становится одновременно и движущей национально-политической силой сначала в арабских завоевательных войнах, а потом в освободительном движении колониальных народов (басмачество в Туркестане, мюридизм на Кавказе).

Что же касается догматов ислама, то существует теория, что ислам всего-навсего синтез элементов христианства, иудейства и языческих верований арабских племен. Если он действительно является каким-то синтезом, то надо его признать гениальным синтезом, призванным удовлетворить духовную потребность той части человечества, которая осталась вне сферы влияния существующих мировых религий.

Догматы и моральная философия ислама («ислам» — «вручение себя Богу») изложены в священной

книге мусульман («мусульманин» — «преданный») — в Коране («Коран» — это «чтение»), который представляет собою сборник проповедей Магомета (род. в 570-м, умер 8 июня 632 г.), внушенных ему Богом через ангела Джабраила (Гавриила). Коран собран уже после смерти Магомета его непосредственными учениками. Основная догма ислама, хотя ее нет в Коране, гласит: «Нет Бога, кроме Бога, и Магомет его пророк» (значение этой догмы становится понятным, если иметь в виду, что в священном доисламском храме Кааба в Мекке было собрано до 360 идолов, которым поклонялись разные арабские племена). Она противопоставила себя также и христианской догме о Боге в трех лицах («Троице»). Вступительная сура Корана — «Фатих»,— которая у мусульман играет роль христианского «Отче наш», гласит: «Во имя Господа Милосердного, Милостивого! Хвала Богу, Господу миров, Милосердному, Милостивому Владыке дня суда. Воистину Тебе мы поклоняемся и у Тебя мы просим защиты. Наставь нас на путь правый, на путь тех, к кому Ты был милостив, на кого нет гнева и кто не заблуждается». С формулы «Во имя Господа Милосердного, Милостивого!», которая по-арабски звучит так: «Бисмиллахир рахманир рахим»,— начинается каждая из 114 сур Корана. Обрядовых предписаний мусульманину четыре: 1) пятикратная молитва в день, 2) соблюдение поста (лунный месяц Рамазан), 3) «зак'ат» (платить в пользу сирот и бедных 2,5% от своего дохода) и 4) при материальной возможности совершить раз в жизни паломничество в Мекку. Морально-этические обязанности, которые возлагает Коран на своих последователей, один немецкий комментатор Корана сводит к следующим шести главным принципам: 1) уважение жизни человека, 2) верность и порядочность, 3) доброта и преданная благодарность родителям, 4) помощь соплеменникам и единоверцам в их нужде, 5) верность долгу, 6) великодушие к зависимым от тебя („Der Koran“, München, Goldmann Verlag, 1959, стр. 12—13). В четвертой суре Корана сказано, что все хорошее, совершаемое человеком,— от Аллаха, а все плохое — от него самого. Блаженства рая, которые ожидают правоверного мусульманина, Коран описывает с необыкновенным пафосом и красочностью.

Коран освобождает человека от страха в борьбе за правое дело.

В девятой суре читаем: «Скажи: «Не постигнет нас никогда, ничто, кроме того, что начертал нам Аллах». Коран освобождает человека и от боязни смерти. В той же суре сказано: «Достояние ближней жизни в сравнении с будущей — ничтожно». Средневековый мусульманский философ так комментировал учение Корана о смысле смерти: «Смерть — исчезновение материи, а не души... Смерть лишь перемена состояния. Душа начинает жить самостоятельно, пока она находилась в теле, она держала рукой, смотрела глазами, слушала ушами, но суть вещей познавала она, и только она». Эту философию смысла жизни и смерти, по исламу, выдающийся советский ученый-узбек Талиб Саидбаев, данными которого я пользуюсь, охарактеризовал в словах: «Немаловажную роль в выполнении исламом компенсаторской функции в обществе сыграло и учение его о цели и смысле земной жизни как подготовке к потусторонней жизни. Человек, по исламу,— «пилигрим», для которого цель путешествия, естественно, куда важнее, чем превратности пути» (Т. С. Саидбаев. Ислам и общество. М., 1978, стр. 57). Никто из богословов, как христианских, так и мусульманских, не оспаривает влияния иудейства и христианства на оформление учения ислама. Коран признает божественное происхождение Библии и Евангелия. Признает посланниками Бога Адама, Ноя (по-арабски Нух), Авраама (Ибрагим), Моисея (Муса), Иисуса Христа (Исаал-Масих, то есть Мессия). В Коране присутствует культ Христа, но считают его не Богом, а пророком Бога, каковым себя считал и Магомет. Коран, по существу, воспроизводит рассказ Евангелия о непорочном зачатии Девой Марией. Ислам утверждает, что Магомет — тот самый Параклет, пришествие которого предсказывал Иисус Христос (в Евангелии от Иоанна).

После смерти Магомета произошел раскол в исламе. Он был вызван не догматическими, а династическими расхождениями из-за спора о наследнике Магомета. Рассказывают, что Магомет хотел, чтобы его наследником и первым халифом стал его зять Али, с тем чтобы положить начало династии по родственной линии. Однако окружение Магомета признало лучшим установление принципа выборности, и был выбран не Али (впрочем, самый выдающийся полководец Магомета), а Абубекир. Отсюда и раскол на «суннитов» («правоверных» от всей «общины»), сторонников Абубекира, и на «шиитов» («сектантов» от «части общины»), сторонников Али. В середине VIII века шиизм стал особым течением в исламе на основе нового догмата: заместитель пророка — халиф — не может быть избираем людьми. Поэтому все халифаты от Абубекира, Омара, Османа, Омейядских и Аббассидских являются для шиитов незаконными. Шииты признают Коран, Магомета и сунну, кроме тех ее частей, где рассказывается о противниках Али, но шииты имеют и свое, отличное от суннитского, священное предание: шииты восприняли, в частности, от своих старых верований учение об отсутствии божественного предопределения и о свободе воли. Раскол не мешал, однако, триумфальному шествию ислама по земле. Едва прошло сто лет после смерти Магомета, как ислам с невероятной быстротой силой оружия распространяется по Сирии, Персии, Средней Азии, Кавказу, Египту, по Северной Африке и почти всему Пиренейскому полуострову в начале VIII века. Даже после падения централизованной власти халифата ислам покорил Константинополь, водрузив луну на храме Святой Софии (1453 год). В начале XVI и в конце XVII века турки дважды пытались, оба раза неудачно, овладеть даже Веной. Это был уже конец исламской экспансии в сторону Европы. Отныне ислам стремится в не завоеванные христианством страны Африки и Азии — вплоть до Филиппинских островов, куда ислам проник через Индонезию в XIV—XV веках. Но история любит парадоксы. Чем больше преуспевал ислам, на этот раз не мечом, а словом, среди афро-азиатских народов, тем интенсивнее шел другой параллельный процесс — колонизация этих народов великими и даже средними державами Европы.

Последний халифат — Османская империя после неудачной для нее войны с Россией в 1877—1878 годах настолько ослабела, что европейские державы постепенно начали захватывать ее отдельные провинции с их мусульманскими народами, а после первой мировой войны вообще разделили между собой арабские страны.

От великой мусульманской империи уцелела одна лишь Турция, объявившая себя чисто национальным государством и республикой. Отныне суверенитетом пользовались три мусульманских народа: Турция, Персия и Афганистан.

Вторая мировая война и ее последствия привели к крушению всех мировых империй, кроме советской. Европейские культурные державы, одни добровольно, другие вынужденно, признали национальную независимость их бывших колоний. Так образовалось 33 новых мусульманских государства в Азии и Африке. Вместе со старыми тремя мусульманскими государствами теперь в мире имеется 36 независимых государств с большинством мусульманского населения в них.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА НА ТЕРРИТОРИИ СССР

На нынешней территории СССР — на Кавказе и в Средней Азии — арабские завоеватели появились еще при первых наследниках Магомета: Азербайджан был завоеван халифатом в 639 году (через семь лет после смерти Магомета), Дагестан в 642—643 годах. В 673—674 годах арабские войска перешли Амударью и вступили на бухарские земли. Окончательно Бухарское царство и соседние территории, лежащие за Амударьей, арабы покорили в 706—716 годах. Около 15 среднеазиатских феодальных государств было присоединено к халифату. Существовавшие ранее многочисленные местные религии были объявлены ложными, а население постепенно начали обращать в ислам. Для ускорения процесса исламизации арабы освобождали местных жителей от подушного налога. Арабские завоеватели были не только выдающимися полководцами, но и прекрасными психологами. Земли они покоряли мечом, но народы они покоряли словом, убеждением, рассказом и показом преимуществ новой веры. При этом они шли на широкий компромисс между исламом завоевателей и адатным правом завоеванных народов. Ислам успешно рядился в национальную форму. Поскольку халифы, как и Магомет, в одном лице были и вероучителями, и главами государства, то ислам и его юриспруденция — шариат («направлять», «издавать законы») — стали основой образования будущих национальных теократических государств в Средней Азии после падения власти пришельцев. Не проповедовал ислам и аскетизм, столь чуждый среднеазиатским народам. Изречение пророка гласило: «Лучший из вас не тот, который ради небесного пренебрегает земным, и не тот, который поступает наоборот; лучший из вас тот, который берет от обоих».

Многие советские авторы объясняют успех ислама его гибкостью, податливостью, изумительной способностью приспособляться к местным верованиям, обычаям, обрядам.

После создания русского централизованного государства Россия приступает к покорению мусульманских народов Волги, Сибири, Средней Азии и Кавказа. Это оказалось далеко не легким делом, и поэтому сам процесс покорения народов этих районов продолжался довольно долго. Тут противостояли друг другу не только два мира (Европа и Азия), но и две религии (христианство и ислам). Обе стороны старались придать войне национально-религиозный характер — наступающие русские воевали под знаменем православия, а обороняющиеся мусульмане начали «Священную войну» («Газават» под зеленым знаменем ислама). Все без исключения мусульманские народы оказывали России длительное вооруженное сопротивление. Еще при Иване IV были покорены Казанское (1552 г). и Астраханское (1556 г.) ханства. При Екатерине II было покорено Крымское ханство (1772 г.). Покорение кавказских народов началось и завершилось в XIX веке — в 1813 году был взят Азербайджан (после войны с Персией), в 1859 году были взяты Дагестан и Чечня, в 1864 году — Черкесия. Во второй половине XIX века началось покорение мусульманских народов Средней Азии. По отношению к ранее покоренным татарам и башкирам правительство держалось политики насильственного крещения. После ряда татарских и башкирских восстаний, а также после известного пугачевского восстания, в котором участвовало много башкир, было решено признать политику насильственного обращения мусульман в православие ошибочной. Екатерина II легализовала ислам и признала его законной религией ее татаро-башкирских подданных. При Александре II в 1872 году в Закавказье, в 1878 году в Оренбурге, потом в Уфе были созданы «Духовные собрания по заведованию лицами магометанской веры». Такое же духовное управление существовало с 1831 года в Крыму. Их главы — муфтии — назначались министерством внутренних дел и им оплачивались. В недавно завоеванных странах — в Средней Азии и на Северном Кавказе — духовных управлений не было. Там военное начальство — генерал-губернаторы — само непосредственно ведало и духовными делами. Началось печатание мусульманской духовной литературы (Коран печатался в Казани). Открылись новые средние и высшие духовные школы — медресе.

Дореволюционное мусульманское духовенство русской империи выступало не только как высшее моральное руководство живущих в ней мусульманских народов, но оно представляло собою одновременно и организованную национально-политическую силу, с которой считалось правительство. Оно было также и экономической силой: мусульманские учреждения владели вакфами — движимым и недвижимым имуществом, завещанным в пользу мечетей. Вакфы располагали благотворительными учреждениями (госпитали, приюты для стариков, вдов, сирот). В их распоряжении имелись также земли, которые безвозмездно обрабатывались верующими.

Величайшая заслуга мусульманского духовенства Российской Империи перед историей своих народов заключалась в том, что оно внесло в сознание своих единоверцев новое понятие: все российские мусульмане, независимо от расы, языка и территории, есть единая духовная, историческая и социальная общность, они связаны между собой одной верой и судьбой.

Интересно, что виднейшие советские востоковеды признают интегративную функцию ислама в консолидации мусульманских народов в нации. Советский автор Саидбаев пишет: «Ислам способствовал формированию представлений об этнической общности различных племен и родов» (там же, стр. 82—83). Все это и привело, с одной стороны, к оформлению общего сознания, что есть не отдельные племена, а единый народ, возникший на общей для всех духовной основе — на основе ислама, и, с другой стороны, это общий для всех фундамент — ислам — делает все мусульманские народы родственными, у них может и должна быть и одна общая цель — создание единого государства из всех мусульманских народов (теория панисламизма). Так как мусульманские народы Российской Империи почти все были народами тюркского языка (кроме большинства горцев Кавказа и Таджикистана), то возникла и другая идея: создание единого тюркского государства вместе с единоверной и единокровной Турцией (теория пантюркизма). В великой интегрирующей роли ислама среди разных, часто между собою враждовавших племен центральное место занимали и его социальные компоненты. Социальной философии ислама органически чужд дух элитаризма, классовости, избранности. Ислам приходил к народам с лозунгом «В исламе — все люди братья», а потому не должно быть ни рабов, ни рабовладельцев. Поэтому понятно, что первыми мусульманами еще при жизни Магомета стали арабские рабы. В этой связи надо упомянуть и неизвестную в других религиях демократичность внутренней организации мечети — ислам. Ислам не знает ни духовно-административной иерархии, ни назначаемых сверху духовных отцов. В исламе нет официального обряда посвящения и рукоположения в духовный сан, поэтому вообще нет института рукоположенного духовенства. Священнослужители мусульманских общин — кази, имамы, муллы — выбираются на общих выборах самими верующими, только здесь не участвуют женщины, что предписано не Кораном, а основано на местных традициях (поэтому женщины не посещают мечети, что опять-таки не исходит из Корана). Хотя медресе и готовят духовных отцов, но быть имамом религиозной общины может каждый мусульманин, если он знает основы ислама и способен возглавить молитву в мечети.

Ислам выполнял среди завоеванных народов Средней Азии и Кавказа и культурно-просветительную миссию: он принес им письменность, основанную на арабской графике. Она существовала у этих народов вплоть до 1925 года, когда ее заменили латинским алфавитом, а потом латинский алфавит был заменен русским алфавитом (1937 г.).

Совершенно естественно, что в империи, у которой официальной идеологией было православие, ислам был сиротой, но он не был круглым сиротой. Ко времени первой русской революции в недрах народов России, исповедующих ислам, окончательно созрело и оформилось понятие о мусульманских народах как о национально-социальной общности. Речь не шла, как это было раньше, о мусульманах и об исламе вообще, речь шла на этот раз о новом национально-политическом мировоззрении, согласно которому российские мусульманские народы принадлежат к собственному и особому миру (немцы сказали бы „Kulturkreis") единства — по религии, культуре, истории, традиции, языку и даже территории. Здесь присутствовали все элементы образования нации, кроме важнейшего — наличия независимости. Добиться именно этой цели старалось сначала панисламистское, потом пантюркистское движение, возникшее на рубеже XIX—XX веков одновременно в мусульманских районах России и Турции. Русское правительство, как потом и Советское правительство, рассматривало это движение как оружие турецкой политики и поэтому преследовало его. Однако после первой русской революции, после обнародования «Манифеста 17 октября 1905 г.», с его объявленными свободами совести, слова, печати, собраний и политических объединений, резко изменились условия работы и для мусульманского движения. Это сделало возможным созвать впервые в истории российского мусульманства в конце того же 1905 года I Всероссийский съезд мусульманских народов. На этом съезде была создана и первая объединенная политическая партия российских мусульман — «Иттифак» во главе с И. Гаспринским, лидером Крыма.

Не все мусульманские народы были допущены к выборам в Государственную думу, но те, которые участвовали, создали во всех четырех думах одну общую «мусульманскую фракцию» (группу). После Февральской революции 1917 года борьба мусульманских народов выливается в исламскую форму движения, в одних районах — за полную независимость, а в других — за автономию. В мае 1917 года I съезд горцев Кавказа требует создания исламского государства, позже такое государство и провозглашается имамом Узун-Хаджи под названием «Северокавказское эмирство». В том же 1917 году муфтий Крыма Челебиев возглавил правительство Национальной директории Крыма. В ноябре — декабре 1917 года I Чрезвычайный съезд народов Туркестана потребовал автономии Туркестана на основе шариата и объявил о создании «Кокандской автономии». Происходит формирование мусульманских полков как ядра будущей «армии ислама» («басмачество»). Однако о своей полной национальной независимости и о выходе из состава России мусульманские народы объявили только после захвата власти большевиками.

На путях к власти и в первые годы после захвата власти большевики проявляли сугубую осторожность и осмотрительность в мусульманском вопросе. Учитывая всю сложность этого вопроса и необходимость гибкой тактики в деле его разрешения в духе коммунизма, большевики расчленили мусульманский вопрос на две части: 1. Мусульманский вопрос как вопрос политико-национальный (имея в виду все народы мусульманской религии). 2. Мусульманский вопрос как вопрос культурно-религиозный.

Чтобы успешно разрешить первую часть вопроса, надо было проявить высокую тактическую гибкость в отношении второй части (культурно-религиозной). Этого требовала и программа РКП(б), в которой сказано, что «необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств». Это указание программы большевиков Сталин интерпретировал так: «То есть если, например, прямой путь уплотнения квартиры в Азербайджане отталкивает от нас азербайджанские массы, считающие квартиры, домашний очаг, неприкосновенными, священными, то ясно, что прямой путь уплотнения квартиры надо заменить косвенным, обходным путем. Или еще: если, например, дагестанские массы сильно заражены религиозными предрассудками, идут за коммунистами «на основании шариата», то ясно, что прямой путь борьбы с религией в этой стране должен быть заменен путями косвенными, более осторожными и т. д., и т. д.

Короче: от кавалерийских набегов по части «немедленной коммунизации» нужно перейти к продуманной и осмотрительной политике постепенного вовлечения этих масс в русло советского развития» (Сталин, том IV, стр. 361—362).

В многочисленных декларациях, законодательных актах и в значительной мере в практической работе Советского правительства в первые годы существования Советской власти сказывается эта его тактическая гибкость для достижения стратегической цели — систематической советизации мусульманских народов СССР.

В декабре 1917 года Советское правительство вынесло постановление вернуть мусульманам экземпляр «Священного Корана Османа», который был конфискован в свое время царским правительством и хранился в Государственной публичной библиотеке. Этот экземпляр был торжественно вручен Мусульманскому съезду, происходившему в Петрограде в декабре 1917 года. В январе 1918 года по решению Наркомнаца были переданы башкирам мечеть в Оренбурге («Караван-Сарай») и татарам башня Сююмбеки в Казани (национально-религиозный памятник древнего татарского государства). Такие же религиозно-исторические и национальные памятники, конфискованные царским правительством, были возвращены мусульманским народам Средней Азии, Казахстана, Кавказа и Крыма. Все это высоко поднимало престиж Советского правительства в глазах мусульман. Тактика большевиков приносила свои плоды. К тому же большевики подчеркивали в своей пропаганде в мусульманских районах, что «коммунизм» и «шариат» не противоречат, а дополняют друг друга. Отсюда часть мусульманского духовенства выдвинула лозунг «За Советскую власть, за шариат!».

Для практического руководства политическими и духовными делами мусульманских народов при Наркомнаце был создан специальный «Мусульманский комиссариат» (см. «Вопросы истории», М., 1949, № 8, стр. 14). Он именно и был создан не по национальному признаку, как западные «комиссариаты» (польский, литовский, белорусский и др.), а по религиозному. «Мусульманский комиссариат» должен был обслуживать народы мусульманского вероисповедания безотносительно к их географическому расположению и расовой принадлежности.

Однако наиболее виднейшие представители мусульманской интеллигенции и духовенства ясно видели, что и в мусульманском вопросе большевики ведут двойную игру, чтобы, пользуясь демагогическими средствами пропаганды и даже прямого обмана («коммунизм не противоречит шариату»), добиться «вовлечения в русло советского развития» мусульманских народов. Когда в связи с этим мусульманские демократические организации развернули против большевиков весьма действенную работу, то Советское правительство стало на путь репрессий: оно закрыло «Центральный Мусульманский Совет» в Петрограде, его московское отделение — Милли-Шуро — «Всероссийский Мусульманский Военный Совет» (см. «Известия» № 101, от 22.5.1918 г.). Они были объявлены «узконационалистическими» и «буржуазно-националистическими». Одновременно Советское правительство принимает ряд законодательных и распорядительно-исполнительных мер, чтобы расширить сеть и влияние центрального «Мусульманского комиссариата».

В июне 1918 года Ленин подписывает постановление Совнаркома «Об организации Мусульманских комиссариатов» на местах. Мусульманские комиссариаты создаются в губерниях: Архангельской, Вятской, Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Пермской, Петроградской, Рязанской, Саратовской, Тамбовской, Уфимской и др. Они создаются также в Средней Азии (Семипалатинск, Ташкент, Верный) и в Сибири (Чита, Тобольск, Новониколаевск). Создавая эти «Мусульманские комиссариаты», большевики проводят серию «Мусульманских съездов», на которых рядом с большевиками-атеистами участвуют седобородые мусульманские муллы. На этих съездах большевики, провозглашая лозунг веры, свободы и национальной независимости, обещали то, чего они не могли дать даже при всем своем желании. Благодаря этому съезды имели огромный пропагандистский успех для советской политики.

Если в первый год Советской власти экспансия большевизма в мусульманские страны происходит на мирных путях, то начиная с 1919 года ввиду роста сопротивления большевики приступают именно в Средней Азии к осуществлению своего широко задуманного военно-стратегического плана: к покорению Туркестана Красной Армией.

Вот тогда-то и возобновилось знаменитое движение «басмачества» («басмак» по-тюркски «атаковать», «нападать»), которое вспыхнуло первый раз в конце 60-х годов XIX столетия

в только что покоренных Россией областях Средней Азии — в Туркестанском крае, Бухаре и Хорезме. Советские историки в свое время признавали басмачество против царских оккупантов «прогрессивным национально-освободительным движением». Теперь, когда старое «басмачество» возродилось против советских оккупантов, разумеется, отношение к нему изменилось.

После разгрома Колчака осенью 1919 года Красная Армия более энергично взялась за покорение Туркестана. Был создан особый «Туркестанский фронт»... Ввиду массовой и повсеместной поддержки басмачества народом Советское правительство сначала прибегло к трюку: оно признает «Армию Ислама» национальной армией Туркестана с ее командирами во главе, если те признают Советскую власть. Когда выяснилась цель трюка — выиграть время, чтобы подбросить в Туркестан новые части Красной Армии, освободившиеся после разгрома Белого движения и окончания войны с Польшей,— басмачи вновь восстали. Но уже было поздно. Красная Армия разгромила «Армию Ислама», хотя отдельные отряды басмачества еще боролись до конца 1926 года. Однако в занятых Красной Армией мусульманских странах большевики все еще ведут очень осторожную и весьма эластичную национально-религиозную политику. Поэтому были сохранены Бухарское и Хивинское ханства, их переименовали в 1920 году в Бухарскую народную советскую республику и Хорезмскую народную советскую республику. В мусульманских странах в первое время не только были возвращены вакуфные имущества, открыты новые медресе, сохранены шариатские суды, но представители мусульманского «прогрессивного духовенства» принимались даже в коммунистическую партию. Сам филиал ЦК РКП(б) в Туркестане первоначально назывался не Среднеазиатское бюро, а Мусульманское бюро ЦК РКП(б).

Когда, почувствовав себя крепче в седле власти, большевики перешли от своей «мусульманской» тактики к осуществлению стратегических целей коммунизма в мусульманских странах советской империи, то вновь прокатилась мощная волна повстанческого движения — на Кавказе, в Татарии, Туркестане; особенно широко развернулось новое басмаческое движение в Бухаре и Хорезме. В апреле 1922 года в Самарканде повстанцы созывают объединенный Мусульманский Туркестанский Конгресс, который торжественно провозгласил создание Туркестано-тюркской независимой республики с полным восстановлением законов шариата. Почувствовав здесь реальную угрозу существованию новой власти, большевики быстро пошли на новые уступки. «Братание коммунизма» с исламом кончилось к концу двадцатых годов. Началась эпоха методического и систематического искоренения ислама, физического истребления мусульманского духовенства, национальной интеллигенции и даже тотального уничтожения национальных коммунистических кадров, как «обманно пролезших в партию» и «открыто якшавшихся с мусульманским духовенством». Отныне само словоупотребление «мусульманские народы» было признано криминальным. Величественные памятники мусульманского зодчества XIII—XIV веков (Самарканд, Бухара) превращались в антиисламские музеи, сельские мечети превращались в склады или сносились. Но ислам живет и процветает. Даже больше. В мусульманских регионах Советского Союза происходит небывалое возрождение наиболее воинственно-аскетического, по существу, религиозно-политического «братства» в исламе — суфистского движения.

В чем же секрет столь упорной, неистребимой живучести ислама?

Ислам возник в эпоху рабства и начавшегося раздела земель и образования латифундий. Ислам выступил как против рабства, так и против превращения земли в частную собственность феодалов. Этой социальной концепции шариата коммунизм противопоставил «национализацию», при которой не только земля, но и все народное хозяйство в целом сделалось собственностью не народа, не даже собственностью государства, а собственностью партии. Шариат с этим не мирился и не может мириться. В этом партия и видит «реакционность» шариата.

История 70-летней коммунистической диктатуры как раз и есть трагическая история перманентной борьбы мусульманских народов СССР за то, чтобы оставаться хозяевами своей страны и жить «по образу своему и подобию». Неисчислимы жертвы этой борьбы, которые остались неизвестными внешнему миру.

Сколько же мусульманского населения СССР погибло от сталинского голода и террора? Точный ответ знают лишь ЦК КПСС и КГБ. Однако есть официальные советские данные о динамике роста мусульманского народонаселения. Из этих данных можно извлечь косвенный ответ на этот вопрос. Вот таблица роста мусульманского населения после его покорения Россией и СССР:

1880 год — 1 миллион.
1910 год — 20 миллионов.
1923 год — 30 миллионов.
1959 год — 24 миллиона.
1970 год — 35 миллионов.
1979 год — 43 миллиона.
1988 год — около 50 миллионов (оценка).

Данные за 1923 год, взятые мной из резолюции XII съезда партии, говорят, что в 1923 году в СССР жило 30 миллионов мусульман, а данные из переписи 1959 года показывают, что за время сталинской диктатуры численность мусульманского населения упала до 24 миллионов человек, и это несмотря на обычно высокую рождаемость среди мусульман.

Вот эти 6 миллионов человек есть все основания отнести к числу жертв сталинского террора и искусственного голода как в 30-е годы, так и в военные и отчасти даже в послевоенные годы.

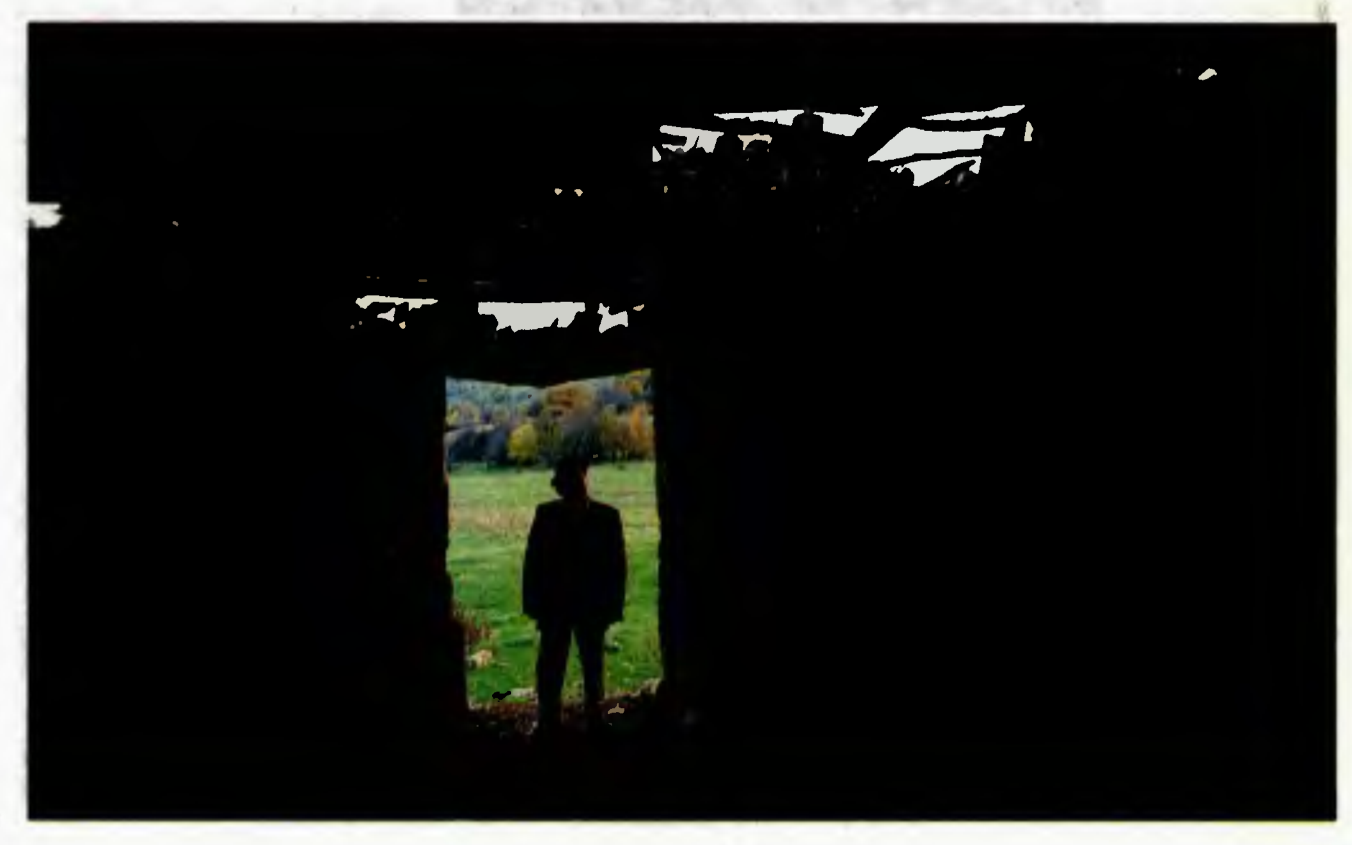
Но, удивительное дело, ни тридцатилетний физический террор Сталина, ни 70-летний психологический террор гигантской государственной машины атеизма не достигли поставленной цели: отрешить мусульман от своей религии и от мусульманского образа жизни не удалось.

Текст подготовлен к публикации
С. НИКОЛАЕВЫМ

САМОВОЗВРАТ

ЕЛЕНА СКВОРЦОВА
ВЛАДИМИР ЛАГРАНЖ *(фото)*

Наш журнал неоднократно рассказывал о трагедии крымско-татарского народа (см. «Родина» №№ 2, 8 за 1989 год). С тех пор произошло немало событий. Вот краткая хроника:

Ноябрь 1989 года. Верховный Совет СССР принимает постановление «Об итогах работы Комиссии Верховного Совета СССР по проблемам крымско-татарского народа».

14 ноября 1989 года. Принята Декларация «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».

Ноябрь 1989 года. Крымский облисполком принял решение, предусматривающее проведение в двухнедельный срок инвентаризации земель области и создание условий для приоритетно-комплексного заселения возвращающихся татар.

Декабрь 1989 года. В Крымском облисполкоме создан отдел межнациональных отношений.

Январь 1990 года. При Совете Министров СССР начала работать Государственная комиссия по проблемам крымско-татарского народа. Ее основная задача — решение вопросов возвращения народа на родину.

Июль 1990 года. Принято постановление Совета Министров СССР «О первоочередных мерах по решению вопросов, связанных с возвращением крымских татар в Крым».

Октябрь 1990 года. В Симферополе создан Комитет по делам депортированных народов.

Итак, возвращение стало наконец для крымских татар реальностью. По крайней мере за год собран солидный бумажный урожай. Но можно ли утверждать, что проблемы крымско-татарского народа больше не существует?

Крестный путь

Для крымско-татарского народа он начался 18 мая 1944 года. И все последующие тяжелые годы они мечтали о том дне, когда родина вновь примет их. Уже давно вернулись на свою землю и чечены, и ингуши, и каракалпаки... Только вокруг татар плотная завеса умолчания. Словно и нет у нас в стране такого народа (кстати, в официальных данных переписи 1970 года его и не было, только мощная почта протеста самих крымских татар помогла исправить эту «ошибку»).

Поэтому Указ 1967 года и был воспринят как торжество справедливости. Увы! Лишь тот, кто быстро, буквально в течение недели после объявленного освобождения, успел приехать в Крым, получил прописку, а вместе с ней *законное* право жить на своей земле. Занавес поднялся и быстро опустил-

ник военной разведки, партизан. Когда выходили из окружения, его в упор застрелил притаившийся на дереве немец. Третьему — летчику — поставлен памятник в Геленджике... Мать поехала к Андрею Дмитриевичу Сахарову. Случай получил мировую огласку. И *только это* позволило семье остаться на обжитом месте. Конечно, вопроса о компенсации за порушенное хозяйство даже не возникло.

Судьбы, как кусочки смальты. Из них складывается мозаика. На

ся. Многочисленные подпункты, директивы и т. п. сделали свое дело: доступ крымским татарам на родину был закрыт.

Все в рамках закона: прописку не получишь, пока не устроишься на работу, а на работу без прописки не берут. Можно купить дом. Но его не оформят (это для людей другой национальности в Крыму проблем с покупкой домов не было, еще и ссуду давали). Бывало и так: заплатит крымский татарин свои тысячи за халупу, а через месяц вернется хозяин и заявит, что сделка расторгнута. Хорошо, если деньги вернет. А то и вовсе выгонит: крымский татарин бесправный. На нем клеймо: пятый пункт.

Но татары ехали и ехали в Крым. Встречали их по-разному. За одно могу поручиться — только не хлебом-солью. В 70-е годы минутным делом было подогнать грузовик, дружинников, покидать в кузов вещи и вывезти непокорных за пределы области.

Боль от несправедливости остра...

Женщина и ребенок, лишившийся рассудка. Ее, беременную, с детьми, вывезли в степь. Ночью. В апреле. Сгрузили, как хлам, прямо в грязь.

Мальчик. Сейчас ему 11 лет. А тогда было всего лишь 4 года. Его не постеснялись посадить в КПЗ. Правда, «всего» на три дня. Но ребенку хватило и этого. Помнит все, до шероховатости нар. Сможет ли когда-нибудь простить?

Семья с дочерью — инвалидом детства. Их дом три раза (!) сносили бульдозером. Парторг хозяйства лично собирал людей, заказывал бульдозер... Ныне он преподает гражданскую оборону в школе. Три брата отца выселяемого семейства — герои. Один — танкист, умерший от ран. Другой — начальней — шаг за шагом — весь трудный путь на родину. Но дорога не закончилась. Всего лишь перевал.

Страх

«Ждали бы Государственную программу! А то понаехали, совсем стало нечего есть в области!» — все чаще слышится в Крыму.

О Государственной программе мы скажем чуть позже. По поводу «нечего есть»... Знают ли апологеты этого довода ответ на простой вопрос: а где сейчас изобилие?

Но последнее утверждение — о том, что «понаехали»,— верное. С 1987-го до конца 1990 года в Крым вернулось около 100 тысяч татар. И люди все продолжают прибывать. Не помогают ни уговоры, ни строгие меры (в Узбекистане, например, в июне 1990 года в паспортных столах прекратили выписку крымских татар).

Что происходит? Страх. Он гонит этих людей на полуостров. Стремление как угодно, пусть босым и голым, оказаться на своей земле, както зацепиться здесь. Они боятся повторения 1967 года. Боятся, что время изменится и «потепление» закончится. Можно ли крымских татар упрекать за этот страх, за недоверие к властям?

Многолетняя официальная ложь, в свою очередь, привела к тому, что местные жители относятся к татарам с недоверием.

Итак, страх с двух сторон. Прибавьте к этому отсутствие продуктов, порушенную экономику, неразбериху со средствами, урезанные на 30 процентов фонды области на стройматериалы, и возникнет совершенно неделикатный, но от жизни идущий вопрос: возвращение за счет кого?

Правда, обнадеживает, что во многих районах местные жители все-таки доброжелательны к татарам. Мы разговаривали с русскими, которые строили татарам печки (на самозахватах!), помогали им месить глину с соломой для утепления домов, предупреждали, что по деревне ходят неизвестные люди и зовут на погром...

Яблоко раздора

Самострои в Крыму — камень преткновения для всех. Это из-за них происходят погромы, из-за них обостряется ситуация на полуострове, это они привели к тому, что Крым по напряженности ситуации упоминается в одном ряду с Кишиневом, Баку, Ферганой...

Интересы татарского народа на полуострове в основном представляют национальное движение крымских татар (НДКТ), имеющее давние, еще со времен выселения, традиции, и организация крымскотатарского национального движения (ОКНД), отпочковавшаяся от НДКТ в 1989 году и ратующая за более радикальные способы решения проблемы. Между собой они отчаянно враждуют, что, естественно, не лучшим образом сказывается на тех простых людях, которые оказываются вовлеченными в сферу их влияния. Основной пункт их разногласий — отношение к самозахватам, которые татары называют самовозвратами. Так, ОКНД, обвиняя НДКТ в пособничестве местным властям, заявляет: «Самострои — это открытая бескровная война с аппаратом управления, не желающим решать наши проблемы. Идет акция национального неповиновения, где вопросы возвращения взяты в свои руки. Это трамплин для будущих действий, первый шаг к общему возвращению, без которого немыслимо возвращение государственности».

НДКТ в лице ее лидера Ю. Османова на это отвечат: «Самозахваты настраивают местных жителей против татар, провоцируют ввод войск в Крым и установление жестких порядков. Они уже сейчас дают возможность тщательно организовывать погромы и выдавать их за «проявление стихийного возмущения народа». Эффект неправового действия самостроев тоже весьма на руку аппарату. Самозахваты являются находкой для организаторов политики торможения возвращения. Таким образом, может возникнуть ситуация, когда Крым вновь окажется закрытым для татар».

Мне понятно недовольство сельских жителей и руководителей хозяйств, когда татары располагаются лагерем на их полях. Люди теряют в зарплате, хозяйство теряет пахотные земли. Татары же идти в совхозы или колхозы не торопятся, предпочитают свободный труд, и на аренду соглашаются неохотно... Может быть, в преддверии рыночной экономики это и правильно, но ведь местные жители теряют *сейчас*, а рынок *будет* еще не скоро... В их положении тоже нужно войти.

Но татары захватывают не только совхозные поля, а и заброшенные (бывшие крымско-татарские) деревни... Почему руководители районов не идут навстречу, почему и здесь не обходится без инцидентов? Ведь решение облсовета еще в прошлом году *обязало* их в двухнедельный срок провести инвентаризацию земель и *найти* участки для возвращающихся татар. Каждый руководитель *знает*, что ему придется выделять землю (кстати, не только бросовую)... Так в чем же дело?

Власти выдвигают следующие аргументы в пользу своей позиции: все татары хотят селиться не там, где можно, а где им *хочется*. Преимущественно это Южный берег Крыма, курортная зона (постановление о запрете индивидуального строительства в ней никто не отменял — этим, а также перенаселенностью местности мотивируются здесь, на побережье, отказы в участках татарам).

Но далеко *не все* татары стремятся в курортную зону... *Татары, исконно селившиеся в степи, туда и возвращаются*. И, наоборот, *прибрежных татар не загнать в степь*. Она им чужда. Конечно, в любом правиле есть исключения. Но, наверное, не стоит возводить их в ранг непреложных истин и на этом строить свои выводы.

Правда, кажется, давняя и справедливая обида татар за выселение часто не дает им возможности объективно взглянуть на ситуацию. И это приводит к нежеланию входить в чьи-либо еще беды, кроме собственных. Так, орган ОКНД газета «Авдет», верно описывая ситуацию, делает необъективные выводы. Например, такой: более трех месяцев у Бахчисарайского райисполкома стоял пикет татар. Они требовали участки. Наконец, в середине мая было принято решение об отчуждении 70 гектаров земли угодий совхоза «Долинный» под строительство индивидуального жилья в черте города (375 человек). При этом 33 крымским татарам было отказано в прописке в связи с тем, что они уже прописаны в Крыму. В знак протеста *обе* группы (вторая — 560 человек) отказались от прописки и решили продолжить пикетирование. Горсовет не стал рассматривать требование татар, и пикетчики приняли решение: инициативной группе выйти из состава паритетной комиссии и совместно со второй группой пикета самовольно занять отведенные под участки земли.

Разве можно говорить о своей *готовности* идти на компромисс и поступать подобным образом? Тут налицо ситуация, когда власти пошли навстречу татарам, а те *не захотели* их услышать.

Стремления понять — вот, пожалуй, чего не хватает всем нам. Понять другого, а следовательно, и сделать первый шаг навстречу.

Униженный народ, оказавшийся в положении беженцев и изгоев на своей земле...

Местные жители, чьи дети годами живут в общежитиях в ожидании жилья...

Кому выгодно столкнуть их? Кому нужна кровь на полуострове?

Официальная версия

Говорят, что никто не знает, какова численность крымско-татарского народа. Но это не совсем так. Есть одна организация, где *точно* известно, сколько татар проживает в стране. Это КГБ. После смерти Сталина с *каждого* крымского татарина брали подписку об отказе от *прав на все* свое имущество в Крыму. Потом, когда в 70-е годы татары потянулись на полуостров, на столах в военкоматах уже через день лежали досье на тех, кто приходил ставиться на учет. Самым простым было бы обратиться туда. Но этого сделано не было.

По данным НДКТ, татар 1 миллион 250 тысяч. Эту цифру можно было бы считать требующей уточнения, если бы татары не получили недавно (по неофициальным каналам, но из весьма компетентных источников) другую цифру — 1 миллион 300 тысяч. Так что, видимо, именно ее надо бы принять за истинную численность народа.

В официальной «Программе возвращения» власти исходят из цифры 350 тысяч человек.

— Преимуществом Государственной программы является,— рассказывает заведующий отделом межнациональных отношений облисполкома Е. В. Неклюдов,— *организованное* возвращение 330—350 тысяч человек в течение 1991—1998 годов. Организованное возвращение начинается в 1991 году, а завершается в основном к 1996 году. К этому времени будет возвращено примерно 85 процентов всего крымско-татарского народа, то есть 220 тысяч человек.

— Мне кажется, что сейчас сложилась такая ситуация, когда, еще не будучи принятой, Госпрограмма уже устарела. Ведь только за 1989—1990 годы, по Госпрограмме не предусмотренные, возвратились около 100 тысяч человек...

— К сожалению, в основном сейчас в область едет одна «пена»,— отвечает Евгений Васильевич.— Мы их зовем «помидорниками». Проще говоря, спекулянты. Приедут, выберут землю получше... А цвет нации будет ждать официальных решений. Обидно. И тем не менее мы стараемся помочь этим людям устроиться. Но под самовозвращенцев область не получила ни копейки.

Как можно планировать сейчас? Мы попытались действовать оперативно. И что же? В этом году область должна была получить 5 миллионов рублей под начавшееся самостоятельное возвращение татар. До сих пор не было получено ни копейки. В 1991 году нам обещают 250 миллионов рублей. Из них 142 миллиона мы планируем израсходовать на развитие базы производственной индустрии. А как все получится на деле, неизвестно.

Сначала мы хотим организовать рабочие места для возвращающихся, спроектировать поселки, подвести дороги, системы канализации, водоснабжения, электроэнергии... Привести все это в соответствие с генеральным планом развития области. Сегодня нельзя, как в седой древности, прийти и поселиться на каком-то участке земли (что именно и делают татары). Человека надо органично ввести в сложившуюся систему экономических, социальных и производственных структур области. К тому же следует подумать и о развитии края.

По предварительному анализу предполагается расселить 59 процентов людей (195 тысяч) в степной зоне, где невысокая плотность населения, в степи, испытывающей дефицит трудовых ресурсов, особенно в отраслях АПК.

— Однако, как выяснилось, приблизительно 60 процентов татар имеют высшее образование. Самые популярные у них профессии — учителя, врачи, юристы... Не уверена, что отрасли АПК столь массово нуждаются именно в этих специалистах.

Вообще, насколько я поняла, ни власти, ни лидеры крымских татар не пытались проанализировать вопрос о будущем использовании приезжающих специалистов. Сколько и каких квалифицированных работников нужно области? Какие отрасли промышленности появятся в Крыму в будущем? Как использовать людей интеллектуального труда, не нужных области? Сейчас на первое место вышло расселение. Но за ним вырастают проблемы зав-

трашнего дня, когда уже поселившиеся здесь люди станут безработными или будут вынуждены заниматься неквалифицированным трудом. Это грозит еще большим обострением межнациональных отношений на полуострове. К примеру, в ФРГ, где ситуация аналогичная, все это учли, и оказалось, что даже после вычета расходов на перевозку иммигрантов, строительство жилья для них и различные учебные курсы чистый доход будет несколько больше 4 миллиардов марок на каждые 100 тысяч приехавших в Германию советских немцев.

— Все не так просто. Частично мы такую работу уже начали проводить. Но все это требует средств для оплаты исполнителям. У нас их нет. Республики же, получив суверенитет, начали принимать законы о запрещении вывоза материалов, перемещения средств... Каждый за себя. Поэтому нам нужна передышка. Мы даже в Узбекистан и Таджикистан ездили. Разъясняли, что возвращение *будет*, но просим повременить... Ничего не помогает.

Главное, что нам сейчас остро необходимо,— это *правовой механизм возвращения*. И над этим нужно работать. Мы сталкиваемся с таким тезисом татар: Советская власть *должна беспрепятственно* выделять землю там, где они хотят. Но если все так будут делать?

Статус Крыма

Татары хотят своей государственности. Об этом почему-то часто умалчивают, словно о чем-то весьма непристойном. Но татары помнят о декларированном праве наций на самоопределение. Именно поэтому все годы ссылки 18 октября (день образования Крымской АССР) татары непременно возлагали цветы к памятникам Ленину, ведь это он дал им автономию. Дело доходило до абсурда: кордоны милиции не подпускали татар к монументам. Памятники в этот день заколачивали досками («на ремонт»)...

Не случайно так горячо проходят сейчас споры о статусе Крыма. Власти хотят решить этот вопрос до возвращения татар. Их тезис: Крым должен быть многонациональной автономией по *географическому* признаку. В этом случае русскоязычное население (около 2,5 млн.) автоматически получает перевес. Татары претендуют на автономию по *национальному* признаку. Тогда они смогут играть решающую роль в политике полуострова.

Мне кажется, что именно вопрос о будущем политическом лидерстве в Крыму и является причиной столь острой и непримиримой борьбы между властями, ОКНД и НДКТ. Ставкой в этой борьбе оказались и без того бедствующие люди. Кто из троих, претендующих на роль представителей народа, является его истинным другом, покажет время.

12 ноября 1990 года на IV Внеочередной сессии Крымского областного Совета была принята Декларация «О государственном и правовом статусе Крыма». В ней, в частности, говорилось: «Крымский областной Совет народных депутатов считает Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 года и Закон РСФСР от 25 июня 1946 года, упразднившие Крымскую АССР, неконституционными и заявляет о праве народов Крыма на восстановление государственности в форме Крымской АССР как субъекта СССР и участника Союзного договора». Если же вопрос о статусе Крыма решится таким образом, что будет признан незаконным акт от 19/II-54 года и Крым снова перейдет в состав РСФСР, вся тяжесть этих проблем ляжет и на наши с вами плечи...

ИОСИФ ГЕРАСИМОВ

ПОМАЗАННАЯ НА ПРЕСТОЛ

С детских лет, может быть, сами того не заметив, мы перестали верить афоризму: «Ложь унижает человека». На наших глазах она только возвышала тех, кто смело пользовался ею. Даже перед кем мы преклонялись — не считали уход от истины грехом... Нет, не считали.

Кажется, в сороковом, во всяком случае, незадолго до войны, когда был я студентом первого курса, в Свердловск прибыл А. Серафимович. Чтобы не упустить возможности повидать живого классика, я с приятелем прорвался на два вечера, когда встречался он с уральской интеллигенцией. Приехал он не один, а с известным по тем временам критиком-громилой. Обнаглев, мы проникли в гостиницу «Большой Урал», где один из основоположников социалистического реализма снимал двухкомнатный номер. Постучались. Открыл критик. Ледяной, следовательский взгляд. «Кто?» — «Студенты». Из комнаты донесся хрипловатый голос: «Пусти их». Классик сидел за письменным столом, пил из тонкого стакана молоко. Такой, как на портретах: лысый, с желтоватой кожей щек, седыми усиками, в толстовочке, на которую наброшен широкий воротник рубашки апаш. Был он в хорошем настроении: выпив один стакан молока, потянулся к другому. «Спрашивайте, молодежь». Он отвечал. О Есенине: «Напоминает красивое, сочное яблоко, а разрежешь — внутри гниль и червь». О Шолохове: «Пришел с рукописью. Я брать не хотел, но вгляделся: глаз меткий, казачий...»

Я загрустил. Исполнилось мне в ту пору восемнадцать, не так уж мало — нахлебался всякого. Был жаден к самым различным знаниям. А то, что говорил классик, я уже слышал от него же на публике. Обкатанные заголовки, которые он повторял на всех встречах. Может быть, с дозволения сопровождавшего его критика.

Беседа шла к концу, но неожиданно приятель мой ляпнул то, о чем шептались в университетских закутках: «А верно, что Шолохов не сам? Нашел чужую рукопись...» Классик сделал вид, что не услышал, взял третий стакан с молоком. Когда прощались, выпала минутка — критика не оказалось рядом, и, пожимая пухлую ладонь, я услышал странную фразу: «Ради честной литературы можно и в грех войти». Более сорока лет я не понимал этой фразы, только потом вздрогнул от слишком запоздалой догадки: давний редактор «Октября» все знал об авторе «Тихого Дона», знал, конечно, больше, чем Медведева-Томашевская, поставившая инициал Д. под рукописью исследовательской книги. Классик лгал, потому что считал эту ложь справедливой. Как, впрочем, лгали и другие великие пролетарские писатели, восклицая при этом: «С кем вы, мастера культуры?!»

Отца моего посадили в тридцать восьмом. Лодзинский ткач, он пробрался сложными путями через Германию в Россию, чтобы строить «царство свободы», так как был членом РСДРП с 1912 года. После его ареста я нашел книгу: «Краткий курс истории ВКП(б). Проект». Во многих местах синим карандашом на полях надписи: «Ложь!», «Такого быть не могло». До ареста он меня спрашивал, что говорят о партии в школе. Я отвечал: «Сталин ее фактический организатор». Он кивал: «Значит, так и есть...» На свидании в тюрьме он мне шепнул: «Никому не верь. Я скоро вернусь». Скоро его расстреляли.

Сколько раз говорил я себе: ведь я-то честный человек. Но потом понял: это неправда. Ложь течет в наших жилах, она вьет гнезда в мозгу и душе, избавиться от нее невозможно, потому что воздух, земля, стены домов пропитаны ею.

Когда я стал репортером большой партийной газеты, со мною ездил в командировки друг-фотокор. Он возил в чемоданчике галстук и несколько свежих воротничков разных размеров. Если хлеба выдавались низкорослые, фотокор напяливал на грязную, с продубленой кожей шею земледельца свежий воротничок, повязывал ему галстук, ставил мужика на колени, чтобы колосья были ему по грудь. А потом в газете появлялся снимок: «Славный урожай выдался нынче...» За такой снимок полагался повышенный гонорар. Каждую весну мы писали: «Большую победу одержали труженики полей, закончив сев яровых на десять дней раньше прошлого года...» В ту пору пришел к нам в редакцию выпускник Кишиневского университета Юрий Черниченко. «Братцы,— сказал он,— посмотрим подшивки за пять лет». Посмотрели. Оказывается, каждый год сев яровых заканчивался на неделю или декаду раньше прошлого. И выходило, что если брать за точку отсчета сообщение пятилетней давности, то нынче мы сев вроде бы заканчили в январе. Пошли к редактору. Тот не удивился. «Ну и что? Ведь это мобилизует». Я подумал: а может, и верно, только вранье и может мобилизовать. Честь безумцу, который навеет... Только золотым ли был сон лжи?

Почему?!

Кажется, ответ лежит на поверхности: глобальная ложь порождена страхом, в ней все повально искали спасения и защиты. Да, страх сочился из кровавого облака, наглухо нависшего над страной со времен революции, братоубийственной бойни, никому не принесшей победы, но уничтожившей почти все, что делает человека человеком: Бога, любовь, благородство, смирение... Да, вроде бы легко все объясняется и ствится на свои места. И виновник отыскивается мгновенно — неизбежность исторического развития. В это так просто поверить: ведь неизбежность — это законодательная сила развития человечества. Кто бы ни стал ей поперек — сметет. Ах, как хорошо, когда найден ответ. Он приносит успокоение, которого так мы все жаждем: теперь-то уж все будет иначе, мы одолеем свои недуги, мы победим.

Только уж очень многое смущает в этом ответе. Нет, далеко не все верят в него и требуют: «К ответу тех, кто правил!» Они готовы. Они поднимаются на трибуну, и каждый по-своему объясняет, как тяжко ворочать унаследованным развалом, к которому привели ложь да страх. Глава правительства приводит цифры. Постепенно сквозь слабый трепет покаяния всплывает уже много раз слышанное прежде: прогресс, мол, неостановим, все равно мы двигались вперед. Приросты, привесы, подъем... О Господи! Кажется, еще Дизраэли — лорд, циник и великий плут — в минуту откровения изрек: есть ложь, есть гнусная ложь, есть официальная статистика. Последней-то и кормит нас премьер.

А другой — Заведующий гласностью, слегка дав сам себе несколько розог, делает упор: да мы же свободные люди, народу дозволено «развязать языки»... Я слушаю все это и думаю: а может, и вправду они сами во все это верят? Они ведь тоже родились в страхе и тоже искали средства защиты от него. И нашли. И не сегодня. Они не просто сделали ложь бытом, а помазали на идеологический престол. А идеология у нас всегда была выше человека, его потребностей, выше религии, искусства, политики, даже экономики. Надстройка, как называли ее, раздавила, расплющила свой базис. Не в этом ли истинный ответ? Может быть, и в этом, только признать его тяжко. Потому-то и идут нынче такие яростные словесные бои, грозящие перейти вновь к братоубийству. В этой тревоге и живем.

Недавно повстречался с человеком, внезапно ставшим знаменитым. Я не знаю, что заставило еще сравнительно молодого генерала КГБ Олега Калугина заговорить о тайном из тайного. Мы многое прочли о сыске, пытках, ГУЛАГе, кажется, ничем уж не удивишь. Однако он меня потряс одним простым рассказом. Он говорил о великом поэте, гордости и славе России Анне Андреевне Ахматовой. Говорил о ее тайном деле из многих томов. Великого поэта почти до самой смерти «вели». Как шпионку. Те, кто это вершил, прекрасно знали: всё ложь. И те, кто доносил, тоже это знали. Некоторые из них, наверное, живы и нынче. Мучаются ли они совестью? Вряд ли.

Я спросил об этом бывшего генерала, он усмехнулся: «У них есть хороший ответ: она ведь не пострадала. В тюрьму не заточили». И еще я спросил: «А для чего все это нужно было?» Ответ оказался кратким: «Идеология...»

Страшно, и долго еще будет страшно.

АЛЕКСАНДР ОСИПОВ

ЗА ЭЛЕКТРОННЫМ КОРДОНОМ —

СВОБОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА. ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВАРИАНТ

Со второй попытки

К иностранцам у нас отношение ненормальное.

Одни перед ними заискивают, не добиваясь ничего, кроме пренебрежения. «Подчас складывается впечатление, что рынок в этой стране состоит исключительно из продажи тела, природных ресурсов и незрелых идей» — так без всякой дипломатии комментирует домогательства советских горе-бизнесменов и «бизнесменок» английская газета «Нью-тайм индепендент пресс».

Другие их недолюбливают, а то и просто ненавидят. Один из лозунгов создаваемой Ниной Андреевой необольшевистской партии: «Не отдадим ни пяди земли иностранному капиталу!» Горбачева, Яковлева и Шеварднадзе она считает «первоначально маскировавшимися пособниками и проводниками линии на превращение Страны Советов в сырьевой придаток развитых капиталистических стран».

В дефиците спокойное и деловое отношение к людям с иными паспортами. Именно такой стиль сотрудничества мог бы принести нам необходимые дивиденды. Как раз одним из способов преодолеть построенную почти в каждом из нас «берлинскую стену» и могут стать свободные экономические зоны.

Первая в мире СЭЗ возникла в 1959 году, в Ирландии, в районе международного аэропорта Шэннон. Сегодня в 90 странах уже около 600 территорий с особо благоприятными условиями для иностранного капитала. Они успешно функционируют и в богатых Соединенных Штатах, и в бедных африканских странах. В государствах как капиталистических, так и социалистических. И там, где нуждаются в притоке валюты, и там, где основная проблема, куда вложить доллары (например, Саудовская Аравия). Первая СЭЗ в Ирландии уже трансформировалась в технополис, где национальные научные разработки быстро находят свое воплощение с помощью привозных технологий.

Свободные зоны в СССР, безусловно, будут отличаться от всех предыдущих и скорее всего последующих. Чем? Прежде всего тем, что создаются они не только и даже не столько для привлечения иностранного капитала, сколько для быстрого внедрения хотя бы на небольших «островках» цивилизованных рыночных отношений. Тех отношений, которые наглядно доказали свою эффективность и которые вот уже несколько лет мы пытаемся и не можем начать использовать у себя. Не секрет, что до сих пор любой отход от догм у нас возможен лишь «в порядке эксперимента». Потому-то многие здравомыслящие люди и ухватились за идею СЭЗ, как за тот самый «эксперимент», который позволит за короткое время привести экономические отношения хотя бы внутри региона в соответствие с мировыми стандартами.

Попытка некоторое время назад создать первую в стране СЭЗ завершилась полным фиаско, о котором, правда, долгое время знало лишь несколько десятков человек. Никто идею свободной экономической зоны в Выборге тогда не отвергал: она была освящена решением Политбюро ЦК КПСС, а с ним в министерских кабинетах до сих пор предпочитают в открытую не спорить. Поступили проще: стали вымарывать из представленных ленинградцами проектов основные положения. Например, в Минфине СССР резко возражали против предоставления возможности закладывать в банки право пользования землей, взятой в долгосрочную аренду. А ведь во всем мире это самый традиционный способ получения предпринимателями стартового капитала. Еще один немаловажный фактор: перманентный рост преступности в Выборге. Связан он был в основном с иностранцами: вымогательство валюты, нападения на трассе на автотуристов, валютные взятки, проституция... Это стало наглядной дискредитацией еще не созданной зоны. Все это, видимо, и заставило Совмин СССР в январе 1990 года принять решение о приостановке на полгода работы над проектом постановления об организации СЭЗ в Выборге. В июле подготовку документов не возобновили, что, естественно, не афишировалось. Так бесславно закончилась двухгодичная попытка ленинградцев организовать у себя свободную экономическую зону.

Право на вторую попытку дал Ленинграду Верховный Совет РСФСР. И оптимистов, уверенных в успехе, сегодня гораздо больше, чем два года назад, когда аналогичное решение было принято Политбюро коммунистов.

Существуют несколько проектов свободной экономической зоны в Ленинграде. Самый популярный из них называется «Северные ворота». Его авторы — депутаты Ленсовета Юрий Деревянко и Кирилл Смирнов. Решение Верховного Совета России заставило ускорить доработку проекта и организацию его международной экспертизы. Были получены положительные отклики из Лондонской, Токийской и Слоунской школ бизнеса. Проект получил высокую оценку одного из виднейших экономистов современности, лауреата Нобелевской премии Василия Леонтьева. «Его авторами являются явно умные и экономически грамотные люди. Они предлагают конкретные пути выхода из кризиса» — вот его резюме.

Деньги лежат под ногами

Одна из принципиальных особенностей «Северных ворот» — проект не предусматривает никаких займов, в том числе и иностранных.

Значение этого будет проще понять, если мы повнимательнее всмотримся в опыт Китая, пока единственного социалистического государства, где зоны уже не эксперимент и не дань моде. Сейчас там 5 свободных экономических зон, 14 открытых портовых городов и 5 открытых экономических районов. Их создание началось около десяти лет назад под традиционно изящным девизом: «Пусть на небе сияют самые яркие звезды». Тогда государством централизованно были выделены огромные суммы на освоение предназначенных для СЭЗ территорий: построены здания, созданы современные коммуникации и средства связи... На зоны работала вся миллиардная страна. Для привлечения одного доллара иностранных инвестиций было потрачено 7,5 юаня при официальном курсе того периода 3,75 юаня за доллар. То есть можно было бы купить за границей различных товаров на сумму, вдвое большую стоимости этих нескольких, по сути, новых городов. Что же дал отказ пусть от временного и относительного, но все же благополучия? Хотя сегодня СЭЗ лишь яркая заплата на китайской экономике, их значение нельзя недооценивать. В зонах производительность труда в 6 раз выше, чем в среднем по стране. Они стали надежным источником поступления валюты, многих товаров и современных технологий. Опыт СЭЗ уже постепенно распространяется на всю страну.

— От крупных отечественных и иностранных займов мы отказываемся не из гордости: нас заставляет так поступать жизнь,— говорит Юрий Деревянко.— При нынешнем огромном дефиците государственного бюджета брать в долг у государства крупные суммы — значит либо отнимать деньги у других регионов, либо подстегивать и без того мощную инфляцию. Идти на поклон к иностранным банкам было бы слишком накладно. Учитывая сегодняшнюю социальную напряженность в стране и, значит, повышенный риск для заимодателей, мы можем рассчитывать только на 20-процентные ставки. К тому же опыт Польши показал, что государство хуже знает, как распорядиться полученной валютой, чем каждый конкретный предприниматель. И наконец, опыт нашей страны наглядно доказал, к чему может привести трата валюты на товары потребления. Поэтому мы не залезаем в кредиты, а исходим из того, что деньги лежат у нас под ногами.

По мнению авторов проекта, для формирования стартового капитала будет достаточно четырех источников.

Во-первых, это средства, в том числе валютные, местных органов власти, которые они получат в качестве налогов с предприятий и граждан. Плюс Ленсовет собирается именно зарабатывать (!) деньги. Как? В последнее время у городских властей нет отбоя от предложений рискнуть своей муниципальной собственностью. Вкладом города в уставные фонды таких совместных предприятий (необязательно даже с участием иностранного капитала) могут стать и уже становятся земельные участки, коммунальные сети, недвижимость... Часто для города это гораздо выгоднее, чем просто отдавать территорию и здания в аренду даже по самым высоким ставкам. Выгодно это и предпринимателям. Ведь в такой ситуации местные органы власти оказываются кровно заинтересованными в коммерческом успехе совместного предприятия и, значит, помогут в поиске партнеров, кредитов, материалов... То есть, если отбросить детали, Советы и их исполкомы начинают с выгодой для города торговать тем, чем они обладают и что многие десятилетия оказывалось невостребованным,— всевозможной коммерческой информацией.

Второй источник стартового капитала: реализация на международном рынке омертвленных материальных ценностей. На складах ленинградских предприятий лежит уже немало лет имущества на 6 миллиардов рублей. С помощью современных технологий переработки, которыми мы, увы, не обладаем, можно извлечь из этого старого оборудования и радиокомпонентов немало благородных и редкоземельных металлов. По мнению экспертов, в том числе английских, если за рубежом будет реализована только половина омертвленных запасов, то это даст около 2 миллиардов долларов. Две трети этой суммы должны быть выплачены предприятиям, треть — Ленсовету. По взаимной договоренности Ленсовет мог бы взять у предприятий часть этой валюты в виде депозита на 4—5 лет. Оказывается, можно заработать миллиарды, отказавшись от не очень приглядной роли собаки на сене.

Третий источник финансирования — создание сети совместных предприятий по переработке отходов, для чего потребуется относительно немного времени — всего около двух лет. Ежегодно в Ленинграде только от гражданского транспорта скапливается 60 тысяч тонн отработанного дизельного масла. А сколько не доходит до сборных пунктов, «удобряя» землю и воду? Куда потом идет то, что все-таки собрано, мы если и не знаем, то, во всяком случае, догадываемся. Своими силами в Ленинграде и в ближайших районах можно регенерировать только несколько процентов. В мире же перерабатывают 95 процентов таких отходов. Полуфабрикаты переработки — отличный экспортный продукт.

И наконец, четвертый источник стартового капитала зоны — инвестиции зарубежных партнеров в уставные фонды совместных предприятий. Думаю, не надо убеждать в том, что экспертиза валютных проектов нашими зарубежными партнерами будет построже, чем в наших инстанциях и банках. И уж они-то проследят, чтобы импортное оборудование не гнило годами под снегом и дождем.

Итак, стартовый капитал создан. Законы приняты. Льготные налоги для иностранного капитала введены. В Китае, например, обычное совместное предприятие отдает 30 процентов прибыли, но в зоне — всего 15. В Гонконге, например, ставка налога даже чуть выше — 17 процентов. В зонах для иностранного капитала понижена стоимость земли и услуг (электроэнергии, коммуникаций). Свободная репатриация (вывоз) прибыли — также необходимый экономический атрибут для привлечения зарубежных инвесторов.

Почем «ленинградский» рубль?

Но что же изменится в жизни рядовых жителей Ленинграда?

Видимо, ничто не может сильнее унижать и раздражать, чем ежедневное лицезрение недоступных благ. Вот они, у твоего дома, за яркой витриной... Но ты со своими «деревянными» в этот магазин не ходок. Многие не без оснований уверены: начало работы первых пятнадцати — двадцати магазинов станет эпилогом идеи создания СЭЗ в Ленинграде. Именно поэтому необходим буферный период, который не подорвал бы, а наоборот, укрепил в людях доверие к новому экономическому строю.

Как организовать такой период? Планируется широкое хождение в зоне параллельной денежной единицы — свободно конвертируемого «ленинградского» рубля. Авторы проекта считают, что каждого жителя зоны удастся обеспечивать ежемесячно суммой, эквивалентной 60—70 долларам: этого будет достаточно, чтобы нормально питаться,

покупая продукты в магазинах западных фирм.

Возможность продать товаров на 300—400 миллионов долларов в месяц, несомненно, привлечет в регион огромное количество поставщиков со всего мира. Появление нового, столь крупного рынка — явление нечастое в мировой экономической жизни. Поэтому есть обоснованная надежда на конкурентную борьбу между ведущими производителями, а это всегда приводит к снижению цен. Не исключено, что кто-то даже пойдет на заведомые убытки, чтобы вытеснить соперника и затем с лихвой вернуть потерянное. Не будем забывать и о том, что во многих странах, в том числе соседних скандинавских, хроническое перепроизводство сельскохозяйственной продукции, и правительства платят фермерам за то, чтобы они меньше сеяли и держали меньшее поголовье. Возможны варианты, когда правительствам будет выгоднее дотировать поставки такой продукции в ленинградскую свободную зону, чем платить фермерам за безделье. К тому же с иностранцами попробуют конкурировать наши совхозы и фермеры: высокому качеству импортных товаров они смогут противопоставить по крайней мере низкие цены — цены в рублях. Все это может сделать ленинградский продовольственный рынок уникально дешевым.

Ну а затем валютная дотация постепенно будет уменьшаться для тех, кто трудится на производстве. Логика тут проста: хочешь и дальше пользоваться высококачественными товарами, подумай у себя на рабочем месте, как же все-таки заработать настоящие деньги. Кстати, и пожилые люди будут по-прежнему получать пенсию в валюте.

«Я вообще считаю, что оплачивать уже сегодня часть зарплаты долларами для вас было бы выгодно. Тогда многие люди не спали бы на работе, а трудились!» — считает нобелевский лауреат Василий Леонтьев.

Правда, в Ленинграде далеко не все согласны с ним и авторами проекта.

— Появление в свободном обращении валюты приведет к резкому росту и без того высокого уровня преступности — идея зоны будет полностью дискредитирована. Пока надо использовать уже отлаженные механизмы распределения: пусть предприятия сами покупают на Западе то, что необходимо их работникам. Такой способ расходования заработанной валюты будет и выгоднее (ведь возможны оптовые закупки), и просто безопаснее — так думает кандидат экономических наук Александр Леусский, доцент Ленинградского финансово-экономического института имени Н. А. Вознесенского. Он полгода жил и работал в Китае, изучал свободные экономические зоны.

«Ленинградские» рубли будут храниться в банке, а каждый житель получит кредитно-расчетную карточку типа «Еврокарт» или «Америкен-экспресс». «Пластиковые» деньги станут электронной границей, которая защитит зону от вымывания товаров. К тому же не исключено, что к ленинградской финансово-валютной системе захотят и смогут подключиться другие регионы страны, что не будет большой проблемой: электронную границу проще перенести, чем границу физическую.

Естественно, валютные возможности Ленинграда должны быть больше привлекаемых из-за рубежа средств. Хотя есть и скептики, утверждающие, что такая ситуация нереальна, но часть специалистов все-таки склонна считать этот вариант вполне возможным. Ведь даже сейчас, в далеко не самые лучшие для Ленинграда времена, городские власти располагают примерно 120 миллионами долларов. И еще одно необходимое условие, которое для союзных банкиров как кость в горле: курс «пластикового» рубля должен определяться только ленинградскими банками.

Означает ли введение параллельной валюты, что на нашем обыкновенном рубле ставится крест?

— Нет, не означает,— говорит Деревянко.— Реальный и, возможно, единственный способ конвертировать рубль — создаваемые фондовые биржи сделать только национальными. Более того, постараться не подпускать к ним даже совместные предприятия, так как это одна из форм функционирования зарубежного капитала. Фондовые биржи станут мощным фактором развития при условии, что начнется процесс приватизации, разукрупнений крупных, исчерпавших себя объединений. Именно тогда на рынке появится в больших количествах новый «денежноемкий» товар — ценные бумаги. Купить их — значит увеличить свое состояние. Если их можно будет приобрести лишь за рубли, то это станет мощным стимулом для людей зарабатывать не только валюту. Значит, больше будет высококачественных товаров, продаваемых именно за рубли. Курсы «пластиковых» и «бумажных» рублей станут сближаться и когда-нибудь сольются.

Правило «четырех четвертей»

Вот и прозвучало это для кого-то одно из самых страшных слов, для кого-то — одно из самых желанных: приватизация. Если не заниматься придумыванием нового смысла этого, уже давно закрепившегося экономического понятия и прочими словесными выкрутасами, то приватизация — это появление и частной собственности, и наемного труда, и других напастей капитализма, от которых мы так долго и усердно шарахались, что не сразу и осознали свою нынешнюю нищету. А может, и не так страшен этот черт, как его малюют?

Прежде всего приватизация — это не только и даже не столько трансформация государственной собственности в частную. Ведь есть немало разновидностей коллективной собственности, и прежде всего акционерная.

Авторы проекта «Северные ворота» считают разумным использовать при проведении приватизации правило «четырех четвертей». Например, предприятие союзного подчинения хочет стать акционерным. Выпускаются и продаются акции. Куда должны пойти собранные таким путем деньги? По 25 процентов получат союзный, республиканский и местный бюджеты, а также сам коллектив для развития и реконструкции производства. Республиканское предприятие, естественно, в союзный бюджет не платит, а на развитие сможет потратить уже 50 процентов вырученных от продажи акций средств. У предприятий местного подчинения этот процент еще выше: 75 процентов на развитие и 25 — в местный бюджет.

Определяя такие пропорции, авторы проекта исходили из того, что практически все товары народного потребления и продукты производятся на предприятиях, подчиненных местным или республиканским органам власти. Значит, для быстрого выхода из товарного кризиса именно им должны принадлежать почти все деньги, полученные от продажи акций.

Те суммы, которые попадут в союзный, республиканский и местный бюджет, практически полностью должны быть уничтожены. Это один из самых простых и проверенных способов остановить нынешнюю бешеную инфляцию.

Правило «четырех четвертей» делает выгодным выкуп небольших магазинов, парикмахерских, ателье... Допустим, человек платит за магазинчик 10 тысяч рублей, но 7,5 тысячи сразу возвратятся к нему и под контролем местных органов непременно будут направлены на развитие.

Выгодно ли это рядовым потребителям? Судите сами: такие большие денежные вливания на развитие помогут резко увеличить количество товаров и улучшить качество обслуживания. Разве мы не хотим увидеть в результате реформ полные прилавки отечественных высококачественных товаров?!

Конечно же, есть опасность, что сегодняшние обладатели больших денежных сумм — иностранные фирмы и дельцы «теневой» экономики — за несколько лет поставят под свой контроль всю экономику. Но есть и «противоядия» этому. Например, такое: 50 процентов акций приватизируемого предприятия должны быть проданы внутри самого предприятия и не могут продаваться во вне его в течение достаточно долгого срока, который более точно определится местными Советами. Остальные акции продаются обычным путем через фондовую биржу. И даже если они окажутся у одного или нескольких компаньонов, те не смогут проводить решения, которые противоречат воле коллектива предприятия.

Несомненно, было бы опрометчивым заявление, что приватизация по такой схеме пойдет гладко и бесконфликтно. Считать так было бы верхом наивности. Но есть ли альтернатива? Да, есть. Союзное правительство настаивает на повышении цен, чтобы изъять из обращения 300—400 миллиардов рублей, которые мечутся по рынку в поисках товара. Ленинградцы же предлагают выбросить на рынок товар на примерно такую же сумму. Этот товар — ценные бумаги и небольшие предприятия. А теперь пусть каждый сделает свой выбор!

Есть в этом проекте еще одно на первый взгляд очень странное предположение: будто бы при создании свободной зоны западные фирмы построят для Ленинграда ни много ни мало 300 тысяч квартир. И подарят их городу! Не спешите усмехаться. Давайте вместе посчитаем.

Свободная зона не может быть создана без участия зарубежных специалистов. Предполагается, что «экспорт» бизнесменов и инженеров составит около 100 тысяч человек. Многие из них готовы приехать уже сегодня. Но отказываются от этих планов, потому что пока советские организации не в состоянии им предложить хотя бы более-менее сносные по европейским стандартам условия.

А теперь представим, что город на конкурсной основе приглашает ведущие фирмы, которые сегодня носятся по всему миру в поисках заказов, построить в Ленинграде из их материалов и руками их рабочих за 5—6 лет те самые 300 тысяч квартир. Условия такие. Городские власти будут получать бесплатно каждую вторую квартиру — это своеобразная арендная плата за землю, на которой идет строительство. Есть основания предполагать, что «фирмачи» согласятся даже на такие кабальные условия. Ведь они получают возможность распорядиться оставшимися 150 тысячами квартир в одном из красивейших городов мира. 90—100 тысяч квартир будут сданы в аренду за валюту приехавшим для работы в зоне западным специалистам. Остальные могут быть куплены опять-таки за валюту советскими организациями и гражданами. Это вполне реально: недавно, например, Балтийское морское пароходство купило у города для моряков квартиры за валюту. В свободной зоне гораздо больше организаций смогут себе такое позволить. А через десять лет и те квартиры, которыми владеют строительные фирмы, перейдут в собственность города.

По экспертной оценке специалистов, расходы строительных фирм составят около 880 миллионов инвалютных рублей. Доходы от сдачи в аренду и продажи — 1280 миллионов. 15 процентов — вполне приемлемая рентабельность.

Главное — чтобы нам не мешали

Даже из этих штрихов к проекту «Северные ворота» видно: планируется создание нормальных рыночных отношений. Причем это можно реально осуществить, не дожидаясь, пока вся страна «дорастет» до принятия полнокровных рыночных механизмов. Понятно, что благодаря управленческому опыту западных специалистов рынок в зоне раньше обретет то цивилизованное лицо, гримасы которого мы сейчас наблюдаем в своих робких попытках имитировать экономические перемены. И особенно важно, что действовать в таких условиях будут не только совместные или иностранные предприятия (по мнению специалистов, их количество не превысит десяти — пятнадцати процентов), но и предприятия исключительно советские.

Сейчас все — министерства, бюджеты разных уровней — норовят что-то взять у предприятия, не думая, какими последствиями это отзовется завтра. Разве будет чиновник Минфина волноваться из-за того, что его решение обречет на разрушение какой-нибудь небольшой заводик под Лугой?! В зоне же все юридические и физические лица будут платить налоги только в местный бюджет. Уж он-то не захочет резать куриц, несущих золотые яйца. А если и захочет, то жители этого региона просто не позволят этого. И уж потом городские и областные Советы заплатят республике региональный налог в виде фиксированной доли налоговых поступлений региона, решат, в каких республиканских программах принимать участие, а в каких — нет. При этом, конечно же, должно быть законодательно закреплено: прибыль, направляемая на развитие, на благотворительность, налогообложению не подлежит. Естественно, налоговая инспекция становится органом местных Советов, а не Министерства финансов.

Также должно стать законом: никакие государственные, общественные, хозяйственные организации не могут препятствовать свободной купле-продаже собственности в любых ее формах и видах за исключением нескольких заранее оговоренных исключений. Каких? Не могут совершаться сделки, в результате которых может быть нанесен ущерб жизни и здоровью человека, экологии, обороноспособности страны и ее территориальной целостности. Не может быть предметом купли-продажи земля. Она является вечной собственностью государства, а предметом сделок является лишь право пользования землей, где первым продавцом выступает местный Совет. Не могут быть предметом продажи произведения искусства, являющиеся национальными раритетами.

Все хозяйственные субъекты должны обладать правом прямой внешнеэкономической деятельности без каких-либо ограничений и предварительных регистраций. Управляться такая деятельность может преимущественно через лицензирование.

Свободный выбор банка и валюты расчета — это также неотъемлемое право предпринимателя.

Центру должно остаться очень немногое: обеспечение и содержание воинского контингента, прокуратуры и других общегосударственных органов контроля, находящихся в регионе, частичное финансирование учреждений АН СССР, ведущих фундаментальные исследования, и полное обеспечение ресурсами государственных заказов, размещенных на предприятиях зоны.

— Конечно же, эти идеи не являются и не могут являться попыткой узурпировать власть региональными Советами,— говорит Юрий Деревянко.— Мы хотим взять на себя решение самых больших проблем и требуем лишь, чтобы нам не мешали.

«Я сторонник этого проекта, потому что его авторы развязывают руки всем предприятиям, всем предприимчивым людям, намечают пути, как сделать рубль конвертируемым»,— считает экономист Василий Леонтьев.

«Родина» представляет новое издание

«СТАРЫЙ БАРАБАНЩИК»

Каждый год в первое воскресенье сентября на Бородинском поле происходит сражение (наверное, очень похожее на то, которое было в 1812 году). Грохочет канонада, трещат ружья. Вскоре из-за густого дыма ничего уже не видно, что немного расстраивает зрителей, тысячами приезжающих сюда, чтобы посмотреть на это военно-театрализованное представление.

Праздник, посвященный годовщине Бородинской битвы,— одно из доказательств интереса к военной истории России. Но знаем ли мы ее? Скорее всего, нет. В школе нам, конечно, в свое время дали необходимые сведения о главных военных баталиях (да и то преимущественно о тех, которые заканчивались для нас победой).

Но военная история — это не только походы, сражения, подвиги. Это далеко не в последнюю очередь мир людей, одетых в особую одежду, живущих по иному распорядку дня, изучающих специальную науку: как стрелять из лука или ружья, как рубиться мечом или саблей, как заряжать пушку, как управлять лошадью, как держать строй под огнем противника.

А что мы знаем о жизни этих людей — наших далеких и близких предков, избравших профессию воина? Очень немного.

Давно пора оглянуться, всмотреться в наше многовековое прошлое внимательно. Журнал «Родина» готовит к изданию новый научно-популярный журнал «Старый барабанщик». На его страницах вы найдете публикации о мало кому известной ныне истории русских полков, родов войск, отдельных боев и кампаний, военных профессий, мундиров, вооружений, знамен, гербов, наградных знаков.

Журнал будет знакомить читателей с коллекциями оловянных солдатиков, музейными экспозициями, батальной живописью и многим-многим другим, что может заинтересовать тех, кто увлекается военной историей.

КАВАЛЕРГАРДЫ

«Едва кавалергарды миновали Ростова, как он услыхал их крик: «Ура!» — и, оглянувшись, увидал, что передние ряды их смешивались с чужими, вероятно, французскими, кавалеристами в красных эполетах. Дальше нельзя было ничего видеть, потому что тотчас же после этого откуда-то стали стрелять пушки и все застлалось дымом...

Это была та блестящая атака кавалергардов, которой удивлялись сами французы. Ростову страшно было слышать потом, что из всей этой массы огромных красавцев людей, из всех этих блестящих, на тысячных лошадях, богачей, юношей, офицеров и юнкеров, проскакавших мимо его, после атаки осталось только осьмнадцать человек».

Так рассказывает Л. Н. Толстой об атаке во время Аустерлицкого сражения 1805 года, стоившей Кавалергардскому полку 13 офицеров и более 200 нижних чинов убитыми и ранеными.

История этого полка насчитывает почти двести лет. Он был создан Петром I для празднеств по случаю коронации императрицы Екатерины I. Капитаном «Кавалергардии» стал сам царь, капитан-поручиком — генерал-лейтенант Ягужинский, поручиком — генерал-майор Дмитриев-Мамонов, прапорщиком — полковник Мещерский. Необычная эта воинская часть собиралась и позже, также в дни коронаций. В царствование Екатерины II численность «Кавалердского Корпуса» достигла 70 человек. Расформированный было Павлом I, он возродился в 1799 году под названием «Кавалергардский Корпус», в составе 90 с лишним человек.

Биография Кавалергардского полка знает немало ярких эпизодов. Вот один из них.

В 1813 году, вскоре после Кульмского сражения, на одном из переходов, цесаревич Константин нагнал кавалергардов, увидел, что командующий — полковник В. Каблуков едет в строю вопреки уставу не в каске, а в фуражке, подскакал к нему, сорвал фуражку и, наговорив резкостей, двинулся дальше. Каблукову, раненному под Аустерлицем тремя сабельными ударами в голову и двумя штыковыми в бок, было приказом по полку разрешено ехать в строю в фуражке.

Обида, нанесенная цесаревичем, затрагивала весь полк. Вечером на бивуаке Каблуков собрал офицеров и сообщил, что собирается подать рапорт об отставке. Все офицеры подали такие же рапорты. К ним присоединились командир полка Депрерадович и шеф кавалергардов Уваров. Известие об этом дошло до Александра I.

Через несколько дней во время дневки цесаревич произвел смотр полку, а затем собрал офицеров и сказал, что считает себя виновным в нанесении незаслуженной обиды «полковнику и доблестному кавалеру Каблукову и сверхдоблестному полку», признал, что всему виной его чрезмерная горячность, просил извинить его и забыть «сей прискорбный случай». «А если,— добавил Константин Павлович,— кто-нибудь из офицеров останется этим недоволен, то я согласен дать каждому личную сатисфакцию».

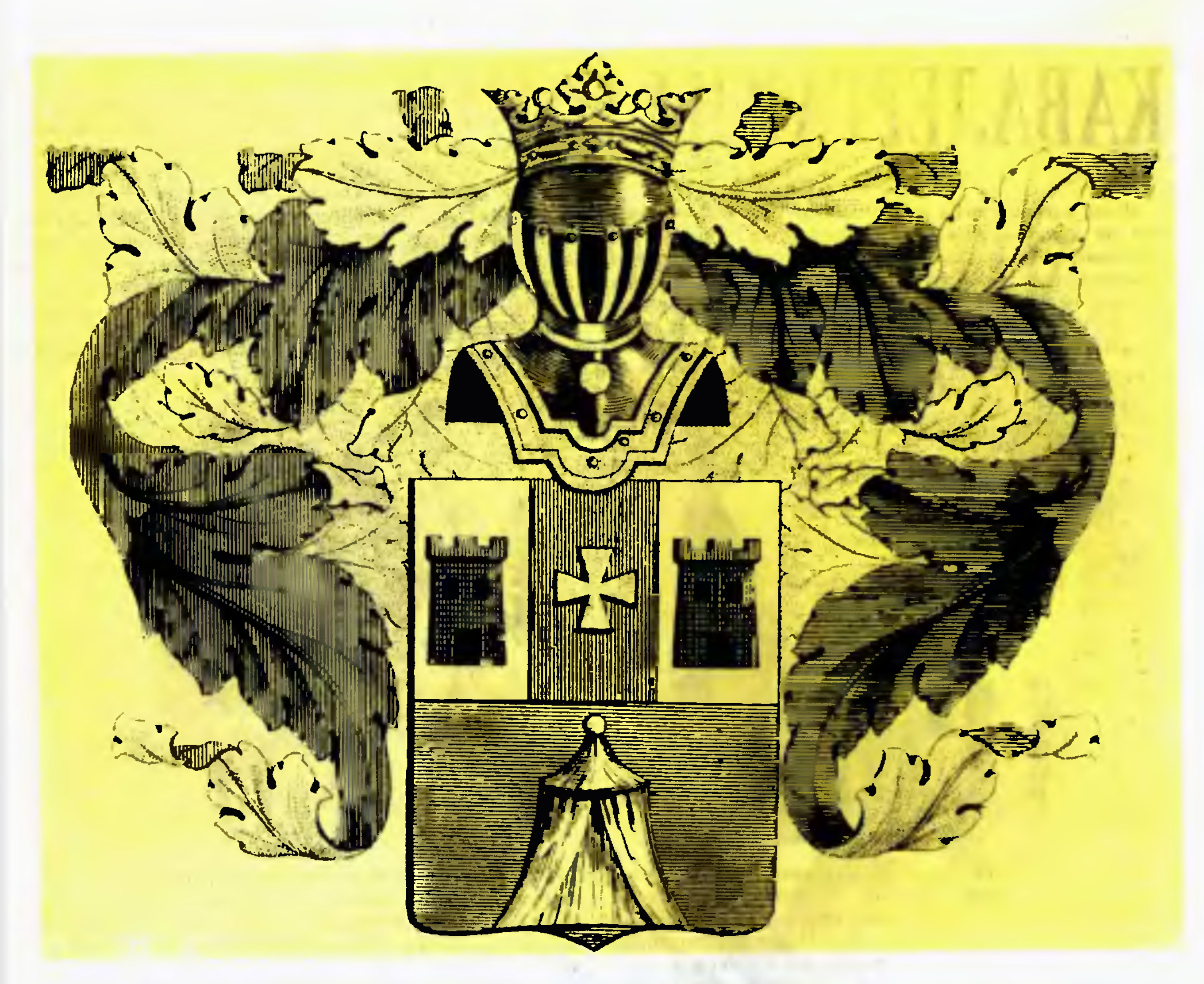
От имени полка Каблуков ответил, что кавалергарды вполне удовлетворены словами цесаревича и, со своей стороны, просят забыть это происшествие. Но тут выступил вперед молодой Михаил Лунин, будущий декабрист, и сказал: «Честь, предложенная Вашим Высочеством, так велика, что я не могу от нее отказаться». Выходка эта не имела никаких последствий, кроме общего дружного смеха. Заметим, что во время следствия над декабристами и после приговора Константин Павлович всячески старался поддержать Лунина и облегчить его участь.

Офицерский состав полка всегда отличался широтой взглядов и независимостью. «Фрондеры»,— сказали бы французы. Так, по уставу вицмундиры и сюртуки полагались темно-зеленые, а офицеры-кавалергарды упрямо носили черные. «Их не переделаешь,— признал Александр III,— пусть носят черное».

Доблестный полк расформирован 3 ноября 1917 года. Судьба раскидала по свету его офицеров. Один из них уже в эмиграции обращался к родному полку в стихах:

Ты помнишь ли, в былое время,
Весь в красно-белых флюгерах,
Со звоном палашей о стремя
И на гнедых своих конях,
Ты шел по северной столице
Под топот трепетный подков
И с блеском в солнечной зарнице
Твоих серебряных орлов?
Блестели звезды и кокарды,
Алели пики, как пожар...
Шли над Невой кавалергарды
Под звуки громкие фанфар.
В кирасах солнце отражалось,
И в зыби голубых валов
Нева тобою любовалась
Из-за гранитных берегов!

В. ЗВЕГИНЦОВ,
историк русской армии (Париж)

ГЕРБ БРУСИЛОВЫХ

В России геральдика получила широкое распространение в царствование Петра I — именно тогда была создана Геральдическая коллегия. Император Павел I, в свою очередь, упорядочил российскую геральдику и распорядился об издании «Общего Гербовника дворянских родов Российской империи». В этой книге можно найти гербы знаменитых русских полководцев, героев, совершавших подвиги на полях сражений.

Герб переходил в дворянских фамилиях по наследству (или давался одновременно с дворянским титулом за особые заслуги) и считался символом чести рода.

В восьмом томе Гербовника под номером 123 помещен герб рода Брусиловых: «Щит разделен на две части, из коих в верхней в серебряном поле поставлено по одной башне красного цвета, а посредине на красной полосе изображен золотой крест. В нижней части в голубом поле находится серебряная палатка. Щит увенчан дворянским шлемом с дворянской короной. Намет голубой и красный, подложенный золотом».

Все символы герба — военные. Получен он генерал-лейтенантом Алексеем Брусиловым (1787—1859), который начал службу в кавалерии, участвовал в Отечественной войне 1812 года, воевал на Кавказе. Из полковников Ямбургского уланского полка перевелся в статскую службу. В последние годы жизни состоял председателем полевого аудиториата Кавказской армии.

Старший сын Брусилова — Алексей Алексеевич (1853—1926), генерал от кавалерии, верховный главнокомандующий русской армией в мае — июне 1917 года, навсегда обессмертил свой род. Наступление Юго-Западного фронта в 1916 году — «Брусиловский прорыв» — золотыми буквами вписано в историю первой мировой войны.

Чин отца позволил Алексею Алексеевичу, несмотря на раннее сиротство, поступить в привилегированное учебное заведение — Пажеский корпус. Затем он стал офицером Тверского драгунского полка, в рядах которого участвовал в штурме крепости Карс во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В 1902—1906-м А. А. Брусилов — полковник, начальник офицерской кавалерийской школы. В этой должности он обратил на себя внимание высшего командования. Началось быстрое повышение в чинах и должностях: к 1912 году он уже генерал от кавалерии, командует армией, затем Юго-Западным фронтом. После революции А. А. Брусилов остался в Советской России и участвовал в строительстве Красной Армии.

История исследования Арктики знает еще одного представителя этой славной фамилии — лейтенанта флота Георгия Львовича Брусилова (1884—1914), племянника знаменитого генерала. В 1910—1911 годах он участвовал в гидрографических экспедициях на судах «Таймыр» и «Вайгач». В 1912—1914-м руководил экспедицией на шхуне «Св. Анна». Судьба экспедиции неизвестна.

П. КОСМОЛИНСКИЙ,
герольдмейстер Союза потомков Российского дворянства

ВАТЕРЛОО, 1990

Ярко-красные куртки стрелков 42-го пехотного полка стремительно приближались. Первая шеренга уже вскинула к плечу длинноствольные кремневые ружья. Грянул залп, и наш «эскадрон» на полном карьере пронесся мимо доблестной английской пехоты к краю огромного поля, что у окрестностей города Ватерлоо. Позади остался Холм Льва, усеянный тысячами и тысячами гостей великолепного международного праздника «Ватерлоо, 1815», посвященного 175-летию последней битвы Наполеона.

По сигналу трубача «эскадрона» Татьяны Деминой всадники снова построились в шеренгу — приготовились ко второй «атаке» кавалерии. Зрители, из-за ограды наблюдавшие за нами, спрашивали: «Вы из какой страны? Какой клуб?.. У вас в строю только девушки?..»

Нет, конечно, в конном военно-историческом клубе «Улан», созданном при Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, не только девушки. Хотя девушек немало. И в этом свой резон: мы назвали себя «эскадрон № 5» Литовского уланского полка, а ведь в 1812 году именно в нем служила обер-офицером легендарная «кавалерист-девица» Надежда Андреевна Дурова. Одно время она даже командовала этим эскадроном, в его рядах участвовала в Бородинском сражении и в день великой битвы получила контузию от ядра.

Портрет Н. А. Дуровой в униформе уланского офицера висит на почетном месте в учебно-опытном манеже Сельхозакадемии. Здесь же хранятся суконные темно-синие мундиры улан с малиновыми лацканами, их кивера с четырехугольным белым верхом, муляжи легкокавалерийских сабель образца 1802 года, вальтрапы (суконные накидки для лошадей) с вензелем Александра I на углах.

Получив приглашение главного распорядителя праздника «Ватерлоо, 1815» господина Мориса Жерара, мы погрузили наших верховых лошадей в коневозку, мундиры и снаряжение — в автобус и двинулись в путешествие по дорогам Европы. За четыре дня проехали около 3 тысяч километров, пересекли границы Польши, Германии, Голландии, Бельгии. Вечером 15 июня финишировали в Ватерлоо — чудесном бельгийском городке, тихом, уютном и зеленом. Но на эти два дня он просто преобразился. Из США, Канады, Новой Зеландии, Англии, Франции, Германии, Австрии, Швейцарии, Италии, Чехословакии сюда съехалось почти 2,5 тысячи человек. Красные куртки английской пехоты, белые мундиры австрийцев, темно-синие — французов и немцев; кивера, каски, шапки, превосходно изготовленные предметы амуниции и вооружения армий начала XIX века... Гремит военная музыка, трещат барабаны, звучат солдатские песни на всех языках Европы. В маленьких кафе — шотландские стрелки, на улицах — гренадеры Наполеона. Знакомимся с ними ближе и узнаем: стрелки приехали из Канады, гренадеры — из Чехословакии, даже из Англии.

Европейцы любят свою историю, к ней особое отношение.

Военно-историческое движение, которое они называют «реконструкцией», развивается уже лет пятнадцать. Участники его по картам и архивным документам восстанавливают ход знаменитых сражений, истории полков, биографии полководцев и героев; по музейным образцам в специальных мастерских воспроизводят все: мундиры, головные уборы, амуницию. Любой человек может купить эти вещи, носить их или хранить дома. И вот новые «егеря», «фузилеры» и «гренадеры» выходят на поля минувших битв и для тысяч зрителей разыгрывают баталии — с атаками, отступлениями, ружейными залпами (холостыми зарядами, конечно). Девиз этого увлекательного интернационального движения: «Дорогами прошлых войн — к миру!» Его участники собираются вместе не для того, чтобы «свести счеты», заклеймить виновников давних поражений, воздать хвалу победителям. Желание иное — показать всем: Европа — наш общий дом, у европейских народов — общая история...

Потому и в Ватерлоо «реконструкция» битвы 1815 года стала лишь эпизодом двухдневного праздника. А начало ему положило трехчасовое шествие по улицам города. Вечером в городском соборе состоялась торжественная церковная служба в память обо всех солдатах, павших в битве при Ватерлоо. А мэр начал свою речь словами: «Когда-то здесь разразилось жестокое сражение между войсками Наполеона и английского маршала Веллингтона. Но теперь путь Ватерлоо объединяет все сердца...»

А. БЕГУНОВА,
вице-президент клуба «Улан»

УЧИТЬ НАРОД ИЛИ УЧИТЬСЯ У НАРОДА?

Исторические труды А. П. Щапова оказали и продолжают оказывать большое влияние на умственное развитие нашей нарождающейся демократии. Если они и не легли в основу, то по крайней мере были весьма значительным вкладом в теорию народничества.., что же касается жизни Щапова, то она заключает в себе столько глубоко поучительного, что не мешало бы лишний раз напомнить о ней читателям и противопоставить ее «безмятежному житию» наших официальных ученых. **Г. В. ПЛЕХАНОВ**

16 апреля 1861 года, вероятно, часов в 12 дня, бакалавр Казанской духовной академии Афанасий Щапов спешил на пролетке к дому издателя Дубровина. Неожиданные обстоятельства вынуждали его обратиться к этому человеку с просьбой о деньгах. Сегодня, в вербное воскресенье, студенчество Казани готовилось провести в Куртинской церкви, на главном кладбище города, панихиду по невинно убиенным крестьянам, расстрелянным 12 апреля в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии по приказу генерал-майора Апраксина. А за услуги церковного причта полагалось платить.

Панихида подходила к концу, когда Щапов поднялся на амвон.

«Други, за народ убитые!— начал он.— Демократ Христос... страданиям которого... люди будут поклоняться на предстоящей страстной неделе, возвестил миру общинно-демократическую свободу... и за то... пригвожден был ко кресту и явился всемирно-искупительной жертвой за свободу... Вот снова явился такой пророк, и вы, други, первые, по его воззванию, пали искупительными жертвами деспотизма за давно ожидаемую всем народом свободу... Земля,.. которая приняла вас мучениками... воззовет народ к восстанию и свободе. Мир праху Вашему и вечная историческая память Вашему самоотверженному подвигу. Да здравствует демократическая конституция!»

Последствия этой речи волной прокатились по судьбе Щапова. Отлучение от кафедры, арест и заключение в Петербурге, а позже ссылка в «родимую каторжную» Сибирь и ранняя, на 45-м году жизни, смерть — вот цена искупления.

Судьба выдающегося русского историка, публициста, этнографа Афанасия Прокопьевича Щапова (1831—1876) удивительна и типична. Он честно служил России, пострадал за ее свободу, поразительно много успел сделать для отечественной науки и умер, как водится, в горькой, босяцкой нищете и долгах.

Щапов родился в Анге Иркутской губернии в семье пономаря и крестьянки-бурятки. После окончания бурсы и семинарии в Иркутске поступил в Казанскую духовную академию, которую окончил в 1856 году. Уже с 1857-го стали появляться первые его публикации.

Еще в студенческие годы Щапова привлекла история народа России в новое и новейшее (XIX век) время. Русская православная церковь, религиозный раскол, «смутное время», земские соборы и «народосоветие», община как «зародыш нового социального развития», «народная экономия», проблема взаимодействия природы и общества, роль женщины в русской истории, история «умственного развития русского народа», национальные взаимоотношения, значение провинции в судьбе отечества — вот далеко не полный перечень тем, в изучении которых он оставил яркий след.

Щапов не был собирателем фактов. Он искал глубинный смысл истории народа. В «Русском расколе старообрядства», а особенно в «Земстве и расколе» и других произведениях по истории антицерковного, антифеодального протеста им была создана новая, демократическая концепция, в основание которой легла вера в «народную правду».

Жизнь Щапова прошла в поиске «царства справедливости», в решении традиционного российского вопроса: что делать? Вчерашний выпускник, молодой бакалавр Казанской духовной академии привлекал прекрасными лекциями по русской истории не только студенчество Казанского университета, куда его пригласили преподавать осенью 1860 года, но и городскую публику, и она, оставив на время сплетни и домашние хлопоты, спешила приобщиться к откровениям нового пророка. В пору нараставшего общественного подъема это неравнодушие понятно. Историк открыто негодовал против крепостного права, рекрутчины, а бюрократической централизации противопоставлял «народные начала»: общину, мирские сходы, земские соборы, принцип их свободного саморазвития.

Щапов с детства с симпатией и сочувствием относился к крестьянину. Позже, вчитываясь в летописи, писцовые книги, челобитные, он увидел, что в мирской жизни народа справедливость была нарушена исторически. Этот факт порождал уверенность во лжи официальной церкви, государства и безусловной правоте народа.

Подлинная основа земско-областной теории была нравственной. Ее пафос — необходимость восстановления испокон веку нарушенной справедливости.

В лекциях и научных трудах Щапов с умыслом обращал внимание инициаторов «великой реформы» 1861 года на лихолетье «смутного времени» начала XVII столетия. Ведь в те давние времена, когда страна подошла к рубежу, отделяющему Россию древнюю от новой, и выплеснулась впервые исподволь зревшая ненависть земства против централизации, механического, насильственного «притяжения к Москве», отсутствия совета первопрестольной с «прочими городами». Все областные общины взбунтовались. Обнаружилась рознь территориальная, этнографическая, юридическая, моральная и нравственная. Поднялись чуваши, черемисы и другие инородцы.

«Не слышно было царских указов из Москвы,— замечал Щапов,— слышен только шум по областям, на площадях главных городов». Публично размышляя о вреде централизации для России XVII—XVIII столетий, он надеялся, что уроки «смутного времени» будут учтены.

Идеи, высказанные историком, буквально витали в воздухе. Герцен еще в 1851 году отмечал, что «централизация противна славянскому духу», а свойственна ему федерализация. О будущем России как «конфедеративной империи» писал Огарев. Но Щапов систематизировал, развил эти взгляды и последовательно применил их к отечественной истории. Вот в чем секрет успеха его лекций. Поэтому имя историка заняло достойное место среди таких мастеров публичных чтений, как Грановский, Костомаров, Соловьев, Ключевский.

Упомянем и народническую социологию последующих 70-х годов XIX века с ее идеями правды-справедливости и правды-истины (Н. Михайловский), нравственной оценкой социальных явлений. Отозвалось ли в ней слово Щапова? Судите сами.

Весной 1864 года, за шесть месяцев до 33-летия, Щапова высылают в Иркутск. Там, «на берегах Ангары», он разворачивает задуманное еще в Петербурге гигантское дело исследования отечественной истории с новой, естественнонаучной точки зрения. Даже в унизительном положении поднадзорного, лишенный необходимых исторических источников, книг, подчас не имея свечи, чая, сигары, да и куска хлеба, Афанасий Прокопьевич неустанно работал и сумел не потерять связи с жизнью.

За 120 лет до нынешнего экологического кризиса он обращал внимание, что оскудевают запасы зверя, рыбы, птицы из-за отсутствия на «святой Руси» рационального хозяйства. Пророчески звучат сегодня его слова: *«Необходимо остановить те хищнические отношения к окружающей нас природе, которыми мы живем более тысячи лет. Чтобы не расхищать задаром данных нам натуральных богатств, чтобы не пользоваться ими бессознательно и безрасчетливо, чтобы избежать гибельных последствий повсеместного опустошения почв, лесов, рек... нам необходимо знать наши наличные средства и обладать умением располагать ими не на авось, а на основании рационального, строго экономического плана».*

Большой общественный интерес вызвала монография Щапова «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа» (1869). Она выделялась «из массы исторических сочинений последнего времени», ибо вводила «читателя в сокровенные глубины народной жизни», «отличалась философическим характером, восходила в высшие сферы исторического видения» (В. О. Ключевский). Друзья историка сравнивали его с Боклем, автором известной «Истории цивилизации в Англии», а охранители упрекали в шутовском отрицании.

Опыт реформы 1861 года не прошел для исследователя бесследно. Историк явственно увидел и учел в своей новой, физико-антропологической концепции темные стороны того «бога», которому поклонялся: невежество, рутину, присущие народной жизни; ощутил на собственном опыте, насколько велика пропасть, отделяющая «просвещенное меньшинство» от народа. Щапов строит планы преодоления этого пагубного разрыва: *«...Идите, молодые натуралисты, и коллективным естественнонаучным трудом сотворите перед крестьянами чудо естественнонаучного творчества питательных жизненных средств... покажите мужикам... естественнонаучное творчество в гигиеническом и техническом устройстве... жилищ... их отопления, освещения и вентиляции, в разведении садов и рощ с гигиеническими и педагогическими целями».*

Однако, оставаясь верным народническим основам своего мировоззрения, историк опасается разложения общины, появления богатых и бедных, резко негодует против эгоистических, торгашеских инстинктов, надеется на победу инстинктов социальных.

Жизнь между тем опровергала его надежды на каждом шагу, обрекая на страдания, приближая конец. Как заметил историк С. С. Шашков, Щапов горел свободою, но это пламя быстро сожгло его самого.

АЛЕКСАНДР МАДЖАРОВ,
кандидат исторических наук

АФАНАСИЙ ЩАПОВ

Испытание смутой*

В настоящее время, кажется, уже утвердилось убеждение, что в истории главный фактор есть сам народ, дух народный, творящий историю, что сущность и содержание истории есть жизнь народная. Эту идею начали уж проводить и в науке русской истории. Но вот другое начало, на которое еще не обращено должного внимания в нашей исторической науке: начало провинциализма, областности, если можно так выразиться.

У нас доселе господствовала в изложении русской истории идея централизации; развилось даже какое-то чрезмерное стремление к обобщению, к систематизации разнообразной областной истории. Все особенности, направления и факты областной исторической жизни подводились под одну идею правительственно-государственного, централизационного развития. С эпохи утверждения московской централизации в наших историях все общо и общее говорится о внутреннем быте провинций; но не раскрываются в частности разнообразные историко-этнографические, экономические, юридические, вообще бытовые особенности каждой отдельной области или группы однородных территориальных округов, местных общин; не изображаются в надлежащей мере местные, политические, моральные и физико-географические условия их внутреннего развития и быта. Местное саморазвитие, внутренняя жизнь областей оставляются в стороне или ставятся на втором плане; а вместо того на первом плане рисуется политическая деятельность правительства, развитие централизационного устройства и быта России, биографии царей и проч. Между тем, нам кажется, ни в одной европейской истории так несвойственно, неприложимо подобное изложение, как в истории обширнейшего в свете государства русского. Русская история в самой основе своей есть по преимуществу история областей, разнообразных ассоциаций провинциальных масс народа — до централизации и после централизации. С этой точки зрения даже вся русская история представляет не что иное, как историческое развитие и видоизменение разнообразных областных общин в двух последовательно преемственных формах.

Первичная, древняя форма — особно-областная. Характеристические черты ее областности очевидны: первоначальное, вольно-народное, колонизационное самоустройство каждой областной общины на особой речной системе или на отдельном волоке; общее стремление областных общин к особности, к локализации; местное, большею частию разноплеменное историко-этнографическое самообразование каждой областной массы населения; местное вечевое самоуправление, земско-советие; самобытно-местное, федеративное взаимодействие и местно-удельная междоусобная борьба областных общин. Это основная историческая форма земско-областной жизни естественно сложилась вследствие колонизационно-территориального стремления всех областных общин быть особно. Тут до эпохи собирания, централизации русской земли, история необходимо должна говорить главным образом о внутреннем, местном самоустройстве и саморазвитии каждой областной общины в особенности, и потом о федеральном взаимно-отношении всех местных общин.

Вторая историческая форма — соединенно-областная. Установление этой новой формы исторического строя областных общин также было местно-областное. Оно окончательно совершилось после великой розни областных общин и совокупного решения их в смутное время на местных земских советах — быть в соединении. Областной элемент положен был в основу и этой соединенно-областной формы; областные общины, обособляясь по старым удельно-областным городам, порешили на своих местных советах быть в любви, в совете и в соединении, следовательно — в значении земско-областной федерации...

Русская история, основанная на одной идее централизации, исключающая идею областности, есть то же, что отрицание существенного, жизненного значения областных общин, как разнообразных органов, в составе и развитии целого политического организма всего народа. А кто не знает, что без знания устройства и отправлений отдельных органов тела нельзя понять жизни и отправлений целого организма?.. Не будем говорить о разноплеменном составе многих провинций, о сплошных массах инородческих, пестреющих на этнографической карте России. Все ли общее между одноплеменными провинциями, напр[имер], между малороссийским, белорусским и сибирским народонаселением? Много ли общего между Одессой, Камчаткой и Кавказом, Архангельской областью и казанским краем и т. д.? А разнообразные областные наречья, из которых составился особый целый словарь? А эти юмористические присловья, которыми так метко и согласно с историей характеризуют у нас жители одной области жителей другой?.. Все это так выразительно, так рельефно рисует нашу обширную Россию во всем историко-этнографическом разнообразии ее многочисленных областей! И в науке русской истории доселе не было обстоятельно, исторически объясняемо, отчего образовались такие типические областные особенности, какое они имели значение в истории, какое значение они имели, или не имели, или могут иметь в применении к законодательству, к администрации; к народному материальному и нравственному развитию и т. д...

...Было страшное время для России в 1603 году. Казалось, сама природа наперед пророчила что-то печальное, бедственное для народа... Люди, терзаемые голодом, валялись на улицах, подобно скотине, летом щипали траву, а зимой ели сено. Отцы и матери душили, резали и варили своих детей, дети — своих родителей, хозяева — гостей; мясо человеческое продавалось на рынках за говяжье; путешественники страшились останавливаться в гостиницах... Еще не успели убрать с улиц всех трупов человеческих, как начались страшные знамения... По ночам видели огненные столбы на небе, которые светили, подобно месяцу... Иногда, казалось, всходили две и три луны, два и три солнца вместе... Годунову все изменяло: пораженный отчаянием, Борис 13 апреля 1605 года скончался. Пронесся слух, будто он принял яду...

17 мая 1606 года вспыхнул сильный народный мятеж в Москве, и самозванец через 11 месяцев своего царствования лишился и короны, и жизни. Вместо него, помимо земского собора, провозглашен был царем Шуйский — и с этой-то минуты, собственно, настало во всем разгаре смутное время...

...Весь инородческий мир в смутное время находился в хаотическом движении. Главной причиной возмущения инородческих племен, кроме памяти о недавнем насильственном присоединении к московскому государству, была тягость московского владычества...

Между тем как в областях юго-восточных поднялись в смутное время бунты инородческие, что происходило в самих великорусских провинциях? Полная демократия и рознь! Перед вами не рисуется теперь на исторической сцене, на первом плане первопрестольная Москва со всем ее чинным, чванным, византийско-государственным этикетом: перед вами на первом плане являются действующими, в разрозненной отдельности, одни областные общины, сами между собой. Вы видите в это время на сцене исторической деятельности пермяков, вятчан, устюжан, вологодцев, костромичей, ярославцев, рязанцев. Государство Владимирское, государство Новгородское, государство Псковское, польских и литовских людей, малороссийских казаков — словом, всю земско-областную Русь. Не слышно царских указов из Москвы — слышен только шум по областям, на площадях главных городов. Вся распорядительная власть теперь сосредоточивалась в самих областных общинах. Они ясно выражают свое местное господство, или автономию, и взаимное братство, или равенство. Они сами пишут грамоты друг другу, как равные к равным, называя друг друга господами-братьями... Многознаменательны в истории наших провинций, в летописях народной общинной думы и политической самодеятельности областей, ...местные земские советы, происходившие в смутное время, от 1606 по 1613 год. По всей великорусской земле, на площадях главных областных городов, собирались земские люди, горожане и волостные крестьяне со всего уезда, всею своею землею, и думали думу земскую, об интересах своей области... Теперь... Москва уже не указывала, не предписывала областным городам царским, повелительным тоном, не предписывала собрать, соединить областные силы для спасения московского государства. Теперь она братским воззванием призывала, умоляла областные общины во имя всенародного спасения и спокойствия дать ей добрый совет, показать к ней братскую любовь и собрать силы для освобождения ее от польско-литовского ига, одинаково угрожавшего всем областям. Внешнее, механическое, насильственное собрание, прикрепление, тяготение областей к Москве теперь оказалось совершенно недостаточным, несостоятельным. Москва, смиренная, наказанная отпадением от нее разрознившихся областей, призывала теперь их к новому органическому, братскому союзу с нею, во имя духовно-нравственного единства... Смутное время было для русского народа горнилом искушения, очищения. Во время пятилетней или шестилетней розни областей русские люди ясно увидели, чего недоставало для полного, всецелого единства русского народа, ...недоставало любви, совета и соединенья.

Сельский мир и мирской сход

...Теперь у сельских мирских сходов много новых дел, новых вопросов, много будущности. Нам остается только желать, чтобы отнюдь не вторгались в сельские миры бюрократические порядки, книги исходящих бумаг и т. п. ...Напротив, сельскому миру и мирскому сходу нужно как можно более давать юридической самоопределяемости, самораспорядительности... крестьянские миры и мирские сходы осмыслят, возведут свои юридические, жизненные, бытовые обычаи в свои мирские уложения.

Далее, для наиболее успешного саморазвития сельских миров нам нужно, чтобы крестьянам как можно больше предоставлялось прав свободного пользования естественными материалами и источниками народного богатства — землями, лесами и т. д. Крестьянам нужна земля так же, как и свобода труда, не только для улучшения материального быта их, но и для наибольшей производительности нашей земли. Крестьяне, как только вполне почувствуют себя хозяевами своей свободы и земли, сумеют и научатся надлежащим образом с надлежащею производительностью пользоваться естественными данными. Тут они скорее призовут на помощь и науку. Вспомним, сколько богатырской земско-устроительной силы, мощи, энергии проявило наше крестьянство, когда только еще устрояло русскую землю, слагало земский мир, посаждало, поставляло починки и деревни в лесах...

Сельская община

...Старый, неумирающий, вековечный мир крестьянский, твердыня всего русского мира, представляет первооснову и первообраз для нашего саморазвития. В давно-былые времена вольнонародного самоустройства народ наш сам собою, общими богатырскими силами построил земско-вечевой мир, на общинно-народной основе земского народосоветия и народоправления. Во времена этого самоустройства он воспитался в духе мира: мировой дух сроднился с его природой, проник весь его быт, стал жизненным, зиждительным принципом, творческой силой всего народного саморазвития. И вот почему мир так живуч, вековечен. Корень, основа, архитектоническая закладка вольно-народного, мирско-вечевого земского самоустройства — мир остался, уцелел через все буреломные эпохи нашей истории. Городские магистраты, с магистратским регламентом Петра Великого, городовое положение Екатерины II смутили, расстроили мир городской, преобразовав города в гильдейско-цеховые и административные корпорации. Но корень вольно-народного, земско-вечевого, самим народом созданного мира уцелел в могучем крестьянском мире, в сельской общине. Народ всячески охранял основу мира, как святыню, от всех буреломных, сокрушительных стихий... Мир, начиная с малых кругов, внутренно-самобытных и в себе законченных миров сельских, связуя их... с мирами городскими, также внутренно-самобытными и в себе законченными, и смыкая те и другие, по земле и по воде... посредством федеративной совокупности последних, естественно возрастает и расширяется, таким образом, во всенародный русский земский мир... Если нам, русским, люб излюбленный нашим народом, освященный, оправданный весовым опытом народной жизни, сохраненный, как святыня, народным преданием принцип мира и мирского схода и народосоветия, мирского самоустройства...: то вот перед нами воскресает и всех нас зовет к мировому сближению... сельский мир с его мирским сходом...

* Название дано редакцией.

БИБЛИОГРАФИЯ

Щапов А. П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань, 1859.

Щапов А. П. Великорусские области и смутное время (1606—1613). Соч., т. 1, Спб., 1906.

Щапов А. П. Земство и раскол. Соч., т. 1, Спб., 1906.

Щапов А. П. Реализм в применении к народной экономии. Соч., доп. том, Иркутск, 1937.

Щапов А. П. Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. Соч., т. 3, Спб., 1908.

Аристов Н. Я. Афанасий Прокопьевич Щапов. Жизнь и сочинения. Спб., 1883.

БОРИС ВЫШЕСЛАВЦЕВ

МОИ ДНИ С К. А. КОРОВИНЫМ

Дружба между философом и художником не такая уж редкость. Но, к сожалению, мы так плохо знаем собственную историю, что когда наталкиваемся на воспоминания Б. П. Вышеславцева о К. А. Коровине, то поневоле изумляемся. А между тем эта дружба была так велика, что Вышеславцев даже написал книгу, целиком посвященную творчеству Коровина,— машинопись ее хранится в архиве музея-заповедника «Абрамцево». По-видимому, она была написана для книгоиздателя И. Кнебеля (1854—1926) и должна была выйти в серии монографий, посвященных творчеству русских художников начала века. Замысел, однако, удалось осуществить лишь частично, так как в августе 1914 года типография И. Кнебеля, австрийского подданного, живущего в России, была разгромлена во время уличных беспорядков. С этого времени книгоиздательская деятельность И. Кнебеля не возобновлялась.

Борис Петрович Вышеславцев (1877—1954) родился в Москве. В 1899 году окончил юридический факультет Московского университета. В 1914 году защитил диссертацию «Этика Фихте» и получил кафедру философии в Московском университете. После революции, в 1922 году, в числе двухсот крупных деятелей русской культуры был выслан за рубеж. Автор многих философских произведений, которые переведены на иностранные языки. Среди них: «Русская стихия и Достоевский» (1923), «Этика преображенного эроса» (1931), «Вечное в русской философии» (1955). После окончания второй мировой войны жил в Женеве, где скончался и похоронен.

Машинопись Вышеславцева, хранящаяся в «Абрамцеве» дефектна, но, несмотря на это, представляет огромный интерес. Вышеславцев, друживший с Коровиным, оставил и воспоминания о нем, которые он по памяти записал в студеную зиму 1917 года. Частично они были опубликованы в «Новом журнале» № 40 за 1955 год, но уже после смерти Вышеславцева.

Конечно, не следует целиком принимать на веру эти воспоминания. Известен литературный дар философа, расцветший в период пребывания в Париже, известно его стремление приукрасить, а кое-где расцветить свои воспоминания. Но он обладал цепкой памятью и был наделен даром слова. Эти характерные черты заметны в предлагаемых воспоминаниях Вышеславцева, интересных еще и тем, что здесь философский взгляд соединен со взглядом человека, тонко чувствующего красоту мира, красоту творчества такого большого художника, которым был и остается Константин Коровин. Будем надеяться, что в ближайшее время мы сможем познакомиться целиком с этим уникальным произведением.

СЕРГЕЙ БЫЧКОВ

Константин Алексеевич Коровин

Судьба дала мне редкое счастье прожить много лет вместе с художником Константином Алексеевичем Коровиным. Это был один из замечательных русских людей. Память о нем, ввиду его исключительной талантливости и значения для русского искусства, должна быть сохранена. То, что я пишу,— это не монография о Коровине и не просто мои воспоминания, это рассказы Коровина о том, что он сам считал наиболее интересным в своей жизни, и о тех людях, которых он считал достойными внимания. В долгие осенние и зимние вечера в русской деревне я записал, по возможности в собственных выражениях К. А. Коровина, то, что он мне рассказал.

Театр и декорации

Когда Коровину было еще 20 лет, Поленов пригласил его писать декорации для частной оперы Мамонтова. Здесь для Коровина открылась новая эра деятельности, надолго определившая развитие его таланта и сразу давшая ему известность, построенную на удивленном признании и удивленном негодующем отрицании. Коровин с детства любил театр и особенно музыку. Но, бывая в театре и особенно в опере, Коровин постоянно замечал, что самое плохое, как искусство,— это декорации. Железные деревья садов с их коричневыми и красно-коричневыми стволами, без света и жизни, охровые, коричневые терема и комнаты с какими-то невероятными финтифлюшками («Ох уж эти финтифлюшки»,— говорил Коровин), какая-то славянщина полотенец и вышитых рубашек — все это его поражало нелепостью и невежеством.

Коровин совершенно иначе смотрел на художественную задачу декораций: прежде всего он импрессионистически подошел к вопросу разрешения эффекта светотени; в живую атмосферу солнца, сумерек, ночи он

Ф. И. Шаляпин. Константин Алексеевич Коровин. 1912

В. Боровков. Худóжник К. Коровин пишет сапогом картину. 1902

ставил артиста, делая фон декораций в гармонии с костюмами действующих лиц. Контрасты цветов и тонов, колористические гармонии, сочетания красок с действующими людьми — вот что было им положено в основу его задания. Его декорации были совершенно иные, доселе невиданные. Это была новая эра в декоративном искусстве. Но декоративное искусство эфемерно, оно дает наслаждение на один вечер, на одно мгновение. На эти эфемерные создания Коровин положил массу энергии в течение всей своей жизни. Первой его постановкой у Мамонтова была «Аида». Впервые на сцене было жгучее солнце, живые куски Египта. В комнате Амнерис — стена, дверь и сквозь нее пейзаж, залитый солнцем, и пальмы, от которых шли синие тени, все это было написано на одном холсте. Но сила колоритов и контрастов давала иллюзию пространства и открывающейся дали. Невозможно было предположить, что все это написано в одной плоскости. Сам Коровин считал это дешевым эффектом, второстепенным признаком удачного выполнения основной задачи. Гораздо важнее (чего не замечали) была для него гармония костюмов в отношении к фону неба и теням холодных и торжественных покоев царской дочери. (Костюмы тоже были по его рисункам.) Экзотическая роскошь иной, дальней страны и вся неожиданная особенность ушедшего мира больше занимали художника, чем простой эффект рельефа, который он называл «задачей паноптикума с его реализмом». Обмануть зрителя как бы реальностью предмета — этого Коровин достиг в кабачке в «Кармен»; он тогда даже выиграл несколько пари: фонарь на кронштейне производил впечатление полного рельефа даже с самой сцены. Бевиньяни, знаменитый дирижер итальянской оперы, проиграл Коровину бутылку шампанского: он был убежден, что фонарь не написан на холсте, а действительно висит на кронштейне. Такой вздор делал успех Коровину, а настоящую красоту тонов этого кабачка совсем не понимали.

Признание своей живописи Коровин получил не скоро: она слишком далеко обгоняла развитие общественного вкуса. Его импрессионизм, его протест против навязанных тенденций и предписанных общественным мнением сюжетов, его жажда показать чистую живописную красоту, дать «красочный рай» — все это могло понравиться скорее в Париже, чем в Москве, воспитанной всецело на передвижных выставках с их «литературой» и с идейными сюжетами. Но Коровин еще не знал Парижа, он был импрессионистом, не видя французских импрессионистов, а поэтому чувствовал себя одиноким и отвергнутым.

Париж, Италия, Испания

22 лет, заработав за зиму своими декорациями 300 рублей, Коровин едет в Париж. Париж — это великий перелом в каждой русской душе, одаренной чувством прекрасного; это любовь наших прадедов, воплощенная в садах и дворцах, в статуях и парках, нарядах и манерах; это всегдашняя мечта художников и поэтов. Сколько раз я расспрашивал Коровина о его въезде в Париж, об улице, об отеле, о первой ночи и о пробуждении. И всегда он рассказывал с новыми подробностями и с новым волнением.

«Я остановился в Hotel dela Néva, rue. Montigug, против театра «Паризьен», в окно ночи были видны трубы большого города, жалюзи окон, вся эта темная таинственная громада... спать я не мог... Я писал письма брату, товарищам, двоюродным сестрам. Огни кафе, рекламы, движение, поток нарядов, вежливость, аристократизм тихой Place Vendôme, вся история, из-

ваянная в камне,— все это я как будто видел когда-то. Лет восемнадцати я написал Париж (акварель) со слов Поленова, он еще сказал тогда: «Это очень похоже, ты как будто там был». И действительно, Париж был такой.

Наутро я поехал в Салон и был поражен невиданными красками, разнообразием художников, праздником для глаз. Светлые краски воздуха, непосредственная, правдивая гамма простоты и изящества, отсутствие условности и олеографичности, свобода от тенденциозности — все это восторг, жизнь, веселье, бодрость. Потрясенный, я тихонько сказал себе: так вот что! Здесь пишут, как я! Значит, я был прав, когда не шел по пути, который мне указывали, и избрал свой... Я написал Париж из окна, кусок Парижа, и он был непохож на них, на французов. Мне хотелось его показать кому-нибудь из художников, но я не мог ни с кем познакомиться. Сам я, однако, думал, что мог бы участвовать на выставке, в Салоне».

Первая поездка Коровина была непродолжительна. Но это было настоящее художественное образование: он видел Лувр, и, главное, он нашел веру в себя, убедился, что его живопись имеет право на существование, что французский импрессионизм ставит себе те же задачи, хотя и решает их иначе.

По приезде домой Коровин увидел другую Москву и другую Россию. Вот как он изображает Москву после своего возвращения:

«Фонари показались мне кривыми, дома — покрытые салом, странная мостовая, маленькие окна, маленькая и грязная Москва. И еще какая-то невозможность работать и безделье. Время идет в разговорах, художники обсуждают, что такое искусство и в чем моя вера? Никто ни в чем не уверен; все говорят о деньгах, тоскуют, что нет денег, как будто кто сжалится и даст их сейчас. «Хорошо Шаляпину,— сказал мне один певец,— эдак всякий споет — получает 20 000 в сезон».

Здесь зарождалось у Коровина то недоверие к русскому обществу и к русской интеллигенции, которое превратилось у него впоследствии в ясное предчувствие неминуемой катастрофы, при этом он вовсе не искал вслед за народниками и Толстым утешения в мужике. Охотник, любитель природы, он слишком близок был к мужику и слишком зорок, чтобы заблуждаться и обольщаться на его счет. «Дикари,— говорил он,— глина, из которой все можно сделать».

Двадцати шести лет Коровин едет в Италию и знакомится с великими классиками. Пред ним проходят Венеция, Флоренция, Рим, Неаполь. Это второе событие, второй перелом в душе художника. Все современное показалось ему тогда ничтожным; гениальность мастерства итальянской живописи, конечно, поражала, но еще более изумлял дух эпохи Возрождения и его творений. «Всякое подражание и заимствование было бы жалким,— говорил он,— мы люди иного духа и иной цивилизации, мы уже не можем так жить и чувствовать...» «Мелким, больным, дешевым, замученным рабом показался я сам себе,— рассказывал Коровин,— не вера и религиозность сюжета поражали, не идея, а мощь искусства, сила красоты, пышность, насыщенность... Казалось, что люди того времени всё видели через красоту и действовали через красоту: гнев, страсти, любовь и все движения жизни были создаваемы в формах прекрасного... Я не могу сказать, что это христианство, ибо там нет культа бедного, угнетенного, слабого, нет miseria, только сильное и высокое считалось там правым».

В Коровине был редчайший дар проникновения в стиль и дух чужих, далеких культур. Это дар русского гения, как на это указывал Достоевский. К сожалению, Коровин воплотил это только в своих эфемерных декорациях. Меня всегда изумляла эта его способность фантастического воссоздания: какая бы, в сущности, эрудиция требовалась там, где он, как бы играя, как бы во сне, вызывал все эти образы.

Как-то раз мы смотрели в окно моей квартиры на Ивана Великого и на Кремль. «Посмотрите,— сказал Коровин,— в этом Иване Великом, что вы в нем видите? Это монах старой Руси в надвинутом клобуке, высокий, прямой, но придавленный какой-то тяжестью. Великий пост, стояние, затвор, мрак есть в этой архитектуре; весь дух эпохи в ней виден... Недаром русские так любят похороны...»

После Италии К. А. едет в Испанию. Эта страна много дала для его живописи и декораций. Здесь он написал знаменитых «Испанок», выставленных впоследствии в Париже, он сделал также несколько этюдов для декораций Кармен и, наконец, увез с собой в своей изумительной художественной памяти всю эту нагроможденно-пышную, экзотическую и величественную архитектуру, все эти скалы и желто-красные пустыни со странными колоритами. Эти видения окаменевших фигур в плащах на папертях храма, все это он сохранил, чтобы потом воплотить во множестве миниатюр, написанных много лет спустя на память, а также в декорациях к Дон Кихоту.

Коровин, замечательно схватывавший стиль наций, часто говорил мне о сходстве испанского и русского характеров. Какие-то испанские художники тотчас же с ним познакомились и до того подружились, что один к нему переселился жить, и все это без всякого общего языка; тотчас был устроен вечер, вино и речи... Коровин тоже был принужден сказать речь (к концу вечера это было уже не так трудно). И на другой день речь была напечатана в газетах. Ему перевели, и он был изумлен: откуда взяли это красноречие?

«Страна дикая, странная, жутковатая, невероятно богомольная, гостеприимная и благородная. Непохожа на Европу и больше всего похожа на Россию»,— говорил Коровин. Он любил вспоминать двух своих моделей, Ампару и Леонору, которые ни за что не хотели брать с него деньги и которым он подарил вместе с ними выбранные башмачки и китайские платки.

По возвращении Коровина в Россию его работы по-прежнему не принимались на Передвижную выставку, и его «Испанки» долгое время валялись в углу мастерской. Но декорации, сделанные по эскизам с натуры и по мощным живописным воспоминаниям, имели успех. Для театра Мамонтова он сделал «Каменного гостя» и «Кармен», а также ряд постановок итальянских опер: «Отелло», «Фенелла», «Лукреция Борджия», «Дон Жуан», «Севильский цирюльник» и другие.

Серов и Врубель. Мастерская в доме Червенко

Эти три художника — Коровин, Серов, Врубель — были друзьями, вместе боролись за жизнь, за свое искусство, вместе прокладывали новые пути.

С Серовым Коровин познакомился у Мамонтова. В это время Остроухов, Серов и Михаил Мамонтов (который тоже хотел быть художником) занимали в Москве отдельную мастерскую, где писали модели. Коровин никогда не был туда приглашаем, так как считался декоратором, а не художником. К его живописи относились отрицательно, не признавая ее серьезной. Коровин тоже не придавал молодому Серову большого значения. «Видя его еще ребячьи наброски и большую трудоспособность, я сначала не заметил в нем ничего интересного»,— говорил Коровин. Но понемногу отношения изменились. Серов сам стал искать сближения с Коровиным. В это время Коровин жил на Долгоруковской улице, в доме Червенко, где у него была мастерская. И вот Серов, который тоже имел мастерскую, предложил Коровину построить отдельную комнату для него при коровинской мастерской. Так и было сделано. Серов переехал к нему, и началась их совместная дружеская жизнь и работа.

Материально художники вели довольно трудную жизнь, но их индивидуальности раскрывались и расцветали. Насколько зависть убивает дух, настолько же дружба его окрыляет. Постоянные беседы о живописи давали импульс к работе. Живопись Серова в это время изменилась: сделалась более сильной и темпераментной. Портрет, который он сделал с Коровина, представляет живое воплощение этого периода его творчества. Коровин изображен молодым, полным радости и юмора; изображена знаменитая мастерская в доме Червенко и наконец воплощены колоритные искания Серова — результат его художественного общения с Коровиным. Серов писал этот портрет очень долго, и все же он остался незаконченным, эскизным.

К этому времени относятся работы, выставленные обоими художниками на конкурсе общества любителей художеств. Серов выставил портрет, Коровин — пейзаж и жанр. Первой премии не получил ни тот, ни другой, ее вообще не выдали никому. Оба получили вторую. «Жанр» Коровина изображал людей на террасе на фоне вечернего солнца.

Замечательна та характеристика, какую Коровин, редкий мастер замечать существенное в человеке, дал Серову того времени: «Серов был человек мрачный, глубоко тоскующий. Он говорил: жизнь просто ненужная, невольная проволочка и тоска... Серов был брюзглив, ничто ему не нравилось. Вообще он производил впечатление человека, совершенно упавшего духом. Он очень любил Веласкеса, ценил Репина и как-то не мог сделать ничего своего, словно не зная, что делать. Юморист и насмешник, по характеру скептик, никогда никем и ничем не довольный, он долгое время собирался писать картину: привоз Иверской в публичный дом. Чем увлекала его такая тема, для меня было не совсем понятно. Он обнаруживал еще необыкновенный интерес к стоящим на бирже извозчикам. Однако он недостаточно писал типичное и смешное, хотя и был юморист. И только в своих карикатурах он вполне проявлял себя, в них он был для меня настоящим художником... «Опять надо писать противные морды»,— говаривал он, отправляясь на портретные сеансы; казалось, он пишет их только из нужды. Возвращаясь с этих сеансов, он рассказывал: «Пришел, брат, я писать А., старика. Поздоровались, меня пригласили присесть в гостиной и подождать, покуда позавтракают. В открытую дверь виден завтрак — папаша, мамаша, дети, стук тарелок... Долго завтракали. Наконец, вытирая рот, вышел папаша: «Ну, теперь, господин художник, займемтесь делом». И вот я занимался делом за 500 рублей».— И Серов качал головой и смотрел мне в глаза. Так Серов «занимался делом», а я — своими декорациями. Мне все хотелось написать русские большие симфонии в пейзажах с людьми, а Серову — Иверскую. Но это так и не вышло».

Вскоре в мастерской Червенко произошло одно важное событие: к Коровину и Серову примкнул Врубель. Врубель приехал в Москву из Киева, где он только что закончил свою прекрасную живопись во Владимирском соборе и в Кирилловской церкви. Его появление и обстоятельства его приезда были необычайны, как, впрочем, все в этом человеке. Вот что рассказывал мне Коровин об этой встрече: «Однажды в октябре в одиннадцать часов ночи я возвращался домой. Было холодно, грязно, моросил дождик. Москва — мрачная, мокрая, неуклюжая. Все сидят по домам, на улице мрак, туман, слякоть. Из дверей трактиров вырывается пар на улицу. Я шел, задумавшись, в свою деревянную мастерскую. Она стояла в саду, усыпанном мокрыми осенними листьями. Вдруг сзади я услышал: «Коровин!» Я обернулся — в летнем пальто с приподнятым воротником, в легкой шляпе стоял Врубель. Узнав, что он две недели уже как приехал, я удивился, что он не отыскал ни меня, ни Серова. В ответ Врубель предложил сейчас же идти с ним в цирк, куда он сам спешил.

— Но ведь цирк уже кончается, поздно.

— В таком случае я приду к тебе завтра.

— Где ты остановился?

Врубель не ответил.

— Я приду завтра в три часа, а вечером пойдем в цирк.

Мы простились.

Отойдя он закричал:

— Постой, дай мне три рубля!

Я дал.

На другой день Врубель пришел, как сказал, в три часа в нашу мастерскую. Серов тоже очень ему обрадовался. Врубель не посмотрел совершенно на то, что было написано мною и Серовым и висело в мастерской, и, побыв недолго, стал звать нас непременно в цирк, где он будет нас ждать:

— Я вам покажу замечательную женщину, необычайной женственности и красоты!

Вечером мы с Серовым пошли в цирк. После обычных клоунов, силачей, обезьян на белой лошади выехала наездница.

— Вот она! Смотрите! — сказал Врубель.

Наездница прыгала в кольца, пробивала бумагу, ехала, стоя на голове. Вглядываясь тщательно в нее, я видел бледное лицо брюнетки с большими темными глазами и сильно закрученной перевитой косой. Когда она кончила свой номер, Врубель взволнованно сказал: «Пойдемте!» И быстро потащил нас за кулисы какими-то темными лестницами. Мы вошли, когда отводили лошадь. Наездница, одетая в трико, стояла рядом с человеком низкого роста, сильного и грубого сложения, в костюме паяца и с лицом типичного итальянца из народа. Это был ее муж. Врубель нас тотчас же представил. Тут я увидел ее ближе. Она была небольшого роста, с совершенно белым, как мрамор, лицом и с большими, добрыми, как у лошади, глазами. Голова ее была посажена красиво, на ровной, прямой, белой шее. Обычный итальянский тип...

— Хороша? — спросил Врубель в сторону.

— Ничего особенного,— сказал Серов и стал прощаться.

Врубель просил меня остаться, чтобы вместе пойти к ним после представления. Они жили недалеко от цирка, на Третьей Мещанской, во дворе, в деревянном доме. По грязной лестнице мы вошли в маленькие комнаты с запахом деревянного масла и щей. В первой комнате был диван, на котором стояло огромное полотно. На нем изображалась она, эта женщина, размером вдвое более натуры. Портрет был поясной. Рядом были разбросаны картоны. Портрет давал лицо с огромными глазами, в каких-то облачных красках и был удивительно странный и особенный. На полу лежал тюфяк без простыни. Я догадался, что здесь помещалась мастерская Врубеля. Пальто служило ему, очевидно, одеялом. В соседней комнате, где жила удивительная женщина с мужем, стояла скудная, печальная мебель и стол с вязаной салфеткой, на котором она, положив бумагу, стала резать колбасу и хлеб. Итальянец откупоривал бутылки вина. Одета была она в вязаную красную шерстяную юбку с голубыми фестонами, в красную шерстяную кофту с синим воротником. На шее у нее была черная бархатная лента со стертым большим золотым медальоном. Итальянец был тоже в вязаной кофте, подпоясанной широким синим шарфом. В общем, они давали цвета каких-то попугаев.

В комнате было жарко. Врубель снял свой элегант-

ный сюртук. Наездница подошла ко мне и сказала почему-то: «Господин Ноблэсс!» — стала снимать с меня сюртук. Врубель и ее муж без умолку говорили по-итальянски. Я понял, что речь идет о цирке, о каком-то клоуне, который взял вперед деньги и досадил антрепренеру. Врубель жил и горел их профессиональными интересами. Мне было очень странно. У них была своя особая жизнь.

Наездница сидела, как царица, изредка вставляя решающее авторитетное слово. Вглядываясь в нее, я видел, что она была торжественна и в атмосфере обожания (которая ее окружала) была действительно прекрасна. Это была какая-то особая богема, в которой все эти люди понимали друг друга. Я сидел среди них как чужой. Только тут наконец я узнал, что Врубель приехал из Киева с цирком!

На другой день Врубель пришел ко мне. Я предложил ему переселиться к нам в мастерскую, и он вечером же переехал. Итальянцев он больше уже никогда не видал. Перестал интересоваться ими и портрет оставил у них. Он привез с собою картон, на котором в центре композиции был изображен распятый Христос. Тело Христа было написано все как бисер; оно было из мелких бриллиантов. Каждая грань была тронута цветами радуги и потому сияла, как алмаз. Херувимы и серафимы, окружавшие Христа, были как бы изумруды, сапфиры, топазы. Поразительными орнаментами соединялись их крылья, опускавшиеся до земли в причудливых, строгих и ритмичных формах. Это был каскад необычайных красочных гармоний; опасная грань модерна, плаката, дешевой изысканности и величия серьезной неожиданной формы, равной классикам. Все это поражало, восхищало и подавляло меня.

Но каково же было мое удивление, когда через неделю я увидел этот картон разрезанным на четыре части с наклеенной на них ватмановской бумагой, на которых Врубель стал делать иллюстрации к кушнеровскому изданию «Демона». Пораженный, я высказал Врубелю свое удивление. Он сказал: «Это же никому не нужно, и никто этого не поймет».

Врубель часто делал костюмы для театра, которые ему не заказывали, рисовал на память карандашом лица женщин, с которыми познакомился, но оставлял их там, где делал. Однажды он взял у меня 25 рублей, тогда большие деньги для нас, и привез на них духи, дорогой заграничный кусок мыла и ликер.

Проснувшись утром, Врубель, стоя в глиняном тазу, обливался теплой водой с духами. Каждый день он бывал у куафера и чуть не плакал, когда манжеты хоть немного были запачканы краской. Он клал в золу печки куриное яйцо, которое ел с хлебом, запивая водой с ликером, что составляло его завтрак и обед. Но одет он был всегда изысканно-элегантно. Он не любил бывать в гостях у богатых людей (хотя ценил роскошь) и все, что получал, тратил в тот же день. Тогда он один отправлялся в лучший ресторан, требовал лучшего метрдотеля, обсуждал с ним изысканные блюда и вино. Понимая гурманство, один метрдотель сказал мне: «Из всей Москвы это настоящий господин, они понимают, и им приятно служить».

Однажды я пришел в мастерскую и застал Врубеля за работой. На большой, широкой атласной голубой ленте был сделан прямо от руки четко, без всякой поправки удивительной формы, невиданный орнамент. Подходя, он остро водил штрих за штрихом, как будто откуда-то его снимал. За орнаментом следовали стильные, особенные буквы, и я прочел: «Николаю Евгеньевичу слава, Боже Левочку храни, Шурочке привет!»

Оказалось, соседний дом богатой немецкой фамилии, узнав, что здесь живет художник, поручил сделать этот плакат на именины Левочки; плакат должен был быть повешен над корзинкой со сластями, которую вывезут на колесиках в разгар именин. Николай Евгеньевич, как оказалось, был доктор, Левочка — любимец семьи, которому доктор сделал операцию, а Шурочка кто — так я и не узнал. За эту работу Врубель получил 10 рублей.

Странно то, что в Москве, столь занятой искусством, после прекрасных фресок Кирилловской церкви в Киеве и работ во Владимирском соборе никто не сумел оценить изумительного дарования Врубеля. Повторяя модное слово «декадент», Москва прилагала его к Врубелю, так что даже Коровина на время оставили в покое. С невероятной злобой и раздражением отнеслись к Врубелю и все интересующиеся искусством, и художники.

«Однажды пришел ко мне Павел Михайлович Третьяков смотреть мои летние картины,— рассказывал Коровин.— Долго раскланиваясь, чем на меня он производил впечатление древнего барина скромного и серьезного вида, он внимательно осматривал картины, то чуть ли не касаясь их лицом, то отходя далеко-далеко. На большом столе у стены стояли прекрасные эскизы Врубеля — иллюстрации к «Демону» и «Хождению Христа по водам».

— Павел Михайлович, посмотрите на эти замечательные вещи, это работа Врубеля! — Он посмотрел на них искоса и сразу стал со мной прощаться. Я сказал:— Павел Михайлович, вам это не нравится?

— Не знаю, не знаю,— сказал он.— Извините меня, но это не искусство!

Когда пришел Врубель, я рассказал ему, что произошло.

— Если бы он сказал другое, я бы очень удивился, мне было бы очень грустно, если бы это ему понравилось.

Когда Врубель выставил большую акварель — своего умершего сына, в цветах, чудную акварель, дивный трагический портрет, с маленьким шрамиком на губе, который был и у отца, то художественный критик, имевший большие претензии на понимание искусства, написал: «Видно, что это сын декадента».

Прошло 8 лет. Врубель уехал за границу, в мастерскую ко мне опять пожаловал П. М. Третьяков и спросил, где бы увидеть эскиз Врубеля «Хождение по водам». Эскиз был у меня и был мною приобретен у Врубеля. Я показал его Павлу Михайловичу, и он просил устроить ему эскиз для галереи.

— Отчего же вы тогда не посмотрели, Павел Михайлович?

— Не понял, не понял,— отвечал Третьяков.

Я с радостью уступил ему этот эскиз, как дар. Но на другой стороне этого картона был другой эскиз: занавес для оперы Мамонтова — «Ночь в Италии», певцы времен Чинквеченто,— который Третьяков обещал мне вернуть, разрезав картон, ибо это ему не нравилось. После смерти Третьякова я сообщил это управлению, и оно разрезало и возвратило эскиз, иначе он остался бы похороненным на оборотной стороне картины. Я подарил эту вещь в Третьяковскую галерею, находя ее лучшей, чем первый эскиз...»

Интересно проследить, как отразилась совместная дружеская жизнь всех трех художников на их творчестве. Серов здесь получил больше всего для своей живописи, он находился под влиянием Коровина. Будучи талантливым рисовальщиком и человеком редкой трудоспособности и упорства, он старался усвоить живописную насыщенность и пышность коровинских колоритов. Достигнуть этого вполне он никогда не мог, так как был человеком совсем иного жизнечувствования, но все же живопись его стала сильнее.

Напротив, Врубель ничего не мог заимствовать у Коровина, так же как и Коровин у Врубеля. Это были мощные художественные индивидуальности, и каждая шла своим путем. Коровин искал лиризма в русской

природе, в русской деревне, в образах ежедневной жизни. Врубель же, напротив, говорил: «Я ненавижу ваши мостики, речки, деревеньки... На этом мостике Сегаль может сломать ногу». Сегаль была кровная скаковая лошадь, а Врубель был страстным наездником.

Врубель не был лириком русской жизни. Его захватывала лишь романтика фантастического потустороннего мира. Другое различие их путей заключалось в том, что Коровин был импрессионист и потому прежде всего живописец. Врубель же не был импрессионистом, и живописность никогда не стояла у него на первом плане. Его область была совсем иная: это были гениальная графика, иллюстрация, выражавшая мистические и символические образы, и фантастические орнаменты. Только один раз Врубель увлекся чисто живописной задачей, это в своей картине «Ночное» (Третьяковская галерея), и нужно признать, он достиг здесь большой силы. Коровин, считавший Врубеля совершенно исключительным, мировым художником, говорил часто, что в нем были заложены все позднейшие искания живописи: и Пикассо, и кубизм.

В силу этого основного различия путей Врубель не особенно любил жанр Коровина: его «Испанки» ему не нравились; зато он очень ценил декоративные искания Коровина. Область сказочной фантастики и романтизма далеких стран и культур объединяла художников.

Постановки в императорских театрах

Вновь назначенный управляющий императорскими театрами в Москве Владимир Аркадьевич Теляковский приехал однажды к Коровину. По отношению к императорским театрам Коровин был предубежден: безвкусие костюмов и нелепость декораций порою поражали его. Так, например, в «Руслане и Людмиле» в пещере волшебника-шамана Финна был поставлен глобус. А Жанна д'Арк сидела на качалке, покрытой персидским ковром. Трудно было без смеха смотреть на кавказцев в «Демоне», которых за кулисами называли бершовцами, так как костюмы для них сочинил отставной военный Бершов.

Коровин был в недоумении, когда увидел у себя Теляковского.

— Я пришел к вам, чтобы вы заступились за театр, защитили театр,— сказал Теляковский.

Коровин был поражен, не верил прямо своим ушам. Но с первых же слов Теляковский вызвал в Коровине полное доверие и тем заставил его отдать свой труд громадным сценам императорских театров. Однако с первых же шагов работы Коровину там делались мелкие, но очень неприятные затруднения со стороны прежних служащих. Все вооружилось против него, и он чувствовал отчаянную недоброжелательность, затрачивая огромную энергию на преодоление этих мелочных затруднений: вдруг испорчена печь в мастерской, маляры являются пьяными или не приходят вовсе, балет не хочет надевать коровинские костюмы, те самые костюмы, в которых он впоследствии вызывал восторг и изумление Парижа, Лондона и Америки.

При первых постановках Коровина — балета «Конек-Горбунок» и оперы «Демон» — пресса как бы взбунтовалась. Слово «декадент» не сходило со страниц газет. Казалось, не было другого дела, как поносить новые постановки императорских театров. Артисты были забыты... Консервативные и либеральные газеты писали одно и то же. Везде только и говорили об этом. Но театры были переполнены. Балет, который раньше давал сорок рублей сбору и старался раздавать билеты по учебным заведениям, теперь был битком набит, хотя, выходя из театра, зрители и ругали постановку. При этом пресса обеспокоила консервативные круги с совершенно неожиданной стороны.

Однажды Коровин был приглашен в жандармское отделение в Москве. К нему вышел очень приличный человек, в штатском, маленький, полный. Он был изысканно любезен и просил сесть, предложив папиросы. У него, видите ли, имеется запрос из Петербурга, касающийся Коровина. Постановки, вызвавшие такую сенсацию, требуют маленького объяснения, которое нисколько не должно огорчать художника. После всех этих любезных прелюдий он наконец сказал главное:

— Скажите, пожалуйста, какая связь между импрессионизмом, который вы проводите на сцене, и социализмом?

Коровин мало понимал в политических учениях, но возразил, что решительно не находит никакой связи между импрессионизмом и социализмом и никогда подобного вопроса себе в своем творчестве не ставил.

— Так, так,— сказал он,— так и запишем. Все же вы со мной не совсем искренни, хотя я желаю вам только добра. Против вас вся пресса, и я мог бы вам помочь.

Коровин ответил ему, что наша пресса невежественна в вопросах искусства. Тем и закончился этот любопытный разговор.

А театры были по-прежнему полны, и в самой прессе наконец образовалось два враждебных лагеря, за и против Коровина, и публика также раздвоилась. На репетициях одни жали Коровину руку, другие мрачно молчали. Работа Коровина была периодом совершенно исключительного расцвета декоративного искусства на сцене императорских театров в Петербурге и Москве. Коровинские постановки были событием в истории балета.

Его сказочные пираты, испанки, испанцы и персианки были вовсе не реалистичны, вовсе не списаны с исторических и национальных костюмов. Театр не этнографический музей, говаривал Коровин. Эту мысль К. А. всегда проводил в своих постановках. Он считал, что театр не должен пассивно воспроизводить реальность; изображая лес, не следует тащить на сцену настоящую березу. Поставить действительные юрты и фигуры самоедов в подлинных костюмах не значит дать декорацию Севера. Всякий, кто вступает на этот путь, покидает путь художественного творчества. А театр должен всегда действовать средствами искусства. Художественная фантазия писателя, поэта, драматурга, юмориста, живописца никогда не должна ставить своей целью пассивно отразить то, что есть, или то, что когда-то было. Искусство берет свои образы, проблемы, идеи из действительной жизни, но оно поднимает их в план прекрасного, в совсем особый мир, и серый мир ежедневной реальности всегда лежит глубоко под ним.

Для бенефиса Шаляпина был поставлен «Демон». Фигуру Демона Коровин выполнил в стиле Врубеля, которого к тому времени уже не было в живых. Он хотел этим выразить уважение к памяти друга и восхищение его художественной трактовкой лермонтовских образов. Кавказ Коровин хорошо знал и удивительно передал родство кавказских скал, врубелевское изваяние демона и лермонтовскую лирику таинственного величия Кавказа. Вслед за «Демоном» он выполнил постановки следующих опер: «Руслан и Людмила», «Князь Игорь», «Хованщина», «Жизнь за Царя», «Град Китеж», «Русалка», «Салтан», «Золотой Петушок», «Кощей Бессмертный», «Снегурочка», «Евгений Онегин», «Богема», «Фауст», «Мефистофель», «Скупой рыцарь», «Майская ночь» и, наконец, все «Кольцо Нибелунгов». Балеты были поставлены: «Конек-Горбунок», «Золотая рыбка», «Спящая красавица», «Корсар», «Дон Кихот», «Раймонда», «Аленький цветочек», «Саламбо», «Баядерка», «Дочь Фараона», «Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Карнавал в Венеции», «Дочь Моря», «Эсмеральда». А в Малом и в Александринском в его декорациях были поставлены: «Ревизор», «Горе от ума», «Вишневый сад», «Живой труп», «Макбет» и «Буря».

Некоторые из этих постановок вызвали наконец всеобщее и полное признание.

ГЕНРИ РЕЗНИК,
член Президиума Московской городской коллегии адвокатов, кандидат юридических наук

НАПАДЕНИЕ НА ЗАЩИТУ

АДВОКАТУРА ВЫЖИЛА, НО СУМЕЕТ ЛИ ОНА ВЕРНУТЬ БЫЛЫЕ ТРАДИЦИИ?

20 ноября 1864 года в России были утверждены Судебные уставы. Они коренным образом реформировали всю систему правосудия, полностью преобразили уголовное и гражданское судопроизводство Российской империи. Был введен принцип независимости судей, гарантированный их несменяемостью; учрежден суд присяжных; установлена подсудность всего населения; предварительное следствие отделено как от полицейского сыска, так и от государственного обвинения; обеспечена состязательность сторон в суде, полностью уравнены в правах обвинение и защита. Создали Уставы и самостоятельную, отделенную от государства адвокатуру.

Мировой опыт свидетельствует: судьба адвокатуры зависит не только от организации судебной системы, ее определяют экономический строй и политический режим в стране. Уроки истории заставляют взглянуть на институт отечественной адвокатуры не только как составную часть Судебных уставов, но и в более широком аспекте великих реформ в целом.

В нашем обществоведении реформы 60-х годов XIX века[1] традиционно оцениваются с позиций философско-социологического подхода, сведенного в основном к социально-классовому анализу. Великие реформы подаются как уступка царизма нарождающемуся революционному процессу, обман трудящихся масс, хитрая уловка в интересах поместного дворянства и чиновничьего аппарата. Главным мотивом реформаторских настроений Александра II был якобы страх за себя, что реформы были вынужденным шагом царя.

Такие оценки нуждаются по меньшей мере в серьезном уточнении.

Великие реформы, на мой взгляд, порождение либеральных идей. Тех идей, которые звучали в «Великой хартии вольностей», которыми вдохновлялись творцы Конституции США 1787 года, которые воплощены в «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года, тех идей, которые и сейчас лежат в основе политической системы стран, совсем недавно презрительно клеймившихся у нас как страны продажного капитала, а ныне по праву называющихся цивилизованными.

С почтительным трепетом новообращенных произносим мы сейчас слова: «перестройка», «гласность», «застой», «общечеловеческие ценности». А ведь слова эти зазвучали в России в предреформенный период и введены в устойчивый оборот лидерами русского либерализма — Чичериным, Кавелиным, Самариным, Катковым, Аксаковым.

Так случилось, что судьба либеральной мысли в России оказалась трагичной. Идеи свободы и достоинства личности не привились на отечественной почве: постепенный, реформистский путь обновления страны, отстаиваемый либералами, не состоялся. Для нашей культуры вся либеральная ветвь общественной жизни второй половины XIX — начала XX века от Кавелина, Чичерина, Аксакова до Ковалевского, Новгородцева и Милюкова вымарана из исторической памяти. В официальной истории, созданной и постоянно подправлявшейся на потребу идеологии, о либералах упоминается лишь как о противниках революционеров-демократов, с которыми вел неустанную борьбу вождь «Современника» Чернышевский.

Само слово «либерал» употребляется в нашем новоязе исключительно в отрицательном, чуть ли не ругательном смысле. В словаре Ожегова (1988 г.) читаем: «Человек, который либеральничает, занимается вредным попустительством». В словаре иностранных слов (1989 г.) указывается, что определение либерала как свободомыслящего человека устарело.

Устарело, однако, лишь у нас. «Либерал — свободно мыслящий человек, желающий большей свободы народа и самоуправления». В таком значении употреблялось это иностранное слово в русском языке XIX века, точно так же понимается и сейчас за рубежом.

Философская основа либерального течения — конституционализм, концепция разделения властей, отрицание насилия в принципе. Для либералов особенно актуален идеал права, ограничение государственной власти с помощью конституции и представительных учреждений. Не случайно ведущие российские либералы Чичерин, Кавелин, Градовский — юристы.

Представители либеральной мысли глубоко понимали особую трудность пути России к демократии, к правовому государству. Им в значительно большей мере, нежели революционным демократам, был присущ историзм, учет особенностей России — политической и правовой отсталости населения, специфической системы ценностей, традиций и верований, самобытного образа мыслей и чувств. Много трезвее были они и в анализе политической ситуации в стране. В полной мере на уроках истории и прежде всего французском примере осознавали либералы страшные издержки революционного насилия.

Отсюда вывод о необходимости постепенного преобразования общественной системы, создания предпосылок для правового государства путем просвещения народа, развития местного земского самоуправления, преобразования государственных учреждений. Отсюда апелляция к просвещенному монарху, ибо иного варианта реформ, кроме проведения их сверху, считали либералы, в российской ситуации нет.

Как знать, если бы программа либералов, начатая великими реформами, получила дальнейшее развитие, может быть, по словам поэта, «все обойтись могло с теченьем времени, в порядок мог втянуться русский быт...».

Теперь мы, пройдя через ужасы гражданской войны, кошмары сталинской тирании и отупь брежневского безвременья, наконец начинаем понимать, что либеральные идеи свободы и права, длительное время третировавшиеся у нас как обветшалые буржуазные догмы, и есть те общечеловеческие ценности, которыми нужно измерять прогрессивность любых социальных перемен. Наши предшественники — русские юристы — поняли это значительно раньше. Откровением человеческих идей назвал великие реформы Анатолий Кони.

Но реформы 60-х годов оказались бы невозможными, если бы на престоле не воцарился в 1855 году император Александр II. Пришла пора признать исторические заслуги этого, без преувеличения, выдающегося государственного деятеля. Послеоктябрьская история отечества, идеологические пристрастия руководителей Советского государства, явная переоценка ими значения революционного насилия в процессе общественного развития, вкус к насилию как главному средству внутренней и внешней политики наложили отпечаток иа оценки исторических фигур. В этом причина того, что в официальной историографии Александр II, по воле которого во многом и были проведены обширные демократические преобразования, не числится в ряду великих российских государей, куда входят, скажем, Иван Грозный и Петр I, объединявшие державу и расширявшие ее пределы огнем и мечом. Между тем реформатор Александр II не только не уступает Петру I, но и, на мой взгляд, превосходит его.

Ломка, произведенная несокрушимой энергией Петра в государственном организме, вызывалась стремлением превратить Россию в могущественную военную державу, приобрести вес в Европе. Этой же внешней цели было подчинено внутреннее переустройство страны, желание дать ей порядок и просвещение. Петровские реформы опирались на принудительные меры и не были проникнуты тем гуманным духом, которым отличались реформы Александра II. В результате многие нововведения Петра еще при его жизни утратили свое значение и не привились вовсе на почве российской жизни. Удержалось лишь военное и до некоторой степени административное устройство, данное им России. Беззаконие во всех его видах и со всеми последствиями, процветавшее в период московской Руси, не было изжито крутыми мерами Петра и сохранялось в неприкосновенности при просветительских наставлениях Екатерины, благожелательных намерениях Александра I, суровых приказаниях Николая I. «Всуе законы писать, когда их не хранить или ими играть как в карты, прибирая масть к масти, чего нигде в свете так нет, как у нас было, а отчасти и еще есть, и зело тщится всякие мины чинить под фортецию правды». Напрасно эти образные, сильные слова красовались на зерцале, поставленном по велению их автора, перед судом. «Можно было подумать,— заметил выдающийся русский юрист, многолетний председатель Петербургского совета присяжных поверенных К. Арсеньев,— что указанный в них кривой путь не тот, которого должны избегать судьи, а тот, которого они вправе держаться: до такой степени процветала «игра» законами, до такой степени страдала от «мин» корысти и произвола «фортеция правды».

И лишь судоустройство и судопроизводство, основанные Судебными уставами Александра II на принципах гласности, состязательности, равноправия, выборности и несменяемости судей, смогли утвердить суд «правый, скорый, милостивый», существенно повлиять на состояние правопорядка в стране.

Сведения о выдающемся значении для государства независимого суда и судебного процесса Александр, будучи еще наследником, почерпнул из уроков Сперанского, занимавшегося с ним законоведением и судопроизводством.

Сохранились свидетельства современников о том, сколь большое значение придавал Александр II независимости судебной власти, незыблемости решений суда. Академик Никитенко занес в свой дневник такой факт: бывший в 1867 году министром внутренних дел П. А. Валуев, недовольный тем, что присяжные заседатели оправдали чиновника Протопопова, преданного суду за оскорбление действием вице-директора одного из департаментов, добивался отмены приговора, но не мог склонить к этому императора. Один из первых деятелей нового суда, П. Н. Обнинский, в своих воспоминаниях по делу о злоупотреблениях в Московском ссудно-коммерческом банке рассказал, как в 1876 году Александру через наследника было передано относящееся к этому процессу ходатайство. Александр ответил: «Это дело суда, и не нам с тобой в него вмешиваться».

Историческое развитие — это не только рост производства, техническое совершенствование. Оно немыслимо без нравственного прогресса. И для социально-нравственной оценки Судебных уставов важно, на мой взгляд, отметить, что они рождены к жизни доброй волей проникшегося идеями гуманизма и справедливости государя, а не явили собой вынужденную уступку деспота.

Для реформ, конечно, созрели серьезные объективные предпосылки. Отчетливо выявилась неспособность натурально-крепостнического хозяйства конкурировать с капиталистическим производством Запада, тревожным сигналом неблагополучия в армии прозвучало поражение в Крымской войне, в печальный обычай вошли нарушение законов, обиды и насилие, чинимые «сильными мира сего». И все же ситуации, определяемой известной формулой — «верхи не могут, низы не хотят»,— в российской действительности, на мой взгляд, не было. Угроза престолу отсутствовала, как отсутствовала массовая потребность реформ.

У народа, веками подвергавшегося угнетению, рабство, по словам Мирабо, изменяет все чувства, притупляет и развращает все ощущения, подавляет все таланты, смешивает все отличия, делает все сословия продажными. Создается социальное привыкание, чуждое всяким переменам, ибо утрачена сама способность думать и рассуждать. «Всюду царит произвол, смягчаемый, однако, всеобщим разгильдяйством» — такова предельно точная оценка ситуации в предреформенной России М. Салтыковым-Щедриным.

В подобной ситуации реформы, естественно, могут быть проведены только сверху. Так они и были проведены: самим царем вместе с горсткой либерально

[1] О реформах 1861 г. см. также статью Гавриила Попова, «Родина» №№ 1 и 2, 1989 г.

настроенных представителей государственного аппарата — «красных бюрократов» (так их называли, потому что они не отучились краснеть за дикости крепостничества), при отчаянном сопротивлении дворянства (реформы саботировались даже созданными самим царем комитетами) и почти полной пассивности крестьянства.

Зарудный, Ровинский, Буцковский, Стояновский, Ковалевский, Плавский. Имена творцов Судебных уставов ныне, увы, прочно забыты. Нам еще предстоит вернуть их из небытия. Это были широко образованные, прогрессивно мыслящие правоведы, государственные деятели, ученые и педагоги. Общественность воздавала им должное при жизни, с благодарностью вспоминали их имена последующие поколения русских юристов, портреты авторов судебной реформы запечатлел в своих прекрасных этюдах Анатолий Кони.

Каждому из них можно посвятить самостоятельное исследование. Совсем кратко расскажу лишь об одном — Сергее Зарудном. Ему был вручен первый отпечатанный экземпляр Судебных уставов — как лицу, которому судебная реформа в России более других обязана своим существованием.

Сын небогатого дворянина из Харьковской губернии, Зарудный, прежде всего благодаря тяге к знаниям и редкому трудолюбию, стал в ряды наиболее образованных людей своего времени. В совершенстве овладев несколькими иностранными языками, он перевел с итальянского знаменитое сочинение Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Заодно сделал перевод «Ада» Данте и издал сборник переведенных им на итальянский язык избранных стихотворений Пушкина, Лермонтова, Майкова, Кольцова.

Его монография «Об отделении вопросов факта от вопросов права» дала веские аргументы в пользу введения суда присяжных.

Зарудный более других настаивал на создании «сословия присяжных поверенных», ему в первую очередь были обязаны русские адвокаты тем, что образовали «вольную дружину» и стали сами решать свои судьбы. Сам термин «присяжный поверенный» придумал Зарудный, чтобы хоть как-то успокоить ретроградов, пугавшихся слова «адвокат».

Когда против реформы были исчерпаны аргументы по существу, в ход пошли испытанные возражения «практического плана». «Откуда мы возьмем адвокатов, у нас нет таких специалистов»,— замелькало на страницах газет. «В истории неоднократно было так,— отвечал Зарудный,— для крупного дела всегда найдутся крупные люди».

И нашлись! «Откуда явилось столько талантливых, знающих и честных людей, сразу сумевших освоиться с новыми, незнакомыми формами судопроизводства, возвысить судебное право и судейское звание»,— писал историк русского права.

В адвокатуру пришли образованные и одаренные юристы. Многие из них оставили престижную, хорошо оплачиваемую государственную службу: Александров, Андреевский, Поровиловский, Пассовер, Урусов ушли из прокуратуры, Спасович оставил профессорскую кафедру.

Лучшие русские адвокаты были разносторонне подготовленными людьми, блиставшими многими дарованиями и познаниями.

Спасович — видный теоретик уголовного права, литературовед. Арсеньев — почетный академик, критик и публицист. Андреевский — поэт и литературный критик. Карабчевский — поэт и прозаик. Куперник — знаток театра, глава Киевского драматического общества. Гаевский — ученый-пушкинист и литературовед. Урусов — литературный и театральный критик.

Русские адвокаты внесли собственный вклад в развитие института судебной защиты. Была создана новая школа судебного красноречия, чуждая внешних эффектов, напыщенной театральности, основанная на высоких нравственных требованиях к оратору, правдивости, искренности, личной скромности и тактичности. Разработан кодекс профессиональной адвокатской этики. Введен строгий контроль за качеством защиты по делам неимущих. Своей деятельностью — участием в судебных, особенно политических процессах, публичными лекциями, выступлениями в печати — русские адвокаты содействовали воспитанию народного правосознания, становлению правовой культуры населения.

Судебная реформа была единственной последовательной реформой, проведенной наиболее глубоко. Экономическая и политическая реформы получились куцыми, урезанными. Освобождение крестьян состоялось в компромиссном варианте, позволявшем помещикам на долгие годы отодвинуть вступление России на путь капиталистического развития. Не реализовалась центральная политическая идея — идея правового государства, в котором принудительно ограничивается сама принуждающая власть, утверждается примат правового закона по отношению к воле государства.

Половинчатость экономических и политических преобразований 60-х годов осознавалась многими передовыми людьми страны. Ожидалось дальнейшее развитие реформ.

Судьба распорядилась иначе. Реформистским устремлениям либералов чинились помехи и слева, и справа. Точку поставил факт с точки зрения истории случайный — убийство Александра II. Хотя случай был не случаен.

Погубила секретность: «Народная воля» строго конспиративно готовила покушение на царя — царь в глубокой тайне обсуждал с Лорис-Меликовым пути последующих реформ.

Правовое государство в России не осуществилось. Общество не получило ни конституции, ни парламента. На смену реформам Александра II пришли контрреформы Александра III. Возводимое Судебными уставами здание, оказавшееся одиноким среди громад старого режима, не осталось в неприкосновенности. Было нарушено единство суда: его функции в значительной мере перешли к органам административной власти. Выборный мировой суд заменили назначенные земские начальники. Значительно была сужена сфера действия суда присяжных, соответственно расширена компетенция суда с сословными представителями. Была поколеблена несменяемость судей. Гласность процесса поставлена в зависимость от усмотрения судебной администрации.

Массированную атаку повела реакция на адвокатуру. Было приостановлено формирование советов присяжных поверенных, корпоративная жизнь адвокатуры в большей части судебных округов замерла. Адвокатская деятельность отдана под надзор окружных судов, а затем поставлена под контроль министерства юстиции.

Власти сеяли недоверие к адвокатуре, реакционная печать полнилась нелепыми предрассудками, вздорными обвинениями в адрес адвокатов. После особенно боевых, бескомпромиссных защит некоторые видные правозащитники подверглись настоящей травле в прессе.

Чем дальше отдалялся момент строительного вдохновения 60-х годов, тем большего мужества требовала защита в судебных процессах. Многие адвокаты отходили от ведения уголовных дел, по существу, превращались в юрисконсультов банков, железных дорог, акционерных обществ, промышленников и купцов.

Советскую адвокатуру родил НЭП: «Положение об адвокатуре в РСФСР» принято в 1922 году. На рубеже 20—30-х годов обществу была навязана дискуссия: «Нужна ли нам адвокатура?» Тогда же оживленно дискутировалась другая проблема: «Нужна ли нам сатира?» Дискуссия о сатире завершилась сколь «глубокомысленными», столь и бесспорными выводами: «Нам нужна хорошая сатира, плохая сатира нам не нужна».

К подобным выводам привела и дискуссия об адвокатуре. Что такое хорошая адвокатура — было разъяснено в «Энциклопедии государства и права», появившейся в год «великого перелома». Разъяснить этот постулат взялся Вышинский, написавший в энциклопедии главу об адвокатуре. Неудавшийся присяжный поверенный в прошлом, Прокурор СССР в будущем, входивший во вкус палач — под его председательством уже были рассмотрены сфабрикованные «Шахтинское дело» и «дело Промпартии» — с ненавистью обрушивается на институт адвокатуры.

Она объявлена Вышинским насквозь буржуазным учреждением, а адвокаты «с началом и победой пролетарской революции — самым ярым контрреволюционным сословием». С нескрываемой враждебностью сталинский сатрап относится к самому термину «адвокатура». «Несмотря на то, что это «Положение» озаглавлено как положение об адвокатуре, адвокатуры в прежнем, дореволюционном понимании этого слова у нас нет и быть не может»,— категорично припечатал Вышинский. Несколько раз он считает нужным повторить, что «Октябрьская революция уничтожила адвокатуру в старом смысле слова». Явно тревожит его и память о порыве к свободе 60-х годов: «Пролетарская революция положила конец тем историческим традициям, которые бережно хранились ее (адвокатурой) учреждениями со времен эпохи «великих реформ» (пошли уже в ход кавычки.— Г. Р.) 1861—1864 гг.». А вот и цель столь настойчивых попыток оторвать советскую адвокатуру от всей предшествующей истории демократического института: по Вышинскому, «основная задача Коллегий защитников в отличие от старых адвокатских корпораций» не защита интересов граждан в уголовных и гражданских делах, а «обслуживание трудящихся масс при посредстве юридических консультаций», то есть проще говоря, дача советов по правовым вопросам. Ну, а если все же доведется адвокату оторваться от консультаций и появиться в суде, то, уверяет Вышинский, «на защитнике не лежит обязанность защищать своего клиента во что бы то ни стало. Защита в советском суде также служит интересам истины и государства, как и прокуратура, и суд».

После такого авторитетного разъяснения упоминания о русской присяжной адвокатуре надолго исчезли из общественно-политической и правовой литературы. Имена Спасовича и его товарищей были преданы полному забвению. Сборник судебных речей наиболее известных русских адвокатов опубликовали лишь в 1956 году.

Прискорбно, но участие советских адвокатов в сталинских политических процессах не имело ничего общего с блестящей защитой революционеров русскими правозащитниками: тотальный террор и страх сковали общество.

Но даже страшные 30-е годы не только позор, но и героические страницы советской адвокатуры. Московские адвокаты Амалентович, Лейст, Россельс предпочли репрессии позору и до конца выполнили свой профессиональный долг, участвуя в политических делах (защита, проведенная Россельсом, описана в рассказе Ильи Зверева «Защитник Седов»). Убежден: подобных случаев было больше — просто они нам неизвестны. Уверен: многое обнаружится, когда наконец начнет писаться история советской адвокатуры, к стыду нашему, до сих пор отсутствующая.

Софья Каллистратова, Дина Каминская, Семен Ария, Борис Золотухин — их смелые выступления на брежневских политических процессах 60—70-х годов показали верность лучшим традициям русской присяжной адвокатуры.

Состоялась перекличка времен, разделенных столетием. И там, и здесь адвокаты отстаивали право подсудимых — и в их лице всех граждан — на свободу мысли, свободу изъявления своих убеждений, свободу совести.

«Блуждание мысли,— говорил Спасович на процессе «193-х»,— вещь нигде и никогда не наказуемая с римских еще времен. Оно и у нас ненаказуемо, как политическое преступление».

«Я имею право утверждать, что наш закон не знает уголовной ответственности ни за убеждения, ни за мысли, ни за идеи, а устанавливает уголовную ответственность только за действия, содержащие конкретные признаки того или иного уголовного преступления... Если мотивы, своеобразие мнений и убеждений прокурор охарактеризовал как политическую незрелость и неустойчивость, то за политическую незрелость и неустойчивость нет уголовной ответственности» — это слова из речи Каллистратовой на известном «литвиновском» процессе.

Реакция властей последовала незамедлительно: исключение из коллегий, угроза уголовной ответственности, вынужденная эмиграция...

В последнем комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1985 года под редакцией тогдашних Генерального прокурора СССР и председателя Верховного суда РСФСР адвокатам-защитникам предлагалось убеждать отрицающего свою вину обвиняемого «в необходимости дать правдивые показания», а при безуспешности — строить защиту на признании виновности. То, что защитник, следующий таким рекомендациям, автоматически превращается в обвинителя, авторам комментария, очевидно, в голову не приходило.

Адвокатура выжила, выстояла, хотя, увы, и не без потерь. И вновь адвокаты в судебных процессах — о митингах и демонстрациях, о политических забастовках шахтеров и газетчиков — отстаивают права и свободы личности. Страна идет к независимому, демократическому правосудию. Вскоре адвокат будет допускаться в дело с момента задержания подозреваемого, придет суд присяжных...

Но случайно ли, что в печати вновь появились статьи с нападками на адвокатов, развернута целенаправленная кампания запугивания обывателя ростом преступности? Повышение ее уровня объясняется введением политических свобод, «лозунговым провозглашением презумпции невиновности», «чрезмерной гуманизации», «оправдательного уклона» в деятельности суда. Такие криминологически безграмотные утверждения в сочетании с манипулированием уголовной статистикой (замалчивается, что росту преступности 88—89-х годов предшествовал столь же резкий спад в 85—87-е годы и что нынешний уровень тяжкой преступности уступает уровню 82—83-х годов на 20 процентов) достигают цели: усиливаются нападки на демократические ценности, обостряется тоска по «железному порядку» и сильной руке.

Вспомню еще раз Спасовича, обратившегося к русским адвокатам: «Господа товарищи! Положение наше единственное в своем роде. Середины нет, и предстоят только два пути, расходящиеся в бесконечность под прямым углом».

Один путь — это прозябание в условиях деспотии, другой — достойная жизнь в правовом государстве.

ВИКТОРИЯ ЖУРАВЛЕВА

АМЕРИКАНСКИЙ ХЛЕБ ДЛЯ РОССИИ

В нашей стране сейчас много говорят и пишут о народной дипломатии. Новое понятие, обозначающее, казалось бы, новое явление. Но такое ли уж новое? Не было ли в истории отношений России с другими государствами подобных примеров в прошлом?

Его Превосходительству
Н. П. Шишкину

Вашингтон 1/13 мая 1892 г.

Милостивый Государь Николай Павлович,

...Я следил внимательно за течением филантропического движения американского народа в пользу голодающих в России, последнее проявление которого выразилось в отправке четвертого парохода с грузом хлеба в Россию. ...Ныне Генеральный Консул наш в названном городе (Нью-Йорк.— **В. Ж.***) уведомляет меня, что некто Клопш, редактор газеты «Кристиан геральд», собрал при посредстве друзей своего органа 1500 тонн муки, ... что составляет добрую половину груза обыкновенного торгового парохода ... и что пожертвования продолжают прибывать»,*— сообщал в МИД России К. В. Струве, русский посланник в США.

Вот уже почти сто лет хранятся в Архиве внешней политики России (АВПР), в фонде русского посольства в Вашингтоне, интереснейшие документы, которые никогда не публиковались, ведь в течение многих лет понятия «капитализм» и «милосердие» считались у нас несовместимыми. Между тем документы, сохранившиеся в АВПР, открывают одну из самых удивительных и малоизвестных страниц в истории русско-американских международных отношений. В конце XIX столетия в США развернулось истинно народное движение помощи русским крестьянам. В нем участвовали фермеры, мельники, банкиры, религиозные деятели, владельцы железнодорожных и морских транспортных линий, телеграфных компаний, газет и журналов, государственные деятели, журналисты, рабочие. Как ни удивительно, происходило это на фоне общего ухудшения отношений между двумя государствами, вызванного столкновением интересов России и США на Дальнем Востоке и обострением конкуренции на мировом хлебном рынке. Да и общественное мнение в США в конце прошлого века было настроено далеко не в пользу России: в Америке проходила мощная кампания по разоблачению деятельности царского правительства в отношении политических ссыльных, начатая прогрессивным американским журналистом Дж. Кеннаном, разворачивалась кампания в поддержку российских евреев в ответ на антисемитские действия официальных властей. Но все это не помешало пробиться и уцелеть росткам народной дипломатии.

...По сравнению с Россией, охваченной страшным голодом, эпидемиями чумы и холеры, США начала 90-х годов XIX века казались страной изобилия и благоденствия. Здесь был собран богатейший урожай пшеницы и кукурузы. Филантропическое движение в пользу голодающих русских крестьян зародилось в северо-западных штатах Америки. Организатором и вдохновителем этого предприятия был Уильям Эдгар, редактор «Северо-западного мельника», еженедельного коммерческого журнала, издававшегося в Миннеаполисе. С августа 1891 года он начал публиковать сообщения об угрожавшем России жестоком голоде. Взволнованные этими статьями американские граждане обращались к русскому посланнику в Вашингтоне с вопросами о размерах бедствия и предложениями помощи. А. Е. Грегер, временно поверенный в делах миссии, сообщал в ответ на эти письма: *«...ситуация в России следующая: 20 миллионов человек остались совершенно без средств к существованию в результате гибели урожая и страдают. Каждый мешок муки, каждый цент поможет умирающим от голода людям. Русские окажутся в неоплатном долгу перед вами и будут испытывать чувство глубочайшей благодарности, если вы организуете движение в пользу несчастных страдальцев...»*.

4 декабря Эдгар обратился к жителям США со страниц своего журнала: *«В нашей стране изобилия... подробности о голоде в России... воспринимаются с сомнением и недоверием... Самая несчастная собака, которая бродит по городским улицам Америки, питается лучше, чем русский крестьянин... Придите на помощь этому страдающему народу!»*

Редакция открыла подписку пожертвований, которая уже к 7 декабря дала 3 тысячи мешков муки (что составляет 15 вагонов) только от жителей Миннеаполиса. В депеше от 16/28 декабря Грегер сообщал министру иностранных дел Н. К. Гирсу: *«Ответ Вашего Превосходительства был немедленно сообщен в Миннеаполис, где была открыта подписка с целью собрать обещанную нам муку. Подписка эта, вращаясь среди хлеботорговцев и мельников, принесла по настоящую пору пожертвования, доходящие до 11/2 миллиона американских фунтов: т. е. свыше 45 тысяч пудов... В настоящую минуту желание жертвовать в пользу нуждающихся в России принимает характер народного движения»*.

Первоначально Эдгар предложил русскому правительству оплатить доставку груза из различных штатов в Нью-Йорк и отправку муки в Россию и получил согласие Министерства иностранных дел. Однако владельцы американских железных дорог объявили об освобождении этих перевозок от платы.

В конце декабря 1891 года сенатор штата Миннесота Вашбюрн обратился к морскому министру с предложением переслать пожертвования американских граждан в Россию на казенном судне. Была выработана совместная резолюция Вашбюрна—Трэси, которая получила поддержку президента Харрисона и большинство голосов в сенате (40 против 9). Зато в палате представителей при обсуждении этого вопроса развернулись бурные дебаты. Противники резолюции заявляли: демократическая Америка не может помогать такой деспотичной стране, как Россия. В конце концов палата представителей 165 голосами против 72 отказала морскому министру в ассигновании суммы в 100.000 долларов, необходимой для фрахта парохода. Вопрос об оказании федеральной помощи русским голодающим был отложен в результате голосования (93 против 78) на неопределенный срок. Таким образом, официальная Америка вполне ясно высказала свою точку зрения. Мнения правительства США и сторонников филантропического движения резко разошлись. И это не случайно. Если правительство превратило помощь русским голодающим в политическую проблему, то рядовые участники движения руководствовались христианской идеей общечеловеческого милосердия.

Возражая тем печатным органам, которые выступали против помощи деспотическому российскому режиму, Эдгар писал: *«Это вопрос не политики, это вопрос гуманности! Мы знаем, что 20 миллионов крестьян умирают от голода. И этого достаточно. Так сделаем же все, что от нас зависит, чтобы облегчить их страдания. Что же касается вопроса о русском правительстве, оставим его решение самим русским»*.

Минуя сенат и государственный департамент, американские граждане обращались непосредственно к официальному русскому представителю в США и к американскому посланнику в России, вели оживленную переписку о доставке и распределении собранного груза.

В сложившейся ситуации возникла необходимость создать Национальный комитет, который координировал бы деятельность участников движения по всей стране, действовал через центральную печать и довел до конца дело, начатое американским народом, отправив в Россию пароходы с продовольствием. Такой комитет был создан в середине января 1892 года под председательством Джона Хойта. Членами комитета помощи русским голодающим стали вице-президент США, верховный судья, пятнадцать сенаторов, спикер и многие члены палаты представителей, кардинал Соединенных Штатов, 13 епископов и архиепископов, 28 губернаторов штатов.

В начале февраля 1892 года в городе Филадельфия (штат Пенсильвания) возник еще один комитет помощи русским голодающим, а 22 февраля оттуда отправился в Либаву первый американский пароход для русского населения — «Индиана», на борту которого было 2.130.37 тонн муки и других продовольственных товаров. На подготовку этой акции потребовалось всего три недели благодаря помощи, которую ее организаторы получали буквально отовсюду. Так, председатель транспортного комитета Джон Конверс предложил от имени Международной судоходной линии свободный от уплаты фрахта пароход, угольная компания бесплатно засыпала бункеры корабля топливом, продовольственные компании снабдили экипаж бесплатным питанием на сумму в 75.000 долларов, команда парохода предложила бесплатно обслуживать рейс милосердия.

В марте, апреле и мае в Россию отплыли еще три парохода с хлебом.

Среди активных участников филантропического движения был и Клопш — редактор «Кристиан геральд» — одной из самых популярных в США религиозных газет. К этому времени он уже отправил часть собранной с помощью друзей своего издания муки на корабле «Коннемогх» и надеялся, что большую партию груза возьмет пароход «Тьюнхед». Но на судне не хватило места. Между тем пожертвования продолжали поступать. Поэтому Клопш обратился к генеральному русскому консулу в Нью-Йорке А. Е. Оларовскому, сообщил, что собрано 1500 тонн муки и все расходы по ее доставке из разных штатов в Нью-Йорк газета принимает на себя. Русскому правительству необходимо лишь переправить груз из США в Россию.

Получив донесение А. Е. Оларовского, К. В. Струве срочно телеграфировал в Министерство иностранных дел России. Ответ гласил: *«Имею честь уведомить Ваше Превосходительство на основании записки тайного советника Плеве, что пожертвования в пользу пострадавших у нас от неурожая в настоящее время могут принести пользу пострадавшим лишь денежные, так как их можно обратить на поддержание крестьянских хозяйств в местностях бывшего недорода; хлебные же грузы желательно не получать ввиду затруднительности своевременного распределения их по назначению.*

Подобный взгляд тайный советник Плеве имел случай выразить лично поверенному в делах вашингтонского правительства в С.-Петербурге. Что же касается до груза хлеба, собранного редакцией нью-йоркской газеты «Кристиан геральд», который по сообщению американского генерального консула в С.-Петербурге, будет отправлен в распоряжение петербургского генерального консульства Соединенных Штатов, то, несмотря на запоздание этого груза особому комитету неудобно будет отклонить принятие его, если он будет доставлен в Россию до 15 июня; тем не менее материальное участие нашего генерального консула в Нью-Йорке в отправлении морем как груза «Кристиан геральд», так и последующих, представляется нежелательным. Можно опасаться, что особый комитет не будет иметь возможности обратить по назначению такие грузы, которые придут в наши порты позднее 15 июня».

Чем объяснить такое изменение позиции царского правительства? Скорее всего тем, что к этому времени уже дали свои результаты меры, принятые для борьбы с голодом, возлагалась надежда и на новый урожай. Кроме того, Министерству финансов так не хотелось отпускать денежные средства на доставку муки, ведь предыдущие пароходы не стоили русскому правительству России никаких затрат! Но отказ официальных русских властей не смутил Клопша и его сторонников. В Нью-Йорке была срочно открыта подписка с целью сбора средств, необходимых для фрахта парохода. Она принесла почти 32 тысячи долларов. За 7 тысяч был зафрахтован пароход «Лео», на борт которого погрузили 2 130 800 фунтов пшеничной муки.

Картина филантропического движения будет неполной, если не сказать о тех денежных пожертвованиях, которые американские граждане отправляли на имя посланника США в России Э. Смита. В отчете Национального комитета приводятся такие цифры: *«38286,32 доллара — от торговой палаты города Нью-Йорка;*

7192,12 доллара — от Изабель Хапгуд из Нью-Йорка, собранные благодаря ее личным усилиям;

10396,32 доллара — от комитета штата Массачусетс;

2013,29 доллара — от общества Американских друзей русской свободы, Бостон;

2214,11 доллара — от штата Нью-Хэмпшир;

1000 долларов — от владельцев «Кристиан геральд»;

3992 доллара — от агентства штата Мичиган;

5000 долларов — от комиссионеров штата Айова;

3481 доллар — от Комиссии штата Южная Дакота;

10000 долларов — от Американского Общества Красного Креста».

К этому необходимо добавить 6 тысяч 500 долларов от генерала Боттерфильда и его супруги. Всего около 100 000 долларов.

Почему же русский голод вызвал такое широкое движение милосердия в США? Эдгар отметил: *«Примечательно, что именно те штаты, жители которых в определенный период их истории сами нуждались в помощи... первыми откликнулись на призыв своих русских братьев»*. Тот, кто сам страдал, быстрее всех поймет страдания ближнего.

Другие участники движения стремились отплатить добром за помощь, оказанную американцам русскими во время гражданской войны в США в 1861—1865 годах. Кроме того, народы России и Америки к концу XIX века ближе узнали друг друга; участились научные, экономические, культурные контакты; большую роль в этом сыграла деятельность в США русской революционной эмиграции.

Так или иначе, когда официальная Америка отказала в поддержке официальной России, американский народ помог русскому народу, помог великодушно, щедро и искренне, чем заслужил глубокую благодарность русских людей.

Михаил СОЛОВЬЕВ

КОМАНДИРОВКА В МОСКОВСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Москва, улица Горького. 1941 год.

В воскресенье, 22 июня 1941 года, я, аспирант истфака МГУ, с раннего утра готовился к экзамену и не выходил из дома. Около часа дня мать, войдя со двора, сказала мне:

— Война началась, люди по радио слыхали...

Увлеченный своими делами, я оглянулся, недовольно проворчал:

— Так она на Западе идет уже почти полтора года. Тоже нашли новость!

— Да нет, другая война... Говорю ж, по радио передавали... Нынче на рассвете немцы на нас пошли.

— Немцы? Фашисты? — До моего сознания медленно доходил весь грозный смысл слов, сказанных матерью.

Так как на военном учете я состоял в запасе второй очереди, то не был сразу призван в армию и поэтому уже 5 июля вступил в ряды 5-й народно-ополченческой стрелковой дивизии Фрунзенского района Москвы.

Сначала я исполнял обязанности политрука 3-й роты, а затем меня назначили инструктором политчасти полка по работе с местным населением.

Начальник политотдела дивизии Угрюмов, случайно узнав, что когда-то я работал редактором районной газеты, предложил наладить выпуск дивизионной многотиражки. Печатная машина, так называемая «американка», уже стояла на полуторке, бумага тоже имелась. Проблема только — наборы шрифтов. И вот в 20-х числах июля я поехал в Москву, чтобы с помощью Фрунзенского райкома ВКП(б) добыть шрифты в московских издательствах.

Явившись к секретарю Фрунзенского райкома партии Богуславскому, я попросил его снабдить меня письменным ходатайством в московские издательства.

— Ну как там, в дивизии, идут дела?

— Идут понемногу... Поторапливаемся строить оборонительные рубежи: роем окопы и противотанковые рвы, вкапываем надолбы и «ежи». Ну и, конечно, проходим строевую подготовку, осваиваем военную технику...

Богуславский слушал и одновременно пристально, как бы что-то прикидывая и оценивая, смотрел на меня. И вдруг спросил:

— Слушай, а как твои личные дела?

— Мои? — недоумевающе переспросил я.— Ну как... Вот налаживаю дивизионную многотиражку...

— Да я не про то. Как твои семейные дела, домашние?

— Да так, не очень важно... За 12 дней до начала войны умерла от рака моя жена... Сынишку и мать эвакуировал на юг, к сестре в Сальск... Ну и, как говорится, остался един, яко перст...

— Да, это печально,— сочувственно промолвил секретарь и, помолчав, загадочно добавил: — Что ж, все как будто подходяще... Знаешь что, зайди-ка ты завтра, часов в 10 утра, в райком, в комнату № 105. Меня может и не быть, но с тобой поговорит там один товарищ.

Назавтра меня встретил в комнате № 105 майор в форме НКВД. Он тоже заинтересовался моим семейным положением. Я повторил то, что сказал секретарю.

— Так, так... Давно в партии?

— С июня 1940 года.

— Образование?

— Высшее. Я историк.

Он помолчал немного и проговорил:

— Видите ли, какое тут дело... Я не могу сказать вам сейчас всего, но хотел бы узнать: имеете ли вы желание пойти на подпольно-партизанскую работу? Если не можете ответ дать сейчас, то прошу аас сказать определенно завтра.

— Заатра я уже уеду обратно в дивизию,— ответил я.— Но что мне думать? Коммунист работает там, где укажет партия.

На том мы и расстались.

А 6 августа меня вызвали в штаб дивизии и вручили распоряжение командира, генерал-майора Преснякова, откомандировать в распоряжение Московского городского комитета ВКП(б) для выполнения специальных аоенно-партийных поручений.

По прибытии в столицу я увидел, что по сравнению с июнем она теперь значительно крепче «изготовилась к бою». В нашем Фрунзенском районе, как и в других, на главных магистралях и площадях стояли пулеметные и артиллерийские доты, при въезде на заминированный Крымский мост в несколько рядов были врыты в землю бетонные надолбы и железные «ежи», с узкими проездами для трамваев и машин. В отдельных скверах торчали замаскированные ветвями стволы зениток, окна во всех зданиях заклеены бумажными крестами.

На следующий день я встретился с инструктором Фрунзенского райкома партии Прасковьей Матвеевной Лошаковой. Она сказала, что подбор кадроа «в наши группы» завершается и мы скоро приступим к делу.

В назначенный день мы, четверо незнакомых друг с другом людей, встретились в райкоме.

— Отвечать за пятерку поручено мне,— сказала Лошакова.— Группа будет именоваться «Народные мстители-205», сокращенно — «НМ-205». С момента перехода на нелегальное положение я буду для вас просто «Прасковья». Ни моей настоящей фамилии, ни моей работы в прошлом вы не знаете. Друг друга тоже будете называть только по имени. Сейчас вы подпишете обязательство хранить строжайше тайну работы в пятерке. Партбилеты сдайте мне сейчас, они будут храниться в райкоме. Для обмена паспортов принесите нужные фотокарточки. Вот, пожалуй, что надо на сегодня.

Я не выдержал, спросил:

— Так, значит, мы не будем,

судя по всему, вливаться в партизанские ряды?

— Нет, мы останемся в Москве как звено общемосковского подполья. Будем заниматься диверсиями, в том числе и вооруженными,— и добавила чуть дрогнувшим голосом: — Конечно, а том случае, если фашисты все-таки захватят Москву.

Мы были ошарашены этим известием. У нас даже в мыслях не укладывалось, что Москва может быть сдана врагам. В печатной и устной пропаганде подобная возможность начисто исключалась. А тут на тебе, сами партийные руководители предпринимают меры в предвидении оккупации столицы. Весть эта словно придавила нас к земле. Выходит, рукоаодители партии и государства допускали такую возможность, раз пошли на создание подпольной московской организации.

В начале сентября мы получили новые паспорта под другими фамилиями. Имена и отчества были оставлены прежние. Фрунзенский райисполком предупредил всех управляющих домами, что они должны по направлению жилотдела в квартиры эаакуироаанных селить тех москвичей, дома которых были разрушены фашистскими бомбами. Через несколько дней мы были прописаны по новым адресам.

В наших «легендах» старались придумывать как можно меньше. У меня биография осталась прежней, вплоть до окончания института. «Сам я с Кубани, казак по происхождению, окончил в 1928 году в Ростове-на-Дону педтехникум и некоторое время работал учителем. В 1937 году приехал в Москву и поступил учиться в инженерно-экономический институт». А дальше уже «легенда»: по окончании института я женился на москвичке и поэтому был оставлен в Москве. Некоторое время работал экономистом в Министерстве пищевой промышленности, а когда министерство было эвакуировано, устроился плановиком-экономистом на шелкоткацкий комбинат «Красная Роза», где и работаю сейчас. Проживал я с семьей в старом деревянном доме по 2-му Шибаевскому переулку. Когда я находился на работе, дом прямым попаданием авиационной бомбы был разрушен, и вся моя семья — жена, теща и трехлетняя дочь — погибла. (Дом по Шибаевскому был подыскан такой, который действительно уничтожила бомба, и большинство проживавших в нем людей погибли.) Так как я лишился жилой площади, то жилотдел поселил меня в доме по Зубовскому бульвару, где я и проживаю сейчас в квартире эвакуированного.

Таким образом, «легенда» была вполне благонадежной, беспартийно-нейтральной.

В райком мы теперь проходили со двора и спускались прямо в подвал, где был оборудован тир. Учились стрелять из пистолетов и автоматов, обращаться со взрывчаткой, изучали мины, как наши, так и немецкие, в том числе и магнитные. Метали финские ножи и военные тесаки, чтобы тихо расправляться с часовыми. Для этого мы обучались и приемам рукопашной борьбы дзюдо. Конечно, давалась «наука» нелегко: все мы были люди сугубо штатские.

Нередко мы бродили по району и тщательно, каждый на своем участке, изучали и запоминали (писать ничего нельзя было) все проходные дворы, здания, имеашие выходы как на улицу, так и во двор, подвалы с двумя выходами. Ведь мы должны были хорошо знать, в какую подворотню шмыгнуть, чтобы уйти от преследования. Мы проаеряли, каждый в своем доме, открыты ли на наших площадках чердачные люки, чтобы в случае нужды через чердак уйти от врагов.

Во время этих занятий меня иногда охватывало странное чувство какой-то раздвоенности. С одной стороны, я горячо радовался, когда 6 сентября наши войска отбили у фашистов Ельню, аплодироаал, сидя у репродуктора, когда в очередной сводке Совинформбюро гоаорилось об успехах наших воинов на фронте. А с другой — входя все больше и больше в «подпольный режим», мы как бы отдалялись от асех, уходили в другую, пока неизвестную нам, но опасную жизнь в оккупироаанной Москве. Мы не могли и не хотели смириться с мыслью, что столица может быть захаачена врагом, и а то же время делали все так, как будто это уже стало действительностью.

2 октября началось генеральное наступление на Москву. Напряжение в городе сразу возросло: усиленная эвакуация предприятий и учреждений, создавались коммунистические полки, комсомольско-молодежные истребительные отряды, которые забрасывались в тылы врага. В самой Москве пояаилось еще больше заградительных сооружений и огневых точек.

С 20 октября решением ГКО Москва была объявлена на осадном положении. И надо же было случиться такому, что именно в это время со мной произошло неприятное происшествие.

Зашел я в конце октября в домоуправление, чтобы получить продовольственные карточки на ноябрь, и с ходу натолкнулся на свою бывшую ученицу Марию Волкову. Она обрадовалась встрече, назвала меня по имени-отчеству и стала расспрашивать, где работаю, как живу. Я отвечал не очень-то связно, думая об одном: скоро ли она уйдет? И тут секретарь домоуправления громко назвала мою новую фамилию, сказала, чтобы я взял карточки. Волкова ошеломленно посмотрела на меня, а я, забрав карточки поспешно, кивнул ей и сразу ушел. Конечно, я тотчас же по условленному телефону сообщил обо всем Лошаковой, а та сказала нашему общерайонному руководителю, атором секретарю райкома партии Андрею Гавриловичу Терехову. Волкоаа действительно явилась в райком, уверяя, что я шпион. Там ей сказали, что держат меня под контролем, так что пусть она об этом никому не говорит, а то может испортить все дело. Больше я ее, к счастью, не видел.

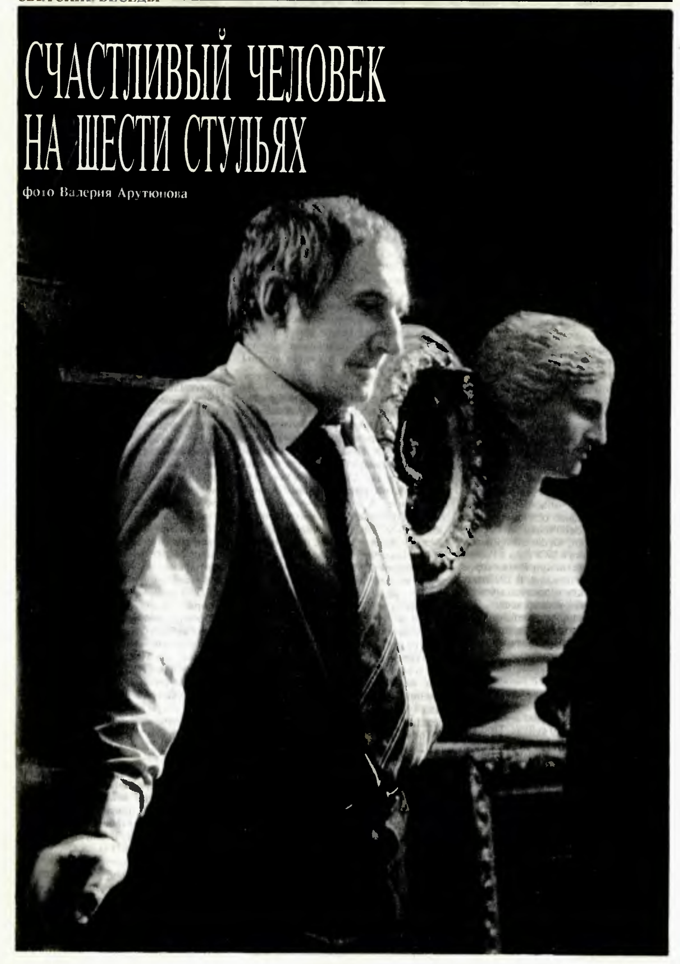
...Деятельность подпольных групп, в том числе и нашей пятерки, стала в эти дни особенно напряженной. Мы строже теперь соблюдали конспирацию и почти каждый вечер, после нашей «легальной» работы в учреждениях и на предприятиях, проходили двором в подвальный тир. В небольшом овощном магазинчике, стоявшем в тихом переулке, где работали директор и два продавца из нашей пятерки, был оборудован в подвале склад оружия и боеприпасов. Задним ходом мы принесли туда изрядное количестао мин, взрывчатки, автоматов и патронов к ним, пистолеты, несколько ручных и даже один станковый пулемет с запасом лент. Склад был накрыт невысоким деревянным щитом с крышкой и засыпан сверху большим количеством картофеля.

В ноябре немецко-фашистские войска нанесли свой второй удар. Прорваа в отдельных местах нашу оборону, они начали с севера и с юга охватывать столицу мощными клещами, чтобы замкнуть их на аостоке от Москвы. На северном участке фронта им удалось приблизиться к столице на расстояние до 28 километров. Внутреннее полукольцо сопротивления наших войск прогнулось еще больше и кое-где уже уперлось в самые пригороды столицы. Положение создалось крайне критическое.

Но операция немцев «Тайфун» с треском проаалилась. Наступление советских войск, начавшееся 5—6 декабря, привело к полному разгрому наступавших на Москву вражеских армий, и они были далеко отброшены из Подмосковья. Однако наша организация просуществовала, выполняя различные поручения военных и партийных органов, до марта 1943 года и была расформирована. Конечно, деятельность наша получилась не совсем «деятельной». Но ведь и прекрасно, что так вышло.

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК НА ШЕСТИ СТУЛЬЯХ

фото Валерия Арутюнова

В рубрике «Светские беседы» мы предлагаем вольные диалоги со знаменитостями. Нас будут интересовать вопросы, выходящие за рамки профессиональных забот и пристрастий,— все, что хочется знать любопытному человеку. Первый гость— Марк Анатольевич Захаров. Разговор с ним ведет театральный обозреватель нашего журнала Светлана Овчинникова.

С. О. Марк Анатольевич, почему вы не уезжаете? Особенно после постановки Шолом-Алейхема, когда стали получать угрожающие письма... Охлократический шабаш где-то на пороге.

Чего вы ждете? В любой цивилизованной стране человеку с вашим даром дорога открыта...

М. З. Знаете, я все-таки русский человек...

С. О. Сколько русских там живет!

М. З. У меня чувство Родины очень сильное. И, несмотря на весь ужас, который сейчас царит, я все равно Москву люблю. Хотя очень трудно ее нынче любить. Но у меня какое-то первобытное, первозданное, даже примитивное чувство. Я, можно сказать, даже квасной патриот. В прямом смысле слова. Думаю, если бы мы были порасторопнее, то, скажем, могли бы выпускать квас в таком же количестве, как американцы выпускают пепси-колу. Считаю, что это величайшая несправедливость — игнорировать такой превосходный напиток. Да если еще под водку...

С. О. Квас под водку?!

М. З. Водку запивать квасом холодным замечательно.

С. О. Тем более квас в магазинах пока есть... К слову, Марк Анатольевич, когда вы, простой советский депутат, главный режиссер и так далее, последний раз были в простом советском магазине?

М. З. На это есть такая у нас женщина. В связи с тем, что жена у меня часто бывает больна, дочь — актриса, сам я ношусь между Верховным Советом, театром, телецентром и ГИТИСом, то женщина приходящая немного помогает, мы ей, естественно, платим. Правда, бывают страшные мгновения в жизни, когда приезжают знакомые из-за рубежа. Которые там тебя принимали. И когда такой ужас надвигается, я прихожу к своим менеджерам-администраторам и говорю: «Ребята, помогите мне сохранить честь и достоинство ведущего советского режиссера...» И они там как-то чего-то достают...

С. О. Стало быть, по нынешним меркам вы буржуй, используете наемный труд...

М. З. Использую наемный труд... Ужасно! Почему-то, если у тебя шофер или домработница, это не считается у нас таким наемным трудом, который порочит человека. А вот если нанят человек, помогающий в созидании каких-то материальных ценностей, пусть нужных для народа, то это у нас вызывает презрение и разного рода негативные ощущения, вплоть до агрессивных, классовую вражду. Скажем, вы изобрели «кубик Рубика» и завели какую-то небольшую частную фирму, где вам помогают этот кубик делать, вот тогда это ужасно. И будет ужасно по крайней мере еще года три-четыре, я думаю.

С. О. Но у нас же весь труд наемный.

М. З. У нас нанимает государство... А вот если персонально глава фирмы, да когда еще его доход возрастает от успешной деятельности, тогда это вызывает раздражение... Вообще мы создали систему необыкновенную по своей анонимности. Я очень горжусь тем, что предсказал одно явление, когда произошло печальное крушение в районе Уфы, я сказал, что невозможно будет найти виновного. Нет фирмы, которая по заказу государства делала этот трубопровод. Конечно, можно кого-то наказать, но это не будет истинный виновник. Как нет персонального виновника Чернобыля. Виновна вся анонимно-тоталитарная система.

С. О. По известной формуле: коллективная ответственность ведет к коллективной безответственности.

М. З. Я сказал достаточно банальную вещь. Но, к сожалению, сложность ухода от этой системы связана с нашей психикой. С устройством нашего сознания. Очень сильно деформированного. Потому что поведенческие комплексы передаются по наследству...

С. О. Марк Анатольевич, для светской беседы мы взяли слишком мрачный тон... Давайте о другом. Вот вы «звезда»...

М. З. Нет, я просто популярный человек.

С. О. Не просто, а очень популярный в государстве человек...

М. З. Я бы слово «очень» убрал. Достаточно популярный — вот самое точное.

С. О. Не смею спорить, но, помимо множества всяких дел, вы ведете «Киносерпантин», а телевидение сегодня, как ничто другое, организует популярность. Это во-первых. Во-вторых, «достаточно популярный» — несочетаемо. Для кого «достаточно»?

М. З. Когда-то Погодин очень расстроился, приехав в Америку и узнав, что «Кремлевские куранты» и «Третья патетическая» не пользуются там широкой известностью. Кстати, очень быстро умер после этого потрясения. Для меня же как бы не было потрясением, что я не есть «звезда» планетарного масштаба, если вы настаиваете на слове «звезда», не есть режиссер планетарного масштаба. Там я известен как человек, который предложил похоронить Владимира Ильича Ленина по-человечески. Не так давно я был в Англии, куда меня пригласили весьма уважаемые люди. И когда меня представляли, то всегда говорили: это тот самый, что предложил похоронить Ленина, чтобы и дальше не превращать Мавзолей в филиал музея мадам Тюссо... А вот в отношении каких-то театральных заслуг или «Киносерпантина», который вы так высоко оцениваете, никакой вселенской радости не было.

С. О. Так что они про вас знают? Вообще про нас? Наверное, живи вы там и ставь там свои спектакли, все было бы несколько иначе. Они знают свой круг режиссеров, как мы знаем свой. И эти круги едва-едва начали соприкасаться. Разве не так?

М. З. Возможно, вы правы.

С. О. Мы же их тоже очень относительно знаем. Сколько там плохих режиссеров? Сколько плохих режиссеров оттуда ставят сегодня в наших, московских театрах?

М. З. Да, мы думали, что там все хорошее... Только хорошие режиссеры везде редкость.

С. О. Нина Агишева съездила в Чикаго, где с блеском проходил наш вахтанговский спектакль «Брестский мир». Но... на фоне их театров. Которые так плохи... У нас настолько развито это самоуничижение, которое паче гордости, что стало уже национальной чертой, и немножко страшновато... Но вернемся к вам. Я пытаюсь подсчитать количество ваших работ, должностей, кресел и постоянно сбиваюсь со счета. Мы сетуем на разгул дилетантства, но сколькими вещами можно заниматься одновременно и профессионально? Теперь вы еще избраны председателем... простите, президентом режиссерской ассоциации...

М. З. Замечательно, что не председатель, а именно

президент. Так это слово полюбилось всем... А когда аыбрали, начались разгоаоры: кто будет аходить в президентский совет, кто станет аице-президентом...

С. О. А совета федерации нет еще?

М. З. Совета федерации нет. Но это все рудименты нашего увлечения первыми шагами демократии, которые иногда приобретают характер почти детской игры. Хотя я надеюсь что-то сделать полезное в этой ассоциации. Чуть-чуть просветить людей, рассказать им о некоторых правовых нормах, принятых в цивилизованных странах и вообще вытекающих из Декларации о правах человека. Дать некоторые понятия об интеллектуальной собственности, о правах творческой личности, социально-правовых защитных механизмах...

С. О. Вы думаете, они заработают?

М. З. Они заработают, и то очень медленно, если у нас произойдут радикальные изменения в экономике. Сами по себе эти нормы праоаые не заработают, и мы останемся в средневековых иерархических структурах. Люди по-прежнему будут получать феодальное жалованье. Именно жалованье. Жалованье — и некоторые маленькие привилегии. Для, допустим, академического театра...

С. О. Почему же при этой иерархической структуре вы народный артист РСФСР, а не СССР? Ведь аш театр по рейтингу самый популярный.

М. З. Вы знаете, я так долго раздражал руководство так называемого застойного периода... Может быть, я выдаю какой-то секрет, но звание народного артиста РСФСР мне дали под нажимом Кирилла Юрьевича Лаврова, который вхож в высшие сферы. Теперь моя мечта — получить звание народного артиста СССР и... отменить все звания. Приятней бороться за их отмену со званием... Хотя я понимаю, что в столице ситуация одна, а где-нибудь на периферии другая, и звания там пока очень сильная защита для артистов. Это связано с жильем, с разного рода льготами.

С. О. Марк Анатольевич, итак, вы народный артист, художественный руководитель — директор Ленкома, ведущий «Киносерпантина», член Верховного Соаета СССР... Еще?

М. З. А еще я исполняю обязанности профессора на кафедре режиссуры в ГИТИСе. Поскольку профессором пока не стал, меня только представили. Я уже говорил: в застойный период очень задержался в продвижении по нашим чинам. Но не обидно. Эфрос у нас тоже ушел из жизни... Я сказал «тоже»? Странно. Как будто сам заатра умру... Нет, еще не завтра... Или вот Юрий Петрович Любимоа — он десятилетия все заслуженный артист. А один из очень способных режиссеров, который, по-моему, много сделал для стимуляции нашей театральной культуры — Анатолий Васильев,— вообще без звания.

С. О. У нас кто смел, тот и съел...

М. З. Может быть... Вы затронули такую деликатную тему... не тщеславия, а как бы сказать помягче, не так обидно...

С. О. Может быть, честолюбия?

М. З. Да, честолюбия получше... Так вот, я испытал некоторую печаль, когда один очень популярный артист, из ранга «звезд», получил звезду Героя Социалистического Труда. С одной стороны, я порадовался за него, а с другой стороны... Так что предел моих мечтаний — это получение звания народного артиста СССР. Тем более что, когда меня обсуждали на апрельском Пленуме по поводу того, что я предложил похоронить Ленина по-человечески, я там был назван народным артистом СССР. По ошибке.

С. О. Ну, зато вы народный депутат СССР. К тому же, по-моему, единственный из наших театральных деятелей, кто работает в комитете...

М. З. Это опять-таки был романтический период, когда мне казалось, что съезд народных депутатов — это больше, чем компания выборщиков. Но, к сожалению, я ошибся, потому что это плохо управляемое, сумбурное, немного хаотичное временное образование, которое потом должно уйти. Замениться прямыми выборами в профессиональный парламент. Без сословного разделения. Вот мы не можем сейчас от этого уйти, это тоже наш комплекс, который плотно сидит в мозгу: кто ты — крестьянин, служащий, мещанин, дворянин...

С. О. Не дай Бог, интеллигент...

М. З. Не дай Бог, интеллигент. Или аппаратчик. В современном постиндустриальном обществе таких сословий плотных быть не может. Ничего не стоит мне пойти и завтра стать, допустим, рабочим. И иметь тогда моральное право выступать от имени рабочих... Вообще это все очень зыбко, очень непрофессионально. Это некая волна правового дилетантизма, которая, к сожалению, у нас захлестнула почти всех.

С. О. Но, мне кажется, одно великое дело сделали и съезд, и Верховный Совет: они дали целую генерацию лидеров, которых даже представить в нашей стране после ее долгого и трудного режима было невозможно...

М. З. Согласен. Самое приятное, что я увидел офицеров, таких, как Лопатин. Не думал, что в Вооруженных Силах могут быть такие люди... И увидел много молодых, которые прошли частокол выборов. И у них была возможность выступить с трибуны.

С. О. А у нас узнать, что есть такие люди. Правда, испугались их, стали давить, передвигать и прочее.

М. З. Но тем не менее сейчас их раздавить уже сложно. Хотя еще можно, наверное...

С. О. Мы остановились, по-моему, на том, что вы профессор ГИТИСа. Еще секретарь Союза театральных деятелей, народный депутат и член комитета по культуре, науке, образованию и воспитанию. Да, еще книгу написали. Причем не первую. А если добаaим, что вы в свободное время снимаете фильмы, то возникает вопрос...

М. З. Нормальный ли человек?

С. О. Да. Может быть, гуманоид?

М. З. Честно сказать, это был тоже романтический порыв, связанный с перестройкой. Он и привел к такому нагромождению дел, которые я как бы возглавляю... На самом деле, конечно, я прежде всего режиссер и от всего, кроме театра... ну, «Киносерпантина» еще... еще ГИТИСа... Верховного Совета... ну, от всего остального я стараюсь постепенно отступать...

С. О. Вы же согласились возглавить режиссуру в Союзе? Это называется отступать?

М. З. Это называется: художник противоречив. Говорит одно, делает другое. Я человек, конечно, подверженный неким слабостям. Во мне есть природная, очевидно, активность и некий штурмовой энтузиазм. И период лени, периоды раскачки, желания сегодня не делать то, что можно отложить на завтра. Поэтому я не хочу себя идеализировать и отношусь с иронией к собственным возможностям. Я действительно человек невысокой организованности.

С. О. И поэтому вы опровергли Козьму Пруткова?

М. З. Как это?

С. О. У него есть такая формула: нельзя объять необъятное. А вам это, похоже, удается. И, главное, удается еще и спектакли ставить не худшие...

М. З. Может быть, в основном-то я и думаю о спектаклях.

С. О. А чего вы больше всего хотите? Кроме звания народного артиста СССР?

М. З. Я бы хотел, чтобы театр наш еще некоторое время пребывал в состоянии, в котором пребывает сейчас. Несмотря на все его недостатки, он все-таки пользуется успехом и хорошо посещается. И большинстао артистов ценят свое пребывание в нем. То есть

театр пока живой. Хочу продлить его жизнь. Хотя понимаю, что это невозможно...

С. О. Почему?

М. З. Потому что театр — это очень хрупкое сооружение. Которое имеет свое начало, свой расцвет, апофеоз, если удается до этого добраться, а потом угасание.

С. О. Как человек...

М. З. Как все живое, да. Но пока, мне кажется, я еще угадываю, что надоело зрителю, чем он сыт, чего ему уже не хочется видеть, но что бы он увидеть хотел. Приблизительно. Хотя жить неинтересно, если заранее знаешь, что надо сделать для успеха.

С. О. Очередной парадокс Захарова?

М. З. Скорее, ирония. Прежде всего в отношении самого себя. Просто я очень боюсь некоторых режиссерских болезней. Я, вероятно, все равно ими болею, но иногда в ослабленной форме. Безапелляционность, амбициозность, какие-то пророческие интонации, мессианское ощущение — все режиссерские хвори. Самоирония тут помогает. Это лекарство, которым я пытаюсь себя как-то защитить и продлить свою профессиональную форму.

С. О. Но это лекарство нельзя выписать и купить в аптеке. Потому что оно как талант. Дано или не дано...

М. З. Помогает и то еще, что я, как мне кажется, умею в себе подавлять — довольно легко и быстро — раздражение, которое вызывает молодежь. Когда за пятьдесят — это существенно. Я стараюсь помнить формулу, как ни странно, Троцкого: молодежь — барометр. Важно, как ты относишься к людям молодым, на тебя не похожим. Еще, наверное, хотя это уже профессиональное качество, понимание, когда больше нельзя лениться, надо действовать и совершать какие-то энергичные поступки. Я имею в виду все-таки театр прежде всего..

С. О. Вы говорите о том, что в Захарове-человеке помогает Захарову-художнику... А что-нибудь мешает?

М. З. Недостаток воли, неумение организовать правильно себя и саою жизнь. Излишняя спонтанность. Но ведь это заложено в нас. У меня 25 процентов еврейской крови, но, в общем, я русский челоаек. Такой, на клеточном уровне. А русский человек, он ведь сформироаался на равнине бескрайней, ему чувство формы (это объяснили наши великие философы и историки) дается с трудом. А раз чувство формы — значит, следом и чувство ритма, права, процедуры, организации... Бердяев говорил: мы страна откровения и вдохновения. Как раз откровение и вдохновение нам даются, несмотря на все сложности. Хотя сейчас определенно не самый лучший период, тем не менее в искусстве Россия всегда была сильна, и Москва продолжает оставаться одной из театральных столиц мира. А уж стык веков, это даже плохо объяснимо: почему Россия дала столько всего миру? Почему был такой взрыв во всех сферах и духовного, и эстетического, и даже материального? Тогда железные дороги строили лучше американцев...

С. О. Марк Анатольевич, светской беседы у нас не получается: вы постоянно погружаетесь в философию, историю...

М. З. Да, излишний крен какой-то есть.

С. О. Ну, а по дому вы какую-нибудь работу делаете? Вот депутат Собчак сам выбивает ковры, за что ему в Ленинграде дали справку, что он хороший человек, не интеллигент...

М. З. Сейчас ценность каждой минуты депутата Собчака такова (мне захотелось покритиковать депутата Собчака, потому что он наш общий любимец), что выбивать ковры — это преступление перед народом. Это все равно как Владимир Ильич Ленин, сидящий в очереди к парикмахеру. В школе нам об этом рассказывали как о великом подвиге скромности, который должен нас очень просветить и вдохновить на праведную, счастливую жизнь. Я же считаю, что это от бескультурья. Как, например, отмена денег первым Советским правительством. Что повторил Пол Пот в Камбодже. Изаестно, чем это кончилось. И у них, и у нас. Поэтому утверждать, что у нас было самое просвещенное, самое образованное правительство (я читал это неоднократно), вряд лн справедливо...

С. О. Оно считается самым культурным, видимо, потому, что Луначарский был образованным человеком...

М. З. Правда, ему нанес мощный удар Солженицын в книге «Ленин в Цюрнхе», в примечаниях приведя его настоящую фамилию: Власов. Если человек, допустим, Чарский,— ладно, а когда он соединяет и луну, и чары и делает из этого псевдоним, то говорить асерьез о его эстетических воззрениях не приходится. Мы его очень идеализировали в свое время.

С. О. Но это все же не то, когда ткачиха в министрах культуры, химик, экономист...

М. З. Да, вы правы. Но все так быстро меняется. Я тоже меняю свои воззрения. У меня был такой период, правда, короткий, когда я Бухарина считал героем. А потом удалось более внимательно прочесть и познакомиться со асем тем, что он делал. У нас есть такие загадочные фигуры. Кироа, например... Вроде бы он само совершенство, обаяние, а если разобраться...

С. О. Где-то, кажется, в «Московских ведомостях», сравнили Гидаспова с Кнроаым...

М. З. Не читал. Но, возможно, такое сравнение имеет право на существование... Вы лишний раз мне напомнили, что надо постепенно от политики отходить. Во-первых, появились профессионалы, обладающие настоящим глубоким образованием, следовательно, собственные наши дилетантские помыслы и домыслы в области политики делаются уже менее значнмыми.

С. О. Но сейчас опять призывают к тому, чтобы в наших политических и государственных органах как можно больше было рабочих и крестьян. Видимо, это наиболее зрелые и профессиональные политики...

М. З. Нааерное, мы единственное государство, где придается такое значение понятию «человек труда» и «человек не-труда».

С. О. И самое интересное, что у нас челоаеком труда считается тот, кто вкалывает физически... Марк Анатольевич, вы эгоист или альтруист?

М. З. Наверное, эгоист.

С. О. А кто сегодня нужнее?

М. З. По-моему, эгоисты. Эгоизм может стимулироаать деловые качества...

С. О. Мне иногда, особенно когда смотрю «Киносерпантин», кажется, что вам скучно с людьми, что они вам неинтересны. Что вам маетно разговаривать с другими, потому что аы умнее.

М. З. Нет, не умнее. Я могу, поскольку я бывший артист, казаться умнее. Делаю вид, что о чем-то задумался, а на самом деле в голове ни одной мысли.

С. О. Нет, у вас такой вид: ну, поговори, поговори, дорогой... На экране асе видно. И нельзя же сыграть речь. Ее за аас, как я понимаю, никто не пишет. Вы импровизируете...

М. З. Если честно, то импровизировал я первое аремя, а последнее время меня несколько стало тревожить, что импровизация иногда не получается. Поэтому я стал готовиться, придумывать какие-то тезисы...

С. О. Судя по телеэкрану, вам и а жизни со всеми немного скучно... Вы что-нибудь а людях любите?

М. З. Я думаю, что сейчас, может быть, самое ценное — это хорошее образование. Когда удается пообщаться с хорошо образованным человеком, воспринимаю это как некий подарок. Потому что иногда просто

физически ощущаешь ту деградацию, в которую мы впали, уничтожив элиту российского общества. В Моссовете при вручении выпускникам золотых медалей я сказал: будет советский рубль конвертируемым или не будет, будут ли девальвация, подорожание, подешевление, в любом случае настоящее образование — это тот единственный капитал, что не подвержен никаким изменениям.

С. О. Жаль, ненаследуемый...

М. З. Если жизнь будет лучше, то и культура семейных традиций в какой-то степени восстановится, будет и благополучие, и порядок, и забота о подрастающем ребенке. Тогда и интеллект может передаваться. Как опыт, как склонность к какому-то познанию, как нравственные идеалы...

С. О. Если бы да кабы...

М. З. Я понимаю, что тут к Всевышнему взывать бесполезно. Тем более народному депутату. Тем более некрещеному.

С. О. А почему некрещеному?

М. З. Если бы я сейчас родился...

С. О. Креститься в любом возрасте не возбраняется.

М. З. Я понимаю. Но есть какая-то суета в этих запоздалых крещениях...

С. О. Беда, что это в моду превращается...

М. З. Вы правы. Но, может, это и не самая плохая мода. Даже с самых примитивных материалистических позиций ритуал и молитва — благое дело. Если человек и не проникнется какими-то высокими идеалами, то все равно это какой-то толчок к совершенству, к созиданию себя самого.

С. О. Марк Анатольевич, а вы счастливый человек?

М. З. «Счастливый человек» — так, наверное, может про себя сказать дурак... Как-то так все приучены, что живем завтрашним днем. То есть я с вами разговариваю, мне очень с вами приятно, но все же сегодняшний день — он не главный, вот завтра... А завтра я почувствую: нет, главное будет послезавтра... Это все маниловщина, очень нам свойственная. Но я все-таки считаю себя счастливым человеком, потому что у нас столько людей вынуждены заниматься делом нелюбимым. Ну и, разумеется, тяготиться им. Я, слава Богу, нашел свое. Наверно, очень надо это ценить и благодарить судьбу, Бога, родителей, ангела-хранителя, не знаю, еще кого благодарить, что так получилось. В Ленинграде я однажды встретил очень молодого милиционера, который узнал меня по «Киносерпантину» и задал несколько очень сложных вопросов. Он спросил, можно ли вообще заниматься с удовольствием нелюбимым делом. Я подумал, — что вот труд землепашца очень тяжел. Но если у тебя есть любимая семья и ты кормилец, то, наверное, можно получать и радость от труда достаточно тяжелого. Но эта радость — для истинного человека, который с землей связан на космическом уровне. А человек, который считает себя неудачником, в какой-то степени люмпеном, очень тяготится, и жизнь его несчастна. Она его может подвигнуть на всякого рода печальные поступки.

С. О. Так люмпенов и поставят под ружье, когда дело дойдет...

М. З. Да, наверное. Недавно в «Известиях» один доктор исторических наук сказал, рассуждая, какой мы социализм строили: гуманный, демократический, развитой и т. д., он сказал — люмпенский. И вместе с Михаилом Ульяновым мы в статье своей в «Советской культуре» об интеллектуальной собственности процитировали это. Потому что слишком много люмпенов...

С. О. Значит, вы считаете, что достаточно любимой работы — и это уже счастье. Но чего-то не хватает, чтобы сказать: счастливее меня нет человека на свете...

М. З. Мне бы очень хотелось, чтобы у меня был внук. Испытать это чувство, потому что по некоторым своим знакомым я видел, что любовь бывает разной градации: страсть, как у Отелло или Ромео и Джульетты... А внуки — это провокаторы запредельного чувства... Хотя теперь и это превращается в повод для беспокойства. Мне страшно. Очень большой риск — по разным причинам. Политика, экономика, экология...

С. О. А вдруг помогут Кашпировский, Чумак? Вы в них верите?

М. З. У меня к ним двойственное отношение. Я понимаю, что человек может быть целителем фантастического уровня. Если он не организует какую-то фирму с большим финансовым размахом, тут у меня набегают разного рода сомнения... Многовековой опыт восточной медицины говорит, что надо быть очень осторожным в отношении разного рода целебных акций, надо соблюдать какие-то очень тонкие и деликатные позиции, чтобы целебная сила осталась и могла приносить пользу людям... Немного разочаровала и встреча с Кашпировским в «Современнике». Выяснилось, что у него плохая речь, он плохо говорит, какой-то примитивностью пахнуло... И никакого чуда он не продемонстрировал... Но что касается разных вещей, которые выходят за пределы нашего бытового понимания, в это я верю. Даже в левитацию. Возможности человеческого организма почти безграничны, некоторым людям, обладающим особым даром, удавалось нарушить даже законы гравитации.

С. О. Марк Анатольевич, в «Киносерпантине» вы часто открываете и цитируете Коран...

М. З. Коран мне очень хотелось понять и изучить. Советский Союз состоит во многом из народов исламского вероисповедания. Если мы впрямь чувствуем себя многонациональным государством и еще какое-то время будем чувствовать, мы обязаны относиться с уважением и вниманием к любой религии и культуре. Хотя, конечно, у меня христианские источники вызывают более сложные ощущения, что естественно, потому что корни идут оттуда, это близко, родственно. И связано со многими позитивными эмоциями. Я уж не говорю о мыслях.

С. О. Марк Анатольевич, можно я задам хоть один светский вопрос?

М. З. Задавайте, конечно. Все, что хотите.

С. О. Как вы отнеслись к тому, что «Экран и сцена», в материале о «Киносерпантине», сравнил вас с Остапом Бендером?

М. З. Не заметил. Если бы заметил, то даже обиделся бы... Все-таки я не Остап Бендер. Мне очень многие вещи не удаются как раз на бытовом уровне. По-моему, у Ежи Леца есть замечательное выражение. Такое приблизительно: «Иногда требуются гигантское мужество и напряжение всех волевых качеств, чтобы сказать парикмахеру: «Пожалуйста, без одеколона...»

С. О. Вы сказали, что обиделись бы... Вас задевает то, что пишут о вас?

М. З. Умом я понимаю, что не надо обижаться. Но сказать, что так вот умею... Нет. Нет. Все-таки, когда меня кто-то хвалит в печати, я маленькую радость, но испытываю. Хотя понимаю, что художник должен быть независим, относиться ко всем суждениям так, как учил Александр Сергеевич Пушкин. Но мне это не удается. ■

ИВАН ИЛЬИН:

«БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ БЛАГОДАРНЫМ СЕРДЦАМ»*

Без любви

(из письма к сыну)

Итак, ты думаешь, что можно прожить без любви: *сильною волею, благою целью, справедливостью и гневной борьбой с вредителями?* Ты пишешь мне: «О любви лучше не говорить: ее *нет* в людях. К любви лучше и не призывать: кто пробудит ее в черствых сердцах?..»

Милый мой! Ты и прав, и не прав. Собери, пожалуйста, свое нетерпеливое терпение и вникни в мою мысль.

Нельзя человеку прожить без любви, потому что она *сама в нем просыпается и им овладевает.* И это дано нам *от Бога и от природы.* Нам не дано произвольно распоряжаться в нашем внутреннем мире, удалять одни душевные силы, заменять их другими и насаждать новые, нам не свойственные. Можно воспитывать себя, но нельзя сломать себя и построить заново по своему усмотрению. Посмотри, как протекает жизнь человека. Ребенок применяется к матери — потребностями, ожиданием, надеждою, наслаждением, утешением, успокоением и благодарностью; и когда все это слагается в первую и нежнейшую любовь, то этим определяется его личная судьба. Ребенок ищет своего отца, ждет от него привета, помощи, защиты и водительства, наслаждается его любовью и любит его ответно; он гордится им, подражает ему и чует в себе его кровь. Этот

* Отрывки из книг «Путь к очевидности» (1957 год) и «Поющее сердце» (1958 год).

голос крови говорит в нем потом всю жизнь, связывает его с братьями и сестрами, и со всем родством. А когда он позднее загорается взрослою любовью к «ней» (или соответственно она к «нему»), то задача состоит в том, чтобы превратить это «пробуждение природы» в подлинное «посещение Божие» и принять его, как свою судьбу. И не естественно ли ему любить своих детей тою любовью, которой он в своих детских мечтаниях ждал от своих родителей?.. Как же обойтись без любви? Чем заменить ее? Чем заполнить страшную пустоту, образующуюся при ее отсутствии?

Нельзя человеку прожить без любви и потому, что она есть *главная выбирающая сила в жизни.* Жизнь подобна огромному, во все стороны бесконечному потоку, который обрушивается на нас и несет нас с собою. Нельзя жить *всем,* что он несет; нельзя отдаваться этому крутящемуся хаосу содержаний. Кто попытается это сделать, тот растратит и погубит себя: из него ничего не выйдет, ибо он погибнет во всесмешении. Надо *выбирать:* отказываться от очень многого ради сравнительно немногого; это немногое надо привлекать, беречь, ценить, копить, растить и совершенствовать. И этим строить свою личность. Выбирающая же сила есть *любовь:* это она «предпочитает», «приемлет», «прилепляется», ценит, бережет, домогается и блюдет верность. А *воля есть лишь орудие любви* в этом жизненном делании. Воля без любви пуста, черства, жестка, насильственна и, главное, *безразлична к добру и злу.* Она быстро превратит жизнь *в каторжную дисциплину под командой порочных людей.* На свете есть уже целый ряд организаций, построенных на таких началах. Храни нас Господь от них и от их влияния... Нет, нам нельзя без любви: она есть великий дар — *увидеть лучшее, избрать его и жить им.* Это есть необходимая и драгоценная способность сказать «да», принять и начать самоотверженное служение. Как страшна жизнь человека, лишенного этого дара! В какую пустыню, в какую пошлость превращается его жизнь!

Нельзя человеку прожить без любви и потому, что она есть *главная творческая сила человека.*

Ведь человеческое творчество возникает не в пустоте и протекает не в произвольном комбинировании элементов, как думают теперь многие верхогляды. Нет, творить можно, только *приняв богозданный мир,* войдя в него, вросши в его чудесный строй и слившись с его таинственными путями и закономерностями. А для этого нужны вся сила любви, весь дар художественного перевоплощения, отпущенный человеку. Человек творит не из пустоты: он творит *из уже сотворенного,* из сущего, создавая новое в пределах данного ему естества — внешне-материального и внутреннедушевного. Творящий человек должен внять мировой глубине и сам запеть из нее. Он должен научиться *созерцать сердцем,* видеть любовью, уходить из своей малой личной оболочки в светлые пространства Божии, находить в них *Великое — сродное — сопринадлежащее,* вчувствоваться в него и создавать *новое из древнего и невиданное из предвечного.* Так обстоит во всех главных сферах человеческого творчества: во всех искусствах и в науке, в молитве и в правовой жизни, в общении людей и во всей культуре. Культура без любви есть мертвое, обреченное и безнадежное дело. И все великое и гениальное, что было создано человеком,— было создано *из созерцающего и поющего сердца.*

Нельзя человеку прожить без любви, потому что *самое главное и драгоценное в его жизни открывается именно сердцу.* Только созерцающая любовь открывает нам *чужую душу* для верного, проникновенного общения, для взаимного понимания, для дружбы, для брака, для воспитания детей. Все это недоступно бессердечным людям. Только созерцающая любовь открывает человеку его *родину,* т. е. его духовную связь с родным народом, его национальную принадлежность, его душевное и духовное лоно на земле. Иметь родину есть счастье, а иметь ее можно только любовью. Не случайно, что люди ненависти, современные революционеры, оказываются интернационалистами: мертвые в любви, они лишены и родины. Только созерцающая любовь открывает человеку доступ *к религиозности, к Богу.* Не удивляйся, мой милый, безверию и маловерию западных народов: они приняли от римской церкви неверный религиозный акт, начинающийся с воли и завершающийся рассудочной мыслью, и, приняв его, пренебрегли сердцем и утратили его созерцание. Этим был предопределен тот религиозный кризис, который они ныне переживают...

Да, в людях мало любви. Они исключили ее из своего культурного акта: из науки, из веры, из искусства, из этики, из политики и из воспитания. И вследствие этого современное человечество вступило в духовный кризис, невиданный по своей глубине и по своему размаху. Видя это, понимая это, нам естественно спросить себя: кто же пробудит любовь в черствых сердцах, если она не пробудилась от жизни и слóва Христа, Сына Божия? Как браться за это нам, с нашими малыми человеческими силами?

Но это сомнение скоро отпадает, если мы вслушаемся в голос нашего сердечного созерцания, уверяющего нас, что Христос и в нас и с нами...

Нет, мой милый! Нельзя нам без любви. Без нее мы *обречены* со всей нашей культурой. В ней наша надежда и наше спасение...

О справедливости

С незапамятных времен люди говорят и пишут о справедливости: может быть, даже с тех самых пор, как вообще начали говорить и писать... Но до сих пор вопрос, по-видимому, не решен,— что такое справедливость и как ее осуществить в жизни?..

Каждый из нас желает справедливости и требует, чтобы с ним обходились справедливо; каждый жалуется на всевозможные несправедливости, причиненные ему самому, и начинает толковать справедливость так, что из этого выходит *явная несправедливость в его пользу.* При этом он убежден, что толкование его правильно и что он «совершенно справедливо» относится к другим; но никак не хочет заметить, что все возмущаются его «справедливостью» и чувствуют себя притесненными и обойденными. Чем скуднее, теснее и насильственнее жизнь людей, тем острее они переживают все это и тем труднее им договориться и согласиться друг с другом. В результате оказывается, «справедливостей» столько, сколько недовольных людей, и единой, настоящей Справедливости найти невозможно. А ведь, строго говоря, только о ней и стóит говорить.

Это означает, что интересы и страсти искажают великий вопрос, ум не находит верного решения, и все обрастает дурными и ловкими предрассудками. Из предрассудков возникают ложные учения; они ведут к насилию и революции; а революции приносят только страдания и кровь, чтобы разочаровать и отрезвить людей, оглушенных своими страстями. Так целые поколения людей живут в предрассудках и томятся в разочаровании; и иногда бывает так, что самое слово «справедливость» встречается иронической улыбкой и насмешкой.

Однако все это не компрометирует и не колеблет старую, благородную идею справедливости, и мы по-прежнему должны противопоставлять ее всякой бессовестной эксплуатации, всякой классовой борьбе и всякому революционному уравнительству. Мы можем быть твердо уверены, что ей принадлежит будущее. И все дело в том, чтобы верно постигнуть ее сущность.

Французская революция восемнадцатого века провозгласила и распространила вредный предрассудок, будто люди от рождения или от природы «равны» и будто вследствие этого со всеми людьми надо обходиться «одинаково»... Этот предрассудок *естественного равенства* является главным препятствием для разрешения нашей основной проблемы. Ибо сущность справедливости состоит именно в *неодинаковом обхождении с неодинаковыми людьми.*

Если бы люди были действительно равны, т. е. одинаковы телом, душою и духом, то жизнь была бы страшно проста и находить справедливость было бы чрезвычайно легко. Стоило бы только сказать: «одинаковым людям — одинаковую долю» или «всем всего поровну» — и вопрос был бы разрешен. Тогда справедливость можно было бы находить арифметически и осуществлять механически; и все были бы довольны, ибо люди и в самом деле были бы, как равные атомы, как механически перекатывающиеся с места на место шарики, до неразличимости одинаковые и внутренно и внешне. Что может быть наивнее, упрощеннее и пошлее этой теории? Какое верхоглядство — или даже прямая слепота — приводит людей к подобным мертвым и вредным воззрениям? После Французской революции прошло 150 лет. Можно было бы надеяться, что этот слепой материалистический предрассудок отжил давно свой век. И вдруг он снова появляется, завоевывает слепые сердца, торжествует победу и обрушивает на людей целую лавину несчастья...

На самом деле люди *не равны* от природы и *не одинаковы* ни телом, ни душою, ни духом. Они родятся существами различного пола; они имеют от природы не одинаковый возраст, не равную силу и различное здоровье; им даются различные способности и склонности, различные влечения, дары и желания; они настолько отличаются друг от друга и телесно и душевно, что на свете вообще невозможно найти двух одинаковых людей. От разных родителей рожденные, разной крови и наследственности, в разных странах выросшие, по-разному воспитанные, к различным климатам привыкшие, не одинаково образованные, с разными привычками и талантами,— люди творят неодинаково и создают неодинаковое и неравноценное. Они и духовно неодинаковы: все они различного ума, различной доброты, несходных вкусов; каждый со своими воззрениями и со своим особым правосознанием. Словом, они различны *во всех* отношениях. И справедливость требует, чтобы с ними обходились согласно их личным особенностям, не уравнивая неравных и не давая людям необоснованных преимуществ. Нельзя возлагать на них одинаковые *обязанности:* старики, больные, женщины и дети не подлежат воинской повинности. Нельзя давать им одинаковые *права:* дети, сумасшедшие и преступники не участвуют в политических голосованиях. Нельзя *взыскивать* со всех одинаково: есть малолетние и невменяемые, с них взыскивается меньше; есть призванные к власти, с них надо взыскивать строже и т. д. И вот, кто отложит предрассудки и беспристрастно посмотрит на жизнь, тот скоро убедится, что люди *неравны* от природы, *неравны* по своей силе и способности, *неравны* и по своему социальному положению; и что *справедливость не может требовать одинакового обхождения* с *неодинаковыми людьми;* напротив, она требует *неравенства для неравных,* но *такого неравенства,* которое *соответствовало* бы действительному неравенству людей.

Здесь-то и обнаруживается главная трудность вопроса. Людей бесконечное множество; все они различны. Как сделать, чтобы каждый получил в жизни согласно своей особливости? Как угнаться за всеми этими бесчисленными своеобразиями? Как «воздать каждому свое» (по формуле римской юриспруденции)? Они не одинаковы; значит, и обходиться с ними надо не одинаково — согласно их своеобразию... Иначе возникнет несправедливость...

Итак, справедливость совсем не требует равенства. Она требует *предметно-обоснованного неравенства.* Ребенка надо охранять и беречь; это дает ему целый ряд *справедливых привилегий.* Слабого надо щадить. Уставшему подобает снисхождение. Безвольному надо больше строгости. Честному и искреннему надо оказывать больше доверия. С болтливым нужна осторожность. С одаренного человека справедливо взыскивать больше. Герою подобают почести, на которые не-герой не должен претендовать. И так — во всем и всегда...

Поэтому справедливость есть *искусство неравенства.* В основе ее лежит внимание к человеческой индивидуальности и к жизненным различиям. Но в основе ее лежит также *живая совесть и живая любовь* к человеку. Есть особый *дар справедливости,* который присущ далеко не всем людям. Этот дар предполагает в человеке *доброе, любящее сердце,* которое не хочет умножать на земле число обиженных, страдающих и ожесточенных. Этот дар предполагает еще живую наблюдательность, обостренную чуткость к человеческому своеобразию, способность вчувствоваться в других. Справедливые люди отвергают механическое трактование людей по отвлеченным признакам. Они созерцательны, интуитивны. Они хотят рассматривать каждого человека индивидуально и постигают скрытую глубину его души...

Безумно искать справедливость, исходя из ненависти; ибо ненависть завистлива, она ведет не к справедливости, а к всеобщему уравнению. Безумно искать справедливости в революции; ибо революция дышит ненавистью и местью, она слепа, она разрушительна; она враг справедливого неравенства; она не чтит «высших способностей» (Достоевский). А справедливость сама по себе есть одна из высших способностей человека, и призвание ее состоит в том, чтобы *узнавать и беречь высшие способности...*

Справедливость нельзя найти ни в виде общих правил, ни в виде государственных учреждений. Она не «система», а жизнь. Ее нужно представлять себе в виде *потока живой и предметной любви к людям.* Только такая любовь может разрешить задачу; она будет *творить жизненную справедливость,* создавать в жизни и в отношениях людей все новое и новое *предметное* неравенство.

Вот почему в жизни важнее всего не *«найденная раз навсегда»* справедливость: это иллюзия, химера, вредная и неуемная утопия. В жизни важнее всего *живое сердце, искренно желающее творческой справедливости;* и еще — *всеобщая уверенность,* что люди действительно искренно хотят творческой справедливости и честно ищут ее. И если это *есть,* тогда люди будут легко мириться с неизбежными несправедливостями жизни,— условными, временными или случайными, и будут охотно покрывать их *жертвенным настроением.* Ибо каждый будет знать, что впереди его ждет *истинная, т. е. художественно-любовная справедливость.*

О смирении

Иногда у нас возникает сомнение, можно ли в самом деле требовать смирения от *всех* людей? Где взять его повседневному человеку, с головой ушедшему в борьбу за существование, с ее заботами, страхами и интригами? Разве смирение не есть добродетель избранных, прошедших путь религиозного очищения? Может быть... Но именно поэтому мы радуемся, когда замечаем в ком-нибудь искру неподдельного смирения; и у нас тотчас же слагается уверенность, что судьба послала нам жизненную встречу с *превосходным* человеком.

У смирения есть особое свойство — *повышать духовную ценность человека.*

Если мы видим перед собою какого-нибудь прославленного деятеля (в науке, в искусстве или политике) и замечаем в его манере держаться самомнение, тщеславие или гордость, то мы начинаем охладевать к нему, наша симпатия гаснет, и ценность его умаляется в наших глазах. Это происходит не только потому, что его самопревознесение как бы принижает нас самих и что мы чувствуем себя явно пренебреженными или даже сопричисленными к «ничтожествам». Это было бы понятно: ибо это означало бы, что у нас самих не хватает смирения и что поэтому его апломб кажется нам «невыносимым». Но гораздо важнее то обстоятельство, что его заносчивость умаляет *его* дух и снижает *его* ценность.

Это так и есть на самом деле.

Истинному величию причитаются простота, доброта, легкость и скромность. И чем более у даровитого человека этих прекрасных и чарующих свойств, тем искреннее обращаются к нему сердца. Это естественно: в глубине души у всех нас живет убеждение, что «победитель» жизненных трудностей и предметов должен был прежде всего победить самого себя... А скромность и выражает эту победу.

Зато тот, кто считает себя «перлом создания», кто воображает, что осуществил «высшее» и что его творчество «совершенно», тот обнаруживает свою близорукость и ограниченность. И чем горделивее он держится, чем больше его притязание и чем навязчивее он его предъявляет, чем более он доволен собою и чем менее он смотрит *вверх* и *вперед*, тем сильнее наше разочарование: мы теряем уважение к нему, он уже не импонирует нам, и у нас делается такое чувство, как если бы мы натолкнулись в нем на маленького и глупого человека, который заслонил нам в нем самом умного, большого и значительного... Какое огорчение!

Напротив: от истинной скромности идет некое духовное благоухание; в ней есть что-то трогательное и пленительное. Может быть, скромный человек не достигнет так скоро «признания» и «славы», как самоуверенный человек, выступающий с апломбом, или как назойливый хвастун, над которым люди посмеиваются и все же поддаются его саморекламе: смотрят на его «фейерверк», знают, какая ему цена, и все-таки незаметно начинают считать его «выдающимся» человеком. Однако фейерверк скоро сгорает, и после него остаются только обуглённые деревяшки, сажа и зола, и тут-то лучи скромного человека, с их тихим, но подлинным светом, начинают обращать на себя общее внимание.

Можно было бы сказать: выдающийся, но заносчивый человек обнаруживает свои пределы и снижает свой рост; небольшой человек с истинным смирением причастен духовному величию. Гордость разочаровывает и обесценивает. Смирение пробуждает любовь, увеличивает ценность человека и возносит его духовно. Будь непритязателен и терпелив; примирись с тем, что ты пройдешь в жизни незамеченным; предоставь другим блестеть и красоваться. Твое время придет тогда, когда начнется *настоящее,* не личное, а *предметное.* Может быть, это будет *после* твоей земной смерти, когда наступит время «жатвы» и когда каждое зернышко будет бережно собрано, и твое зерно будет с любовью принято. Может быть... И вот, с этим надо примириться. Надо выносить в себе потребность и волю — *быть, а не казаться,*— уверенность, что «зерно бытия» больше, чем призрачное величие,— и еще крепкую заботу о том, чтобы действительно вступить в сферу *подлинного бытия, сущего перед лицом Божиим.* А остальное несущественно...

Тщеславие всегда злоупотребляет пространством человеческого общения для того, чтобы добиться в нем «успеха», «влияния» и «славы», всей этой лесной видимости,— и не думает о том, что «успех» есть почти всегда успех у толпы, а у толпы мало духа и еще меньше вкуса. А «влияние»... Как часто оно состоит в том, что «влияющий» прислуживается к людям, гнется во все стороны, чтобы угодить своим влияемым, и кончается тем, что сам оказывается безличным орудием чужих интересов. А «слава» прельщает только тех, кто никогда не заглядывал за ее кулисы и не догадался еще, что она составляет нередко монополию профессиональных «славоделателей». Вот почему человек, приобщившийся истинному смирению, встречает каждый свой успех желанием проверить — не покривил ли он в чем-нибудь душою для угождения толпе; и на всякое свое «влияние», как только оно обнаруживается, он отвечает повышением чувства ответственности и юмором; юмором — чтобы не впасть в тщеславие и не поверить лести; чувством ответственности — ибо ему необходима уверенность, что он вложил в свои дела *свое лучшее.* А «славу» свою он встречает с тревогою — ибо незаслуженная слава есть ложь, а заслуженная слава должна быть еще проверена смертью прославившегося... Ибо человеческий приговор суетен; а Божий приговор произносится лишь по смерти.

Итак, тщеславие борется за призрачное, а смирение вводит в царство реальности.

Тщеславный человек совершает три ошибки: во-первых, он принимает самого себя за нечто очень «важное» в жизни; во-вторых, ему кажется, что он чрезвычайно «многого» достиг и очень многое совершил; и в-третьих, ему хочется, чтобы эти великие «достижения» и «совершения» были повсеместно признаны и превознесены.

Преодоление тщеславия должно начаться с постижения третьей ошибки.

Надо принять во внимание, что сила суждения и компетентность, необходимые до истинного «признания», присущи лишь очень немногим людям; что на свете есть слепое и бестолковое признание, легкомысленное и безответственное восхваление, поддельный и своекорыстный восторг, продажная критика и оплаченный успех. Надо понять, что в современном обществе есть множество тайных союзов — религиозных и национальных, политических партий, полуполитических клубов и даже эротических союзов, члены которых при всяких обстоятельствах поддерживают друг друга, восхваляют и выдвигают «своих» и замалчивают или поносят «чужих». Надо отдать себе отчет в том, что масса следует моде и рекламе, партийным внушениям, закулисным нашептам и очень часто верит наемной «клаке», которую в Италии называют «негодяями в желтых перчатках». Как много людей, восхваляющих модное по расчету, из страха перед общественным мнением или по тщеславию и снобизму!.. И как смутно делается на душе, когда слышишь похвалу из уст безвкусного пошляка, или нигилиста, или заведомого лжеца и злодея: и стыдно, и тревожно, и грустно! Сознание, что мой труд одобрен нечестивцем, что я угодил духовному слепцу или глупцу, что известные плуты восхищаются моим созданием на всех перекрестках, может вызвать в душе настоящее удручение... И тот, кто сообразит и продумает все это, скоро поймет, что только признание *зрелого судьи, мудрого созерцателя и чистосердечного критика* может быть желанным и радостным. А такие люди будут хвалить меня только тогда, когда я сам буду чувствовать, что меня оправдывает моя собственная совесть и что меня укрепляет Божий луч. Вот почему Пушкин был прав, когда советовал поэту не дорожить успехом у толпы и судить себя самого высшим и строгим судом...

Надо рассмотреть и «людскую славу», понять ее шаткое и фальшивое естество — и *разлюбить ее.* Это значит победить тщеславие внешней «популярности». А для этого надо утвердить в самом себе высокий и строгий критерий совести и религиозное чувство ответственности, чтобы затем сказать самому себе: «Что мне людская хвала и людское поношение, когда мне светил луч Божий?»

Тогда можно приступить к преодолению второй ошибки тщеславия. А именно, человек должен приучиться к невысокой оценке того, чего он достиг и что он совершил. Если он силен, то пусть не считает себя сильным; если он умен, то он не должен причислять себя к «самоумнейшим» людям; если он порядочный человек, то пусть он не переоценивает свою добродетель; если он даровит, то пусть познает меру своего таланта и не воображает, будто он «велик» и «гениален». Почему? И зачем это нужно?

Тот, кто «достиг» и «совершил», тот «успокаивается», погружается в самодовольство и прекращает поиски и борьбу. Кто знает «достаточно», тот прекращает изучение и исследование, не углубляет свой дух, останавливается в своем развитии, начинает повторяться и теряет свои богатства...

Вот почему каждый, кто создаст что-нибудь, не должен подолгу предаваться радостям достижения, но скорее сосредоточиться на недостатках своего создания: он должен повышать свои требования, отыскивать свои промахи, неумения и несовершенства, судить свое творение мерою полною и великою, и замышлять лучшее. Надо всегда смотреть вдаль,— подобно человеку на башне; надо всегда думать о том, чего мне еще духовно не хватает,— подобно скупцу, собирающему богатство; надо постоянно чинить и крепить свои стены,— подобно осажденному полководцу. Надо жить не гордостью от совершенного и достигнутого, но смирением при мысли о неудавшемся и еще предстоящем в будущем.

Кто знает пределы своего знания и своих знающих сил, тот останется *вечным студентом* и станет *истинным исследователем.* Кто научится видеть свои духовные пределы и болеть о них, тот будет *всю жизнь расти.* Кто сознает свои слабости и недостатки, тот будет бороться с ними, побеждать их и совершенствоваться. Для лечения необходим верный диагноз, тогда как незамеченные болезни запускаются и становятся хроническими. Словом, настоящий человек вырабатывает особую культуру своих несовершенств, стараясь не преуменьшать их и не преувеличивать. Это и есть источник истинной скромности, начало самосовершенствования, секрет духовного роста и развития. Тот, кто смотрит вдаль и ввысь, тот увидит Божественное, которого он лишен и о котором он воздыхает; и когда он затем обращается к совершенному и достигнутому,— он стоит смущенный и пристыженный: «Господи, сколь я бессилен и немощен!»... Он всегда чувствует, что ему не хватает Главного; что до истинной высоты ему далеко, как до звезды небесной; что все его наличное достояние есть только начало, только зов и обетование; что гордиться ему нечем и что все у него еще впереди. Надо приучить себя к той «нищете духом», о которой сказано в Евангелии; и найти в себе мужество бедняка, скромность вопрошающего и бодрость ученика...

Нельзя считать себя и свой личный успех важнейшим делом жизни. Надо научиться выходить на Божий простор из жесткой скорлупы своего себялюбия; надо сердцем и волею преодолеть свое одиночество, свой наивный эгоцентризм. Скудна и душна жизнь человека, не знающего ничего о сверхличных богатствах богозданного мира. И только тот, кто узнает счастье предметной жизни и вложится в Божию ткань мира, только тот почует в себе силы Ильи Муромца, дарованные ему его высокими пришельцами: Божие дело станет его личным делом, невозможное сделается для него возможным, а за плечами у него вырастут крылья настоящего вдохновения...

Служение Божьему делу требует от нас преданности и стойкости; и надо предаться ему. Надо отождествлять свой личный успех с *его* успехом и подчинить свою судьбу его развитию и росту. Любовь и воля человека должны получить свое содержание и свою цель от этого великого «горного хребта» человеческой истории, и таким образом предметно обновиться. Может показаться, что в этом самоотверженном служении человек действительно отказывается от себя и теряет себя; однако на самом деле он *впервые обретает самого себя в великой и священной ткани Божией.* Он теряет свое человеческое, «слишком человеческое», грешно-страстное естество; но зато находит себя — духовно-подлинного, «предметно наполненного», смиренного и достойного слугу Божьего дела на земле.

Именно в этом смирении он впервые находит и утверждает свое истинное духовное достоинство; не уважение других людей, не «почести» и не «славу», не довольство собою, но главное и основное, человечески-духовное достоинство, дающееся тому, кто утвердится и укоренится в Божественном...

Если бы только люди поняли это и захотели вступить на этот путь!

О благодарности

Нет сомнения — человечество найдет пути, ведущие к обновлению, углублению и окрылению своей культуры. Но для этого оно должно научиться *благодарности* и на ней строить свою духовную жизнь.

Современное нам человечество не ценит того, что ему дается; не видит своего естественного и духовного богатства; не извлекает из своего внутреннего мира того, что в нем заложено. Оно ценит не внутреннюю силу духа, а внешнюю власть — техническую и государственную. Оно хочет не творить, создавать и совершенствовать, а владеть, распоряжаться и наслаждаться. И поэтому *ему всегда мало и всего мало:* оно вечно считает свои «убытки» и ропщет. Оно одержимо *жадностью и завистью* и о благодарности не знает ничего.

И вот каждый из нас должен прежде всего научиться благодарности.

Стоит нам только раскрыть наше духовное око и присмотреться к жизни, и мы увидим, что каждое мгновение как бы испытывает нас, созрели ли мы для благодарности и умеем ли мы благодарить. И тот, кто выдерживает это испытание, тот оказывается *человеком будущего:* он призван творить новый мир и его культуру, он уже носит их в себе, он творческий человек; а тот, кто не выдерживает этого испытания, тот одержим духовною слепотой и завистью, он носит в себе разложение гибнущей культуры, он человек отживающего прошлого. Вот критерий духовности, вот закон и мера, о которых мало кто думает, но по которым необходимо различать людей.

Как только человек откроет свое духовное око и воспримет окружающую его вселенную — сквозь эту жестокую кору повседневности и примелькавшейся, привычной, омертвевшей пошлости,— так он откроет великое множество даров, окружающих его отовсюду... Мы проходим через жизнь, как властные и самодовольные хозяева, которые имеют полное право заметить и не обратить внимания, принять и отвергнуть, одобрить и пожурить, воспользоваться и забыть. Мы выбираем нужное и полезное, мы предпочитаем удобное и приятное — и оставляем прочее без внимания. Как неблагодарные наследники, мы совершенно не думаем о Том, Кто оставил нам это жизненное богатство и Кто вложил в каждый самомалейший дар следы Своего Духа.

Как только мы откроем наше духовное око, так мы увидим везде и повсюду целое богатство таких даров, данных нам не для жизненного использования или

злоупотребления, а для изучения, истолкования, изумления и радования. Мы разучились дивоваться на эти истинные чудеса Божии, мы проходим мимо них с каменным и холодным сердцем, и если кто-нибудь дивуется на их таинственную божественность, то мы пытаемся разочаровать и «успокоить» его при помощи механически-плоских «объяснений» — и считаем это признаком нашей «образованности» и «просвещенности»— но это и свидетельствует о нашей *завистливости и неблагодарности*. Ибо в самом деле, кто, получив некий богатый дар, начинает злоупотреблять им в бессердечии, тот лишен чувства благодарности: он отвечает на щедрость черствостью и на благость — пренебрежением, и это обличает в нем завистника. А зависть делает его слепым.

Мир полон чудес Божиих — вот древняя мудрость, которая не увянет во веки веков. Никакие научные исследования и открытия не отнимут у нее ничего; они только возобновят и подтвердят ее с новою силой. Так было, так и будет. Никакое наблюдение не лишит богосозданного чуда — его глубины и значительности; никакое мышление, познание и объясненне не погасит его необъясненной таинственности. Мы просыпаемся к бытию и жизни — и видим себя окруженными этими дарами, как бы включенными или врощенными в них: *пространство, время, живая материя, душевные способности, духовные силы*. Мы живем всю жизнь *в этих дарах, ими, из них;* мы творим в них новое и можем создать из них дивное и значительное; мы наслаждаемся ими и тогда, когда злоупотребляем ими; а когда мы покидаем эту жизнь, то иногда уходим с чувством, что нам было дано бесконечное богатство и что мы сделали из него слишком мало.

Какой драгоценный дар имеет собственное, личнособенное, единственное в своем роде, покорно-непослушное *тело*, всю жизнь прислушиваться к нему, чтобы овладеть его таинственными законами и подчинить их законам *духа!* Какое драгоценное право превратить его в верный символ своей духовности и, наконец, когда оно впадает в изнеможение, покинуть его для лучшей, более свободной и духовной жизни!

А этот изумительный дар Божий, именуемый *пространством*, с его светом и тенью, с его прерывно-непрерывным наполнением, с его бесконечными звездными далями, с его богатством форм и красок, со всеми радостями движения и относительного покоя, с творческими перспективами а искусстве! Сколько созерцания, сколько тайн, сколько мудрости!

А дивный дар *времени* — с неисследимым началом и неведомым концом... Всего один, кратчайший, светлый миг длительности, скользящий из будущего в прошлое, пожизненно непреходящий, раскрывающий нам сразу две перспективы — утрачиваемого богатства в прошедшем и обетованного богатства в будущем... Великое русло мгновений, которые мы можем заполнить творческим трудом, любовью, богосозерцанием, молитвой и красотой, и по которому мы в действительности то проносимся в страстях и злодеяниях, то влачимся в пошлых развлечениях...

А это неисчерпаемое богатствс *природы* — в ее органическом единстве, в ее сокровенной закономерности, в ее покое и в ее бурях, в ее благостной готовности служить человеку, показывать ему свою красоту, открывать ему свою разумность и тихо принять его покинутые останки...

Каждый дар дивен и драгоценен, каждый указывает человеку его задачи и его никогда не заполнимые перспективы. Каждый говорит нам о сокровенной благости, мудрости и любви к человеку; каждый зовет его к истинному счастью.

Да, это счастье: властвовать над своим телом и над своею душой, строить и крепить свой характер, копить духовные богатства, совершенствовать свои духовные акты. Это счастье — творчески работать, создавать в мире новую красоту, отдавать свое вдохновение и свои усилия на создание Божией ткани а мироздании. Это счастье — вести общение с людьми, вчувствуясь в их жизнь и постигая ее смысл; отдавать им свое лучшее и принимать их дары; прощать им и получать от них прощение; иметь отца и мать, и самому делаться отцом или матерью; иметь верных друзей; отстаивать свою родину и служить своему народу. Это счастье — любить и быть любимым; это чудо — обмениваться взглядом любви и выражать любимой женщине полноту своего чувства — целостно и нежно. Это счастье — воспринимать веяние духа и одухотворять свою душу и жизнь. Это счастье — переживать молитву, исследовательскую очевидность, совестный акт, художественное созерцание, истинную политическую свободу и служить водворению справедливости на земле.

Но высшее счастье состоит в том, чтобы находить в собственном сердце *Божий луч*, следовать ему в молитве и в делах, постигать его во всем и повсюду и открывать другим людям доступ к нему.

И вот когда наше духовное око отверзается, аидит эти дары во всей их драгоценности и неисчерпаемости, и когда сердце наше ощущает скрытую за ними благость и любовь, то приходит час нашего ответа на все узренное и полученное. И если мы не отвечаем молитвой благодарения, то мы оказываемся недостойными этих даров. Но при этом мы уже не можем оправдываться нашей прежней слепотой. Если наше сердце не отозвалось,— не встрепетало и не загорелось, если оно не преисполнилось благодарности, то это означает, что оно ожесточилось в черствой зависти.

Что такое благодарность? Это ответ живого, любящего сердца на оказанное ему благодеяние. Оно отвечает любовью на любовь, радостью на доброту, излучением на свет и тепло, верным служением на дарованную благодать. Благодарность не нуждается в словесных изъявлениях и иногда бывает лучше, чтобы человек переживал и проявлял ее бессловесно. Благодарность не есть и простое признание чужого благодеяния; ибо озлобленное сердце сопровождает такое признание чувством обиды, унижения или даже жаждой мести. Нет, настоящая благодарность есть *радость и любовь*, и в дальнейшем — потребность ответить добром на добро. Эта радость вспыхивает сама, свободно, невынужденно и ведет за собою любовь — свободную, искреннюю...

...Будущее человечества принадлежит именно благодарным сердцам.

фото Владимира Лагранжа

ЧЕТЫРЕ ТРЕТИ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Правительство Юга России, второй справа А. В. Кривошеин

По свидетельству графа Д. А. Шереметева, 1 марта 1917 года, накануне отречения, Николай II сказал: «Кажется, нужно позвать Кривошеина?» Французский посол Морис Палеолог впоследствии говорил об А. В. Кривошеине так: «Он был одним из тех государственных деятелей, как Неккер, Мартиньяк или Тьер, которых призывают всегда... но слишком поздно». Уже после отречения императрица Александра Федоровна обронила А. Н. Апраксину: «Не прощаю Кривошеину, это он сделал революцию». Но когда императорская семья оказалась в Тобольске в тяжелейшем материальном положении, Александр Васильевич Кривошеин был едва ли не единственным, кто рискнул помочь заключенным деньгами (императрица в благодарность прислала ему ладанку с частицей мощей святого Серафима Саровского). Когда же стало известно об убийстве на Спиридоновке, была отслужена панихида.

Александр Васильевич Кривошеин (1857—1921) — русский государственный деятель, соратник П. А. Столыпина и генерала Врангеля, министр Российской империи, глава Правительства Юга России «в кратковременность большевистского режима» не верил и в слегка шутливой форме говорил, что историки далекого будущего будут писать: «В начале XX века человечество вступило в период войн и революций, но он длился всего 80 лет».

О судьбе семьи Кривошеиных в период войн и революций нашему корреспонденту А. Кошелеву рассказывает внук Александра Васильевича — Никита Игоревич Кривошеин, который посетил редакцию «Родины».

Никита Игоревич Кривошеин. Александр Васильевич всегда относился к государю с абсолютной верноподданнической лояльностью, верный своей присяге — и дворянской, и члена Государственного Совета; но в то же время совершенно трезво понимал, что в кровопролитном бедствии, которое обрушилось на страну, есть немалая доля личной ответственности, а вернее сказать — безответственности, проявленной императором Николаем II.

Александр Кошелев. Максимилиан Волошин писал: «Закон самодержавия таков: чем царь добрей, тем больше льется крови. А всех добрей был Николай Второй...»

Н. К. Да, о святости тут говорить не приходится. Царство ему небесное, это великий страдалец и мученик, и он, и близкие его. Но нельзя забывать и о великой ответственности государя, дворянского сословия, о попустительстве трагедии.

Еще летом 1913 года Кривошеин говорил: «Я считаю, что Отечество наше лишь в том случае может достигнуть благоденствия, если не будет больше разделения на пагубное «мы и они», разумея под этим правительство и общество, как бы представляющие собой две самостоятельные стороны, и когда будут говорить просто «мы», разумея под этим правительство

и общество вместе». Но примирение не состоялось: проект создания «кабинета общественного доверия» государь не одобрил и в 1915-м была принята отставка Кривошеина. Александр Васильевич подводил итог: «Наша либеральная пьеса из рук вон плохо игралась и нами, министрами, и еще хуже Думой. Всей русской жизнью! Бестолково, нестройно, зря, несуразно! Но ведь там, в окружении императрицы, непримиримая замкнутость, там жуткая пустота смерти». Есть свидетельства, что в это время Кривошеин считал революцию «совсем близкой и неизбежной». Им овладел пессимизм, он видел бессилие тогдашних кабинетов.

Чувствовал, что его деятельность становится ненужной, реформы сорвались...

А. К. Кстати, ваш дед принимал самое активное участие в проведении столыпинской реформы. С 1908 года он министр земледелия в правительстве П. А. Столыпина.

Н. К. Так ведь недаром Александр Васильевич был обруган Лениным — как раз в связи с аграрной реформой. Видимо, глава большевиков отлично понимал, что удача этой реформы вряд ли позволила бы совершиться перевороту, к чему он так стремился. День убийства Петра Аркадьевича Столыпина, очевидно, один из самых черных в истории страны. Убежден: разговоры о рабочей, пролетарской революции 1917 года несерьезны. Это была крестьянская революция, своего рода Жакерия. И если бы столыпинская реформа была завершена и привела к укоренению наследственного фермерства и к распаду общины — все могло быть совсем по-другому.

А. К. Современники называли карьеру Александра Васильевича Кривошеина «блистательной». Думаю, сейчас ее назвали бы «странной». Начав службу с более чем скромной должности в архивном отделе окружного суда и за 30 лет поднявшись до высших государственных постов, получив от императора (в 1914 году) предложение стать главой кабинета, он вдруг отвечает отказом...

Н. К. Все как раз очень понятно — отказ от половинчатости, нежелание фиктивно властвовать — в этом весь Кривошеин. Его близкий сотрудник И. И. Тхоржевский вспоминал такие слова Кривошеина: «Называться премьером и не быть им на самом деле, для этого нужно либо старческое безразличие ко всему, либо особая жажда власти, а настоящей власти никому после Столыпина не дадут».

А. К. Но ведь в двадцатом году Александр Васильевич не отверг предложение барона Врангеля возглавить Правительство Юга России! Отказаться от власти над «одной шестой» — и принять на свою ответственность одну губернию, этот обреченный «Остров Крым»?

Н. К. Когда Александр Васильевич принимал должность, предложенную генералом Врангелем, ни иллюзий, ни сомнений в исходе дела у деда не было. Одна губерния не могла выстоять против всех остальных. И попытка создать Малую Россию в Крыму, конечно, была заранее обречена. Но все же Правительство Юга России существовало около полутора лет и было, пожалуй, единственным в Белом движении, проводившим продуманную финансовую и сословную политику, выборы; в Крыму реализовывалась земельная реформа.

И, наконец, последняя заслуга Александра Васильевича — организация безупречной эвакуации из Крыма. Армия генерала Врангеля — единственная белая армия, у которой этот булгаковский бег состоялся почти бескровно и упорядоченно. Потом был октябрь (снова октябрь!) 1921 года, смерть в Берлине. Похоронен он на кладбище Тегель (Западный Берлин).

А. К. Как сложилась судьба семьи вашего деда?

Н. К. У Александра Васильевича Кривошеина было пять сыновей. Олег и Василий в гражданскую воевали в Добровольческой армии. Олег умер от тифа. Василий был захвачен красными и повесился в тюремной камере.

Всеволод, также доброволец, был ранен, обморозился, эвакуирован англичанами в Египет; затем постригся в монахи, принял в монашестве имя погибшего мученической смертью брата Василия. 25 лет провел на Афонской горе. Он остался верен Русской Православной Церкви, был архиепископом Бельгийским и Брюссельским; виднейший богослов, знаток патристики и святоотеческой литературы. Будучи в поездке в России, проаидением Божиим скончался в Петербурге, в той церкви, где был крещен в 1903 году. Похоронен на Серафимовском кладбище.

Младший сын, Кирилл, мальчиком увезенный из России, был образованнейшим человеком, он счел своим долгом написать биографию Александра Васильевича.

А мой отец, Игорь Александрович, выпускник Пажеского корпуса, участник германской (лейб-гвардии конная артиллерия) и гражданской войн, эвакуировался из Крыма с армией генерала Врангеля. Окончил Сорбонну и Высшее электротехническое училище. Когда немцы оккупировали Францию, отец участвовал в Сопротивлении. Позднее он познакомился с немецким антифашистом, майором вермахта Бланке, полученную от него информацию передавал в Лондон. Потом — провал, арест, 11 дней пыток в гестапо, трибунал. Бланке был казнен, Кривошеин 11 месяцев провел в Дахау и Бухенвальде, его освободили американцы.

В 1948 году мои родители получили советские паспорта и вернулись в Россию, я вместе с ними. Год спустя отца арестовали в Ульяновске, и два года мы ничего о нем не знали, были уверены, что он расстрелян. Потом пришло письмо. Ему дали 10 лет по статье 58-4 — «сотрудничество с мировой буржуазией»,— так оценили его участие в Сопротивлении. А за то, что выжил в Бухенвальде и Дахау, придумали еще и «сотрудничество с гестапо». Спасла его специальность. Он попал в лагерь для научно-технических специалистов — в Марфинскую шарашку, описанную в романе Солженицына «В круге первом». Если бы не это — вряд ли бы выжил.

А. К. Никита Игоревич, сейчас это трудно понять... Ваш отец, боевой офицер, штабс-капитан, Россию покинул с оружием в руках, потерял в гражданскую двух братьев и сам едва не погиб,— и вдруг он возвращается с семьей. Почему он поверил этой власти?

Н. К. Я единственный раз говорил об этом с отцом — наверное, излишне жестоко, каюсь в этом до сих пор. Он приехал ко мне в Мордовские лагеря, на свидание, я был тогда в лесоразделочной бригаде, пришел весь в опилках и говорю: «Папа, вот Вы мечтали о березках, так у меня с ними сейчас самое интимное общение». Игорь Александрович помрачнел и сказал: «Да, я думал вернуться в Россию, но она оказалась Советским Союзом».

Никогда в жизни он не был и не мог быть близок ни к какой социальной утопии, тем более к коммунистической. Но он всегда был человеком глубоко верующим, православным и сохранял память о России Единой и Неделимой, о Возрождении Серебряного века, а в глубине души, видимо, все-таки верил (как и его отец царский министр Александр Васильевич Кривошеин), что наставший мрак не вечен. И вот Победа 1945-го, чаепитие Сталина с Рузвельтом и Черчиллем, и эта иллюзорная надежда на влияние коалиции... Из Парижа казалось, что открытие церквей, возвращение погон, имен Суворова, Кутузова, Нахимова, возвращение великодержавности и есть то, на что так надеялись. Должно быть, отцу показалось, что кровавая утопия отпадает, он надеялся на дебольшевизацию. Но ошибся. На 40 лет.

Когда отец и я оказались в советских лагерях с бывшими остарбайтерами и рядовыми власовцами и стало известно, что мы сами вернулись в Союз,— они отнеслись к нам как к последним болванам, говорили: так аам и надо.

После войны масса «перемещенных лиц» отказывалась, не останавливаясь даже перед самоубийством, возвращаться в СССР. Союзников это, конечно, удивляло и коробило. И тут Сталин придумал — довольно неглупо — показать, что вот, мол, есть «предатели», а бывшие дворяне-интеллигенты сами ко мне едут.

Вы слышали о марше русских офицеров? Когда Германия напала на СССР, несколько сотен офицеров-эмигрантов ушли из Шанхая к советской границе. Они хотели одного — чтобы их отправили на германский фронт. Шли по опасным местам, гибли, до границы добрались единицы. Не знаю, выжил ли хотя бы кто-то из них в советских лагерях. Вряд ли...

А. К. А еще был пример Деникина, отказавшегося от сотрудничества с немцами...

Н. К. И противоположный пример — Краснова, красновского движения, которое было активно коллаборационистским. Краснов пошел на то, на что нельзя было идти, это неприемлемо и отвратительно.

А. К. Больной вопрос о «праве на измену»... Философ Георгий Федотов, например, писал: «Эмигранты всех времен и народов боролись с оружием в руках против своей родины... У нас князь Курбский и Герцен не колебались идти с врагами России. Мы, кстати, только теперь, в изгнании, вполне оценили значение Курбского и Герцена для русской национальной чести... Нравственный смысл измены — хотя и трагический — заключается в том, что родина не является высшей святыней: что она должна подчиниться правде, то есть Богу».

Н. К. Не могу не сослаться на Камю, который в «Письмах немецкому другу» ставит вопрос о патриотизме и праве на измену в условиях тоталитарного режима. Камю, который был агностиком, пришел инстинктивно к тому же выводу, что и Церковь: над любовью к Родине, над этим великим чувством места и языка, есть чувство Истины. И, конечно, для меня пример правильного выбора — решение майора Бланке, он говорил, что главное его желание как германского патриота: поражение нацизма.

А. К. Но если уж следовать этой логике до конца, должны быть оправданы и те русские, что воевали против Сталина — власовцы, например. Кажется, первым об этом посмел сказать Солженицын.

Н. К. Давайте не станем упрощать. У Александра Исаевича все далеко не так схематично. Помните замечательный образ мечущихся в горящей степи коней? Там ведь не было выбора наименьшего зла. Была трагедия в ее классическом понимании.

А. К. Ну хорошо, а Краснов, Власов?

Н. К. Краснов был умным человеком и достаточно глубоко понимал суть нацизма. А в своем сотрудничестве с ним перешагнул границу допустимого. О Власове это сказать труднее. Он был в трагедии, тогда как Краснов в ситуации свободного выбора. Но это моя личная оценка.

Отец же сторонник «теории двух зол», из которых следует выбирать меньшее. Фашистскую Германию он считал бóльшим злом. Понять тех, кто в войну носит немецкую форму, или тех, кто после войны не хотел возвращаться,— задача непосильная уму. Солженицын об этом прекрасно пишет.

А. К. Но именно он обвинил западные правительства в предательстве, имея в виду выдачу Сталину после войны «простых людей России на расправу и гибель».

Н. К. Англичане повинны больше всех. Американцы тоже руку приложили, но происходило все это именно в английской зоне. Но, может быть, мы излишне жестоко судим послевоенных англичан, вероятно, следует говорить не о сознательной жестокости, а о каком-то естественном чувстве союзнической верности, с одной стороны, а с другой — просто непонимании.

Ведь известно и другое: когда во время Ялтинской конференции на одном из заключительных обедов Сталин астал и предложил тост за повешение ста тысяч немецких офицеров, Черчилль ответил: нет, мы воюем не за это — и отказался.

А. К. Когда реабилитировали вашего отца?

Н. К. В 1954-м. При выходе из лагеря и потом, в 60-х, ему удалось рассказать о русских сопротивленцах, о Матери Марии, восстановить их память. Вокруг моих родителей собрался немалый кружок молодых людей (некоторых из них я вноаь сейчас увидел, к своей радости). Случилось то, о чем говорила Надежда Яковлевна Мандельштам: в России «через поколение» произошла передача информации, ее спасение.

А. К. А когда пришла ваша очередь «отбывать наказание»?

Н. К. Арестован я был в августе 1957 года.

А. К. Значит, уже после XX съезда?

Н. К. Да, после. Кстати, потом я встретил в Мордовии двух молодых людей, осужденных в Киеве по 58-й статье в день закрытия XX съезда. Так что преемственность сохранялась. Видимо, власти были смертельно перепуганы венгерскими событиями.

В тот период уже возникало движение, которое совершенно справедливо можно назвать русским молодежным сопротивлением. Сначала в виде кружков, в большинстве своем марксистских, но марксистских ненадолго — в лагерях почти никто марксистом не остался... Конечно, сажали и сектантов, и священников, но в основном все-таки молодежь — студентов, аспирантов, молодых специалистов, много молодых рабочих — участников стихийных забастовок, «чеховских мальчиков», бежавших в Америку и схваченных на финской, турецкой, иранской границах. Им давали большие сроки. Как это часто бывает в России, было много детей видных советских сановников и аппаратчиков, которых XX съезд ужаснул, поразила возможная причастность их отцов к тому, что творилось: этот ужас они пытались с себя смыть...

А. К. А за что были осуждены вы?

Н. К. Формально — за написание заметки для французской «Монд», в которой рассказывал, как аенгерское восстание было воспринято в России, сообщал и о начавшихся уже арестах. Той заметкой я накликал и собственный.

Ну, а поначалу-то следствие велось на основе чистой фабрикации — с обвинением меня по статье 58-а — «измена родине и шпионаж». Абсолютно безосновательный, грубый монтаж, но чувствовал я себя очень неуютно.

Трибунал московского военного округа оставил за мной только «клевету и агитацию». Прокурор требовал 10 лет, дали три. Восемь месяцев во внутренней тюрьме КГБ, остальное в Мордовских лагерях. После освобождения жил в Малоярославце, потом — Москва, работа по специальности (я переводчик), посильное скромное участие в так называемом диссидентском движении.

В 1971 году мне «предложили» покинуть страну. Я согласился. Вслед за мной (а если бы я не уехал, и они бы не тронулись с места) вернулись во Францию мои родители и благодаря этому прожили долго, мирно. Состоялась, наконец, книга моей матери, которую здесь, а России, она вряд ли решилась бы написать. Книга была опубликована в серии «Наше недавнее», основанной Александром Исаевичем Солженицыным. Назаание ее — «Четыре трети нашей жизни». Это о нас, о нашей семье.

И ТОГДА ВМЕШАЛСЯ ЖУКОВ...

...Мы пишем не историю, а жизнеописание, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады городов...

ПЛУТАРХ

фото Евгения Халдея

6 декабря 1945

Дорогой Маршал Жуков!

Возможно, Вы знаете, что болезнь помешала мне вернуться в Европу в конце прошлого месяца. Главным моим намерением было желание встретиться с Вами, и тому есть несколько причин.

Во-первых, я хотел заверить Вас, что высоко ценю дружеское отношение ко мне и наше деловое сотрудничество, которое продолжалось в течение прошедших со времени капитуляции Германии месяцев. Все это доставило мне глубокое удовлетворение, искренне надеюсь, что и Вам тоже.

Во-вторых, я хочу попрощаться с теми ведущими сотрудниками, с которыми мне приходилось часто встречаться.

Наконец, я вновь выражаю надежду на то, что Вы сможете посетить нашу страну следующей весной. Я искренне верю в установление подобного рода контактов между советскими и американскими людьми — и военными, и гражданскими,— в то, что мы смогли бы многое сделать для развития взаимопонимания и доверия между нашими народами. В течение всего этого времени я все больше и больше проникался уважением и любовью к Красной Армии и ее великим лидерам, ко всему русскому народу — вплоть до самого Генералиссимуса.

Прошу Вас: если Вы почувствуете, что я мог бы что-нибудь сделать для Вас лично или для укрепления дружеских отношений, которые так важны для всего мира, буду рад откликнуться на Ваши предложения и сделать все, что в моих силах.

Еще раз до свидания, желаю удачи, искренне Ваш

Дуайт Эйзенхауэр.

В 1951 году, после одиннадцати лет концлагерей, я был этапирован «на вечное поселение» в Красноярский край. Но прошло два с половиной года, и в самом конце 1953-го меня посетил гость из Красноярского УВД. Он задал мне вопросы об обстоятельствах моего ареста и осуждения и предложил срочно направить ответы его начальству.

Через несколько месяцев «дело» опротестовал Генеральный прокурор СССР, а в июле 1954 года Верховным судом страны я был реабилитирован. Все это казалось неправдоподобным. В те же самые дни 1954 года моей маме, отбывшей четверть века на воркутинско-колымской Голгофе, в коридоре приемной той же самой прокуратуры «указали на дверь».

«Чудеса» продолжались: для меня тотчас же нашлас' работа рядом с домом, очень оперативно были отысканы и оформлены документы для поступления на заочное отделенне института, обнаружилось место в очереди на полученне жилья (от которого моих родителей «освободил» арест в 1929 году)... И все же... В это время мама тяжело умирала в Басманной больнице. Получив грубый отказ в прокуратуре, в шоке от непереносимого унижения, старая больная женщина упала там же, на выходе, сломала ноги и разбилась о каменные ступени... Спровоцированный ушибом рак быстро оборвал ее жизнь. 4 декабря 1954 года она умерла, успев встретиться со мною после двадцатипятилетней разлуки, но не сумев уже ничего ни рассказать, ни объяснить...

Прошли годы. В круглую годовщину реабилитации я побывал у советника прокурора Д. Ночвина, который в первой половине 1954 года занимался в Москве

моими бумагами. Он и открыл мне, что своим освобождением от кошмара сфабрикованного «дела» я обязан... Георгию Константиноаичу Жукову. Еще в 1945 году маршал обратился к товарищу Руденко с просьбой проверить «дела» всех членов нашей семьи, и в 1953-м еще раз напомнил Роману Андреевичу свою просьбу. К этому времени было покончено с Берией, Руденко стал Генеральным прокурором, а Жуков — министром обороны.

Мотивы вмешательства маршала Жукова в судьбу нашей семьи были мне совершенно непонятны. Вообще невероятным казался сам факт его внимания к невоенной, даже сугубо пацифистской по исповедуемой религии семье, крушение которой началось а далекие двадцатые годы. Кроме того, мы никогда и ни к кому не обращались за помощью.

Только осенью 1977 года а Соединенных Штатах Америки я узнал от родичей отца (уехавших туда до первой мировой войны), что а 1945 году при встрече с Георгием Константиновичем Жуковым верховный главнокомандующий войсками союзников в Западной Европе Дуайт Эйзенхауэр просил его разыскать мою маму. Он передал маршалу карточку с нашими именами, старым адресом на Разгуляе а Москве и просьбу вмешаться в судьбу этой семьи.

...В декабре 1904 года моя мама, Стаси Файни Элзи ван Менке — Фани Иосифовна Додина, операционная сестра приватного петербургского госпиталя Розенберга, вместе с другими врачами и медперсоналом была отправлена японскими военными властями из сдавшегося Порт-Артура в Киото, а после цусимской трагедии — в Нагасаки. Армейская честь и аоспитание не позволили русским офицерам принять условие победителей — добровольно отказавшись от дальнейшей борьбы с японской армией, тотчас же получить свободу и вернуться домой в Россию, но... оставить в плену солдат и матросов. В Киото и Нагасаки работники госпиталя продолжали свое дело и выхаживали с одинаковым рвением и русских, и японцев.

В конце лета 1906 года освобожденных из плена медиков и излечившихся русских солдат и офицеров японцы проводили в Йокогаму, а там — пароход до канадского Ванкувера. По дороге, в Нью-Йорке, маму встретили ее родные, и она провела три месяца в штатах Среднего Запада, где немцы и фламандцы-меннониты, покинувшие Россию в середине 70-х годов прошлого века, фермерствовали в своих коммунах. Там, в канзасском городке Абилене, маму принимали и в семье Дэвида и Иды Эйзенхауэров — меннонитов, в начале XVII века бежавших из Германии. Состоялось ее знакомство и с их сыном Дуайтом, рабочим местного холодильника.

Вопреки требованиям своей религии — не брать в руки оружия даже для спасения собственной жизни — и пацифистскому воспитанию Дуайт сделал военную карьеру, возглавил войска союзных держав и второй фронт во время второй мировой аойны. Позднее, в 1953-м, он стал президентом США.

...До конца 20-х мама получала письма из Америки. Обрушившиеся на семью репрессии на долгие годы разлучили ее с родными. Но большая семья моего отца за океаном не теряла надежд на то, что мы живы, хотя весною 1944 года старые женщины — соседки по разгуляевской коммуналке — сообщили обо всех нас брату отца генералу Соссену и его советским коллегам: «Они все убитые...»

Принимая карточку с нашими именами и адресом (именно она была затем передана Жукову), Эйзенхауэр сказал Соссену:

— Я все помню...

Несколько лет назад в архиве моего покойного родственника в США была обнаружена еще одна такая же карточка — копия. И хотя к тому времени молодому поколению семьи обо мне было асе известно, меня попросили подробно рассказать об этой семейной одиссее и о роли в моей судьбе покойного уже Д. Эйзенхауэра. Я эту просьбу выполнил с удовольствием.

Мои старые знакомые из мемориала президента Эйзенхауэра, из Университета меннонитов и Меннонитской библиотеки много добавили мне о человеке, сыгравшем великую роль и в судьбе России в годы смертельной опасности для ее народов и для самого ее существования. И еще о том, что за государственными делами человек этот не забывал о необходимости творить добро каждый час, каждый день — постоянно. Счастливые метаморфозы моей судьбы — одно из бесчисленных тому свидетельств.

...В октябре 1956 года на квартире моего товарища по ссылке военного историка Георгия Самойловича Иссерсона, в доме на Бережковской набережной, я астретился с Георгием Константиновичем Жуковым. К хозяину квартиры, одинокому и неухоженному старому человеку, мы с женой приезжали часто. На этот раз ждал меня не только он: дверь открыл человек, которого не ожидал увидеть. ...Когда я опомнился от потрясения (слыхано ли, сам Жуков!) и ответил на приветствие, маршал сказал, будто давно знал меня: «Ну вот вы и нашлись! Тесен мир...»

Я не понял тогда смысла этих слов и принял их как шутку. Мы проговорили четыре часа. Выспрашивая меня о своих друзьях и коллегах, канувших в небытие прошедших лет, Жуков был сурово откровенен в оценках зла. И, как потом оказалось, прозорлив в предвидении последствий. Георгий Константинович несколько раз спросил меня о маме и об отношении семьи к его американскому коллеге по второй мировой войне. Меня и это не насторожило: так было предопределено провидением, что встреча наша состоялась задолго до откровений Ночвина. А Жуков, аероятно, посчитал свое участие в судьбе моей семьи обычным делом, мелочью. Человек нашелся, жив, на свободе, значит, порядок.

Прошло много лет. И вот новое пересечение судеб. 23 октября 1987 года мой корреспондент Мартин М. Тесли — ассистент директора мемориальной библиотеки Д. Эйзенхауэра в Абилене (штат Канзас), переслал мне рассекреченную в США копию письма генерала Эйзенхауэра маршалу Жукову от 6 декабря 1945 года, которое не передали и о котором адресат никогда не узнал.

Ксерокопию этого послания я отдал дочери маршала Марии Георгиевне.

Держа в руках листок со штампиком недаанего рассекречивания, я задумался: как страшно, что в свое время оно осталось непрочитанным!

Печально, но и в случае если бы оно дошло до адресата, маршал Жуков не только не смог бы посетить в США своего товарища по борьбе с фашизмом, было бы невозможно объяснить автору письма, почему маршал не откликнулся, не приехал, «не захотел» закрепить окропленные великой кровью ростки дружеских чувств друг к другу даух великих людей и двух аеликих народов.

Сосчитать бы, сколько жизней и крови унесли позорные эти для всех нас — без исключения — «обстоятельства»? Во что обошлось народу и народам преступное пренебрежение партдебилов к завету-завещанию маршала Жукова, высказанному во время последней встречи с Эйзенхауэром — 7 ноября 1945 года: «...Если мы будем партнерами — не найдется такой силы на земле, которая осмелилась бы затеять аойну».

Воистину: «...Еще многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить». Когда сможем?

ВЕНИАМИН ДОДИН,
кандидат технических наук,
действительный член Географического общества
АН СССР

ПРИМИРЕНИЕ

«С гражданской войны началось раздвоение России. Общий памятник павшим — белым и красным — вот то место на русской земле, откуда вновь начнется соединение двух начал»,— говорилось в обращении «Родины» (№ 6) к читателям. Мы продолжаем публикацию откликов на обращение. Отрадно, что идею поддержали люди самых разных политических взглядов и убеждений.

А у нас или черное, или белое. Когда мы вообще перестанем делить — то красные-белые, то черные-белые, то синие и т. д. Мы же одна страна, один народ. Действительно, кто-то сказал уже — надо, как в Испании, может быть, поступить. Там есть памятник примирения всех, кто столкнулся в гражданской войне, когда шли друг на друга и брат на брата. Нас хотят же одних обвинить, подозревают то в одном, то в другом. Но если мы выбор сделали и общество этот выбор сделало, то надо на этом главном направлении, в русле демократических преобразований и действовать. Они должны вывести, привести нас к новому обществу. И надо идти, надо стоять на этом.

М. ГОРБАЧЕВ, ***Президент СССР***

(Из выступления на встрече с деятелями культуры 28 ноября 1990 г.).

Нет страшнее преступника среди людей, чем тот, кто развязал гражданскую войну. У меня такой преступник ассоциируется с одним — с Троцким, а еще — с его комиссарами. Прочитайте приказы Троцкого времен гражданской войны. Сплошной геноцид русского народа. Иные псевдоисторики ныне забубнили о демоне революции — Троцком. Они что-то выжевывают о его теоретических произведениях. Троцкий был махровый человеконенавистник. Его теоретизирования надо публиковать параллельно с его приказами, тогда все увидят, что убийца вначале убивал воронежских, тамбовских, уральских, донских, украинских... а потом садился и поганил бумагу, чтобы оправдать, подвести какую-то теоретическую базу под свои преступления. Кроме этого, там нет ничего.

Не надо путать революцию и гражданскую войну. Гражданская война — всегда преступление, жертвой здесь всегда невинные люди. Это ведь Троцкий спровоцировал на бунт чехов, это ведь он подхлестнул концлагерями гражданскую войну, это ведь он объявил своими приказами охоту за людьми, поголовное истребление целых деревень и станиц, узаконил самое страшное даже в гражданской войне — заложничество. Расстреливали по его приказам старого и малого, женщин и мужчин, образованных и малограмотных, бедных и тех, у кого был лишний кусок хлеба, партийных и беспартийных...

Думается мне, что изгнание Троцкого из партии было первым ее самоочищением, партия этим актом хотела отмежеваться от преступления, имя которому — гражданская война, спровоцированная и раздуваемая до последнего Троцким. Ради мировой революции, читай — ради мирового господства, что всегда было чуждо русской нации.

Памятник жертвам гражданской войны нужен непременно. Убивали крестьян и рабочих, врачей и учителей, русских офицеров... Этим памятником мы скажем себе: «Никогда больше не пройдут троцкие и их комиссары!»

Генерал-майор В. ФИЛАТОВ,
главный редактор
«Военно-исторического журнала»

Редакция журнала «Родина» (см. № 6, 1990) взяла на себя благородное, но трудное дело: объединить идейно-классовых противников, которые уничтожали друг друга в годы гражданской войны. Колчак, Юденич, Врангель и их единомышленники с помощью иностранного капитала стремились восстановить капитализм в России, превратить ее в сырьевую колонию для иностранного капитализма. Ленин, Сталин, Орджоникидзе, Киров и их сторонники, напротив, боролись против капитализма. Естественно, что тогда идейных противников, погибших в боях, не удалось положить в одну могилу и поставить им единый памятник. Правда, их прах, как тех, так и других, приняла единая Русская земля.

У нас на Среднем Урале свирепствовал генерал Колчак. Автору приходилось в селе Липовка Туринского района перезахоранивать с коммунистом П. Дергачевым, комсомольцами М. Лыжиным, С. Серковым красногвардейцев, расстрелянных колчаковцами в лесу. Наша задача была вырыть их из лесных могил, уложить в гробы и захоронить с пением «Мы жертвою пали» на старом сельском кладбище. Наблюдал я и за похоронами убитого на фронте подпоручика белой армии Юткевича, однокашника моих родителей по Туринской семинарии. Похороны его проходили со всеми воинскими почестями.

С мертвыми проще — куда их захоронят, там они и будут лежать. А как быть с современными противоборствующими сторонами? Тут у редакции журнала «Родина» куда более сложная задача: объединить усилия КПСС и межрегиональной группы. Лидеры этой группы стараются скомпрометировать КПСС, вырвать у нее политическую власть любыми средствами и методами.

В настоящее время нет более опасной политики для нашего государства, чем политика лидеров межрегиональной группы. Они раскалывают единство нашего народа. Возникающие забастовки на предприятиях — это результат агентуры лидеров межрегиональной группы...

Считаю, редакция журнала «Родина» должна найти ту позицию, при которой и КПСС, и межрегиональная группа могли бы в весьма культурной, уважительной форме пойти к единой цели, к цели обновления социализма.

А. РЫБИН,
ветеран войны,
бывший охранник И. В. Сталина

Сдано в набор 07.12.90. Подписано к печати 26.12.90. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 395498 экз. Заказ № 3148. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Тел. 257-37-66, 285-28-68.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

© Издательство «Советская Россия», 1990.

